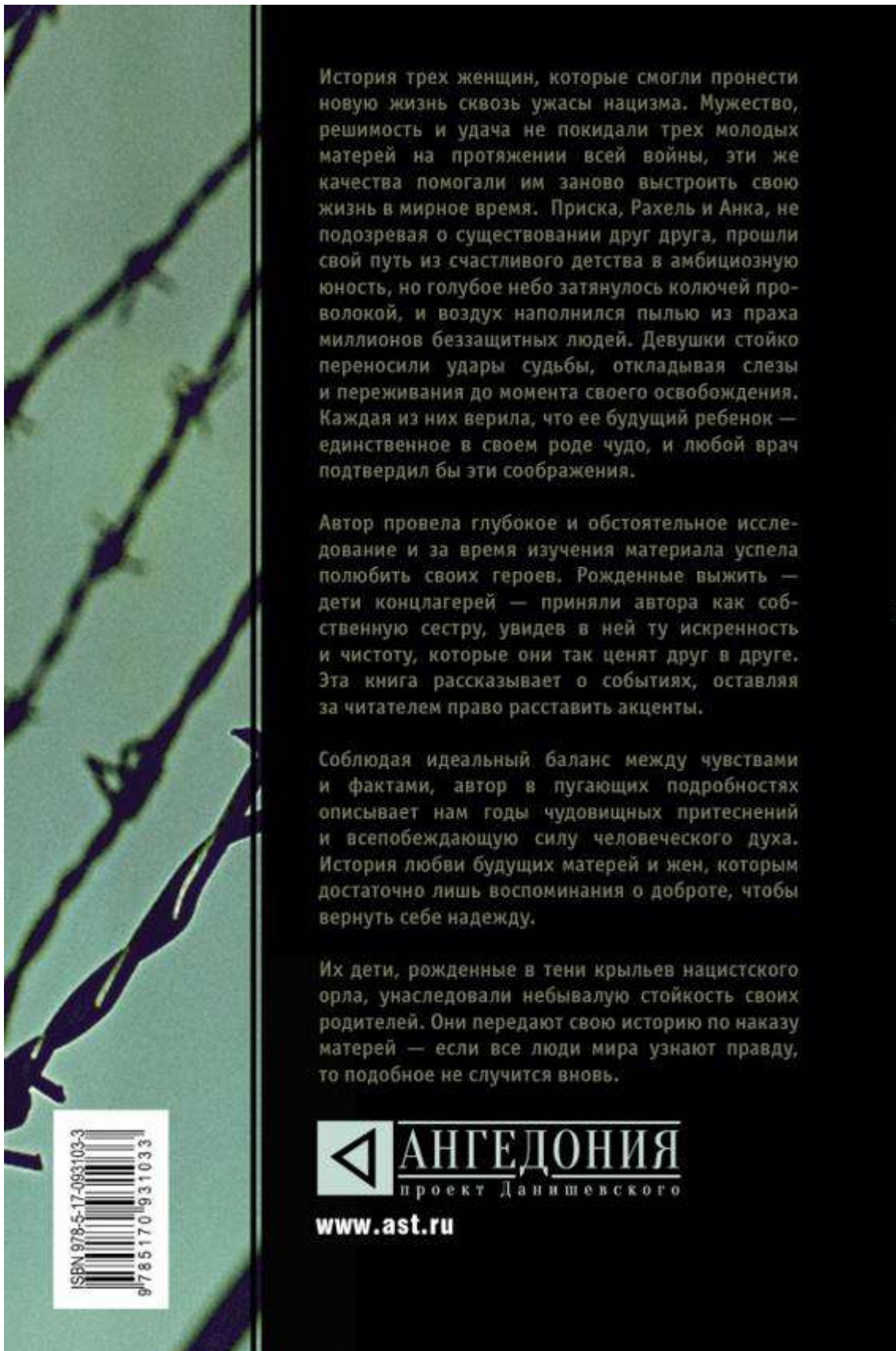

Венди Холден
Дети лагерей смерти
Рожденные выжить

История де-факто –

Москва: АСТ, 2015. — 352 с. (История де-факто). ISBN: 978-5-17-093103-3.

История трех женщин, которые смогли пронести новую жизнь сквозь ужасы нацизма. Мужество, решимость и удача не покидали трех молодых матерей на протяжении всей войны, эти же качества помогли им заново выстроить свою жизнь в мирное время. Приска, Рахель и Анка, не подозревая о существовании друг друга, прошли свой путь из счастливого детства в амбициозную юность, но голубое небо затянулось колючей проволокой, и воздух наполнился пылью из праха миллионов беззащитных людей. Девушки стойко переносили удары судьбы, откладывая слезы и переживания до момента своего освобождения. Каждая из них верила, что ее будущий ребенок — единственное в своем роде чудо, и любой врач подтвердил бы эти соображения.

Автор провела глубокое и обстоятельное исследование и за время изучения материала успела полюбить своих героев. Рожденные выжить — дети концлагерей — приняли автора как собственную сестру, увидев в ней ту искренность и чистоту, которые они так ценят друг в друге. Эта книга рассказывает о событиях, оставляя за читателем право расставить акценты.

Соблюдая идеальный баланс между чувствами и фактами, автор в пугающих подробностях описывает нам годы чудовищных притеснений и всепобеждающую силу человеческого духа. История любви будущих матерей и жен, которым достаточно лишь воспоминания о доброте, чтобы вернуть себе надежду.

Их дети, рожденные в тени крыльев нацистского орла, унаследовали небывалую стойкость своих родителей. Они передают свою историю по наказу матерей — если все люди мира узнают правду, то подобное не случится вновь.

АНГЕДОНИЯ
проект Данишевского

www.ast.ru

Аннотация

История трех женщин, которые смогли пронести новую жизнь сквозь ужасы нацизма. Мужество, решимость и удача не покидали трех молодых матерей на протяжении всей войны, эти же качества помогли им заново выстроить свою жизнь в мирное время. Приска, Рахель и Анка, не подозревая о существовании друг друга, прошли свой путь из счастливого детства в амбициозную юность, но голубое небо затянулось колючей

проволоккой, и воздух наполнился пылью из праха миллионов беззащитных людей. Девушки стойко переносили удары судьбы, откладывая слезы и переживания до момента своего освобождения. Каждая из них верила, что ее будущий ребенок – единственное в своем роде чудо, и любой врач подтвердил бы эти соображения...

Венди Холден
Дети лагерей смерти. Рожденные выжить

Wendy Holden
BORN SURVIVORS

Пер. с англ. Юлии Минц.

Печатается с разрешения издательства Little, Brown Book Group Limited и литературного агентства Nova Littera SIA.

© Wendy Holden, 2014

© Юлия Минц, перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
От автора.....	4
Приска.....	6
Рахель.....	36
Анка.....	69
Аушвиц-II–Биркенау.....	117
Приска.....	117
Рахель.....	137
Анка.....	144
Фрайберг.....	156
Поезд.....	199
Маутхаузен.....	232
Освобождение.....	260
Дом.....	285
Приска.....	285
Рахель.....	298
Анка.....	309
Воссоединение.....	326
Послесловие.....	337
Библиография и источники.....	339
Архив свидетельств очевидцев.....	340
Литература.....	341
Прочие источники.....	343
Благодарность.....	344

Вступление

Иногда просто жить – это уже мужество.
Сенека

Эта книга посвящена храбрости и стойкости трех женщин и их детей, рожденных в мире, обращенном против них.

Три беременные женщины. Молитвы трех семей о светлом будущем. Трое детей, рожденных в невообразимых обстоятельствах. Появившись на свет, они весили меньше полутора килограммов, их отцы уже были убиты нацистами, а матери в концентрационном лагере превратились в «живых скелетов», хватающихся за каждый вздох. Однако женщины смогли выжить. Несмотря на все препятствия, их дети – тоже. Семьдесят лет спустя трое родных по духу сошлись вновь, чтобы рассказать поразительные истории своих матерей, победивших смерть и подаривших отпрыскам жизнь. Эти трое родились, чтобы выжить.

От автора

Все три истории были тщательно собраны и записаны благодаря семейным архивам и интервью троих выживших. Все факты подкреплены скрупулезными расследованиями и подтверждены свидетельствами живых и мертвых. Независимые специалисты по возможности проверили свидетельства, опираясь на архивные материалы и исторические записи. На основе общих сведений истории были собраны воедино.

Мы обязаны Венди Холден за ее сопереживание судьбам наших матерей и неиссякаемую энергию, с которой она отыскивала в истории военного времени их едва заметные следы. В ходе работы над книгой Венди не только поделилась с нами прежде неизвестной информацией, но и сплотила нас как братьев по духу. Мы благодарны ей за информацию обо всех жителях Горни-Бржицы, которые бескорыстно снабжали одеждой и едой наших матерей и остальных заключенных двух концлагерей на нашем пути в «поезде смерти», идущем в Маутхаузен. Мы склоняемся перед усердием и мастерством, с которым Венди отслеживала и описывала все сложности на пути 11-й бронетанковой дивизии армии США, освободившей Маутхаузен и подарившей нам и нашим матерям будущее. Наши родительницы были бы счастливы узнать, что спустя столько лет их истории наконец-то будут рассказаны от начала и до конца и событие это приурочено к нашему общему 70-му дню рождения и 70-й годовщине окончания войны. Мы благодарим тебя, Венди, добрая сестра, за помощь нам – людям, которые родились при режиме, желавшем нам смерти, но стали одними из последних, кто пережил Холокост.

Хана Бергер Моран, Марк Ольский и Ева Кларк,
 2015

Приска

«Sind sie schwanger, fescbe Frau?» (нем. «Милочка, а ты у нас беременна?»)

Этот вопрос задал Приске Левенбейновой нацистский инквизитор. Вопрос сопровождала улыбка, офицер стоял, широко расставив ноги, осматривая ее сверху донизу и упиваясь предстоящим анатомическим открытием.

Доктор Йозеф Менгеле остановился при осмотре голой 28-летней словацкой учительницы, пока та тряслась от холода и смущения после многочасового путешествия в Аушвиц II-Биркенау. Это случилось в середине октября 1944 года.

Приска, едва достигавшая полутора метров ростом, выглядела моложе своих лет. Она стояла среди 500 таких же обнаженных женщин, незнакомых друг с другом. Все еврейки, все оцепеневшие от ужаса, все попали сюда после длительной дороги. Женщин по 60 человек сажали в закрытые грузовые вагоны. Их забирали из собственных домов, из гетто со всей

Европы. В каждом поезде было до 55 вагонов.

Когда женщин привезли по печально известной железной дороге в Аушвиц, самое сердце нацистского комплекса пыток, на них накинута с криками «Raus!» («Вылезай!») и «Schnell, Judenschwein!» («Поторапливайся, жидовская свинья!»).

Толпу обеспокоенных женщин ведут не выражающие никаких чувств надзиратели, по сторонам стоят офицеры СС, все они безупречно опрятны, а их собаки рвутся с цепей. Нет смысла искать близких – женщин отделяли от мужчин, детей сразу бросали к старым и немощным.

Неспособных стоять и всех, у кого отнялись ноги от нескольких суток, проведенных стоя в душном вагоне, кололи штыками и подгоняли кнутами. Душераздирающие крики «Мои дети! Мои малыши!» зловеще повисали в промозглом воздухе.

Перед длинными колоннами обездоленных простиралась два огромных кирпичных здания, печные трубы каждого из них изрыгали в свинцовое небо смолянистый черный дым. Серость окружающего мира была наполнена гнилостным, сладковатым запахом, проникавшим через ноздри и застревавшим где-то в горле.

Множество женщин от мала до велика, оторванные от своих родных и близких, просачивались в узкий коридор из колючей проволоки под напряжением – той же, что была растянута по периметру польского концлагеря. Женщины пребывали в состоянии шока, спотыкались друг о друга, их продолжали вести мимо печей, вдоль длинного рва, к одноэтажному зданию, одиноко стоящему посреди березовой рощи, – к душевой.

В этот момент им официально присуждали статус узников концлагеря и прежде всего вынуждали отказаться от всех чайний и отдать всю одежду. Женщины громко выражали протест на разных языках, но в ответ получали угрозы и побои от эсэсовцев с винтовками.

Всех этих матерей, дочерей, сестер и жен направляли по широкому коридору в комнату, где другие заключенные остригали им практически каждый волосок на теле под присмотром немецких сторожей.

После такой обработки девушки переставали узнавать друг друга. Их выводили строем по пять человек на переключку снаружи здания, где им приходилось больше часа стоять босиком на холодной липкой глине, после чего женщины проходили второй этап «селекции». Инспекцию проводил мужчина, которого позже назовут «ангелом смерти».

Доктор Менгеле, одетый в свою неизменную серо-зеленую униформу, поблескивающую шевронами с «мертвой головой», держал в руках лайковые перчатки с широкими крагами. Темные волосы сильно напояжены, перчатки он переключивал из руки в руку по мере обследования новых заключенных. Особенно его интересовали беременные. Когда подошла ее очередь, Приска Левенбейнова на несколько мгновений задумалась, как ответить улыбочивому офицеру с большой щелью между резцами. Она чуть помедлила, отрицательно затрясла головой и ответила на его языке: «Nein».

На тот момент срок ее беременности составлял 2 месяца, ребенок был долгожданным подарком для нее и ее мужа Тибора (которого Приска надеялась найти в лагере), и женщина совершенно не знала, спасет ли ее от чего-то высказанная правда или приведет к неминуемой гибели. Она осознавала, что находится в серьезной опасности. Одной рукой она прикрывала грудь, другой – то, что осталось от лобковых волос, и молилась, чтобы Менгеле принял на веру ее слова. Учтивый офицер СС на секунду задержался, чтобы взглянуть в лицо «милочки», прежде чем двинуться дальше. В трех заключенных от нее офицер схватил отшатнувшуюся женщину за грудь. Несколько капель грудного молока выдали, что она по меньшей мере на 16-й неделе, и Менгеле, махнув перчатками, убрал женщину из строя, после чего ее толчками отвели в угол площадки, где уже толпились остальные трясущиеся от страха будущие матери.

Никто из этих женщин не знал тогда, что одно направление означает жизнь, а другое – нечто совершенно иное. Судьба женщин, выбранных в тот день Менгеле, осталась неизвестной.

Йозеф Менгеле представлял большую опасность для Приски и ее чада, до чьего

рождения оставалось много времени, но девушка не представляла, с чем ей придется столкнуться. В последующие месяцы голод стал ее главным врагом, однако умереть от голода было одним из наименее мучительных исходов.

Сестра голода – жажда – неистово мучила ее на протяжении всего заключения, вместе с истощением, страхом и болезнями. Беременное тело глодало само себя изнутри, а болезненная нужда в пище почти сломила ее дух.

Во времена особенно сильных мук Приска вспоминала, как прижималась носом к стеклу кондитерской лавки по пути в школу, перед тем как позволить себе свою любимую коричную булку в сахарной пудре и цветной обсыпке. Воспоминание о том, как сладкие крошки булочки катятся на ее блузку в той кондитерской в Злате-Моравце, вмещало в себя все ее идиллически светлое детство в месте, которое ныне является частью Словацкой Республики. Известный добычей золота городок, где она выросла, находился приблизительно в ста километрах от Братиславы. Название одной из рек, протекающих поблизости, Златнанка, происходит от словенского слова «золото». Городок процветал, как и сообщалось в названии: большая церковь, гостиница, школы, целые проспекты магазинов, кофеен и ресторанов.

Родители Приски, Эмануэль и Паула Рона, владели самой именитой кошерной кофейней в городе – именно там собирались главные местные деятели. Благодаря удачному расположению в центре города у кофейни имелся красивейший дворик. Эмануэль Рона нашел это предприятие по объявлению в газете в 1924 году, когда ему было около сорока лет. В поисках прибыли Эмануэль принял твердое решение переехать с женой и детьми из глухого городка Стопков на границе с Польшей. Приска родилась 6 августа 1916 года, на момент переезда ей уже исполнилось 8 лет, и каждый раз она вместе с семьей возвращалась в Стопков, чтобы навестить овдовевшего деда по материнской линии, Давида Фридмана, который владел таверной и был широко известен своими сатирическими памфлетами. Кафе в Злате-Моравце, как позже скажет Приска, всегда было красиво и безукоризненно чисто благодаря стараниям ее родителей и их работников. Помимо прочего, в кафе была отдельная комната, которую мать гордо звала «*chambre séparé*» – там находилось восемь музыкантов в черных костюмах, которые играли для посетителей каждый раз, когда мать одергивала кулису. «У нас были отличные музыканты и прекрасные танцоры. Кофейня с каждым днем хорошела. Я так нестерпимо любила свое детство». Мать Приски была на четыре года моложе отца и на голову выше него, невероятной красоты женщина, всегда гордившаяся своей семьей. После женитьбы она взяла словацкое окончание к своей фамилии (-ова). Паула Ронова всегда подтверждала свою репутацию прекрасной жены, матери и повара, была исключительно мудрой женщиной, мало говорила и много думала. «Моя мама была моим лучшим другом». Отец же, напротив, был строг и всегда переходил на немецкий или идиш, если не хотел, чтобы дети слушали. Приска, с детства наделенная способностями к языкам, втайне все понимала. Эмануэль не отличался усердием в соблюдении формальностей, но понимал ценность семейной репутации, поэтому стабильно водил семью в синагогу на все значимые еврейские праздники.

«Очень важно было вести себя прилично именно из-за кофейни. Мы должны были представляться хорошей семьей, хорошими друзьями и хорошими владельцами, иначе люди перестали бы к нам ходить». Из пяти детей в семье Приска была четвертой, при рождении ей дали имя Пирошка. Старшим был Андрей – Банди. Следом шли Елизавета – Боежка, и Аничка – «малышка Анна». Спустя несколько лет после рождения Приски на свет появился Юджин, кого чаще называли Яничко или Янко. Между Приской и Юджином был еще один ребенок, но он умер в младенчестве. В Злате-Моравце семья жила в комнатах, прилегающих к кофейне, там было достаточно места, чтобы выделить каждому ребенку отдельную спальню. Домашний сад спускался к полноводной речке. Приска была атлетичной активной девушкой, часто купалась в реке с друзьями и играла в теннис на заднем дворе. И Приска, и ее сестры были красавицами с блестящей россыпью черных волос, девочки всегда светились здоровьем и излучали радость. Местные дети с удовольствием играли с ними, а Приску вскоре стали нежно звать «Пири». «Не было разницы между евреем и неевреем, мы со всеми дружили одинаково». Все детство их окружали добрые женщины, которые относились к ним по-матерински,

заботились, помогали с уроками. В их собственной семье питались хорошо, в меню каждого приема пищи обязательно присутствовало кошерное мясо. Всегда приносили десерт из кафе. Приска была сладкоежкой, ее любимым блюдом стал венский шоколадный торт с меренгой и абрикосовым вареньем.

В школе не преподавали религиозных дисциплин, но вся семья исправно молилась по пятницам, совершала ритуал омовения рук и только после этого садилась к изысканному шаббатному столу, украшенному изысканными серебряными подсвечниками и скатертью тончайшей работы. Приска была одной из шести девочек в классе, где училось 30 человек. Ее сестра Боежка была настоящим лингвистическим гением, буквально впитывая языки без каких-либо усилий. Однако книги не представляли для Боежки большого интереса, она увлекалась прикладным искусством, в особенности вышивкой, где ей не было равных. Приске, в отличие от сестры, приходилось прилагать усилия для усвоения знаний, но она была усидчивой, и вскоре образование стало ее главной страстью. В своем стремлении открывать мир и познавать его все глубже она отличалась и от другой своей сестры, которая больше интересовалась куклами и нарядами. «Я гордилась тем, что у меня есть Знание», – отмечала Приска. С ранних лет она увлеклась христианством и частенько заглядывала на местное католическое кладбище по пути из школы. Особенно ее впечатляли надгробия и мавзолеи, девочка всегда интересовалась «новоприбывшими», сочиняла истории их жизни. Ее мать Паула всячески поддерживала жажду знаний и безумно гордилась, когда ее дочь стала первой в семье, кто поступил в местную старшую школу – гимназию им. Янки Краля. Школа выглядела внушительно: трехэтажное белое здание с лепниной было возведено в 1906 году напротив кладбища и городского муниципалитета. Приска стала одной из пятисот студентов этой школы, где учились с 10 до 18 лет. Там она изучала английский и латынь, помимо обязательных немецкого и французского языков.

Все остальные отпрыски семьи учились только в средней школе, за исключением Банди, который посещал экономический колледж. Азартная по своей натуре Приска побеждала на многочисленных олимпиадах, завоевывала академические награды, что всегда вызывало радость профессоров. Помимо того, что она стала любимицей учителей, Приска была еще и предметом мечтаний многих одноклассников – молодые люди часто просили ее помочь с заданиями по английскому языку и толпами собирались в ее саду, где она проводила занятия. Сама Приска говорила: «О Злате-Моравце у меня только самые светлые воспоминания».

Лучшей подругой Приски в школе стала Гизель Ондрейковичова, Гизка. Она была не только красива, но и имела отличную репутацию. Отец Гизки был местным шефом полиции, чистокровным арийцем. Гизка не была столь прилежной ученицей, как Приска, поэтому ее отец пришел с предложением к семье Рона: если Приска поможет его дочери хорошо доучиться, то он снимет с кофейни все временные ограничения в работе, без каких-либо дополнительных налогов. Таким образом, Приска стала самым значительным ребенком для бизнеса семьи Рона. Пока Приска помогала своей однокласснице, их кафе было гарантировано спокойствие и процветание. Девушка отлично понимала всю ответственность, возложенную на нее предприятием, обожала свою подругу и была счастлива ей помочь. Девочки просидели за одной партией все школьные годы и вместе закончили школу.

После получения диплома у Приски было все, чтобы стать профессором иностранных языков. Она присоединилась к учительскому хору, вместе с которым путешествовала по стране. В их программу входили композиции националистического толка – «Я словак и словаком останусь». Эту песню она пронесет в сердце сквозь всю свою жизнь. По закону местного этикета с уважаемыми людьми нужно здороваться первым, и Приска принимала это уважение с большим удовольствием. За ней ухаживал профессор-ариец, приглашая ее по субботам на чашечку кофе, на танцы и ужин в местной гостинице. Ни тени мрачной мысли о том, что приятную жизнь может что-то нарушить, не пробегало в сознании семьи Рона и самой Приски. Евреев преследовали по всей Европе, русские учиняли погромы и расправы, но семья Рона обустроилась в Новой Европе, цветущей после окончания Первой мировой войны, развала Германской, Австро-Венгерской и Российской империй. В Чехословакии многие из

них занимали видные должности, отлично ассимилировавшись в обществе. Евреи стали неотъемлемой частью не только экономической области и производства, но и принимали активное участие в культурной и научной жизни общества. Повсюду выстраивались ешивы и синагоги. Семью Рона лишь слегка коснулся антисемитизм.

Однако суровые экономические условия, сложившиеся после Первой мировой войны, начали расшатывать нервы людям за пределами Германии. Адольф Гитлер, глава НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) с 1921 года, выступал против того, чтобы евреи контролировали благосостояние страны, и обвинял их в многочисленных злодеяниях. На выборах 1933 года НСДАП собрала 17,2 миллиона голосов, и Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. Его восхождение к власти ознаменовало конец демократической Веймарской республики и начало общеизвестного Третьего рейха. В своих речах Гитлер осуждал капитализм и порицал всех, кто имеет отношение к большевикам, коммунистам, марксистам и Красной армии. В 1925 году он опубликовал свою автобиографию-манифест «Mein Kampf» («Моя борьба»), в которой заявил, что «персонификация дьявола как символа зла олицетворяется евреем», и обещал уничтожить евреев и другие нежелательные для Германии элементы, называя это «окончательным решением вопроса». Призывая население справиться с проблемами, которые представлялись следствием Первой мировой войны, Гитлер направляет свои штурмовые батальоны в атаку на евреев и их предприятия. Голос лидера нацистов доносился из каждого приемника – «Sieg Heil» («Да здравствует победа»).

В скором времени Гитлер начал исполнять свои обещания, и это спровоцировало быстрый экономический подъем, что закрепило его авторитет. Воодушевленная успехом администрация вводила законы по исключению евреев из политической, экономической и социальной жизни Германии. «Дегенеративные» еврейские книги были сожжены, неарийцы были исключены из университетов, выдающиеся евреи – такие как Альберт Эйнштейн – депортированы. Нацизм цвел кострами оскверненных синагог, часто и с запертыми внутри евреями. Тротуары блестели под немецким солнцем осколками витрин еврейских магазинов, еврейские дома были раскрашены звездами Давида и оскорбительными лозунгами. Арийцев поощряли за сообщения об адресах евреев, страну охватила атмосфера недоверия и предательства. Еще вчера люди могли дружить семьями, их дети были знакомы с рождения, а завтра кого-то уже выводили на улицу пинками, избивали и арестовывали по наводке. Повсюду были шпионы-добровольцы, сдающие своих соседей ради того, чтобы наложить руки на их имущество. Сотни домов систематически разграбляли мародеры. Немецкие офицеры проводили досмотры и выселяли целые семьи в короткий срок ради понравившейся квартиры. Говорили, что «новые жильцы въезжали прежде, чем остывал хлеб в печи». Изгнанники переселялись в крошечные бедные районы, где им запрещалось вести прежнюю жизнь.

Физически неполноценные и психически больные – как арийцы, так и евреи – считались «недостойными жизни», их отправляли в лагеря или массово истребляли. У остальных же не было иного выбора, кроме как подчиниться Нюрнбергским расовым законам. Евреев подсчитывали, как скот, и насильно отделяли от других народов. Под тем, что нацисты называли «научным расизмом» ради сохранения чистоты немецкой крови, имелось в виду отделение «расово полноценных» от «евреев, цыган, негров и их грязных отпрысков» с полным отказом в правах человека. Закон о защите немецкой крови и немецкой чести аннулировал все смешанные браки, а евреев, уличенных в сношениях с арийцами, ждал смертный приговор за «загрязнение расы». Евреев лишили гражданства, а тех, кто попал под описание «асоциальный» или «опасный» (расплывчатая категория людей, в которую входили коммунисты, политические активисты, алкоголики, проститутки, попрошайки, бездомные, Свидетели Иеговы и прочие, не подчиняющиеся Гитлеру), арестовывали и отправляли в концентрационные лагеря, расположенные в старых военных казармах.

Арийцам было запрещено нанимать евреев. Постепенно евреям запретили работать в качестве юристов, докторов и журналистов, а дети старше 14 лет не получали образования. Евреев отписали от всех больниц, им было запрещено уезжать более чем на 30 километров от

дома. Ограничено было и посещение парков, рек, пляжей, бассейнов и библиотек. Имена всех еврейских солдат соскребли с мемориалов Первой мировой войны, несмотря на то, что все они сражались за кайзера. Была введена система пищевых талонов, евреи получали вполуполу меньше нормы арийца. Им разрешалось покупать продукты в строго отведенных местах с 3 до 5 часов дня, а к этому времени часто вся свежая еда была уже раскуплена. Евреям было запрещено посещать кино и театры, а по городу допускалось перемещаться исключительно в задних вагонах трамваев, где всегда была толпа людей и стояла невыносимая жара. Каждая еврейская радиостанция находилась под контролем полиции, ввели комендантский час – с 8 вечера до 6 утра.

От страха многие бежали во Францию, Голландию и Бельгию в поисках спасения. С 1918 года Чехословакия обрела популярность среди беженцев. Семья Приски, ощущая поддержку сильных союзников – Франции, Великобритании и России, – чувствовала, что опасность пройдет стороной.

В марте 1938 года Гитлер аннексировал Австрию, вся Европа дрожала в страхе перед ним. Гитлер потребовал Lebensraum – жизненное пространство для своего народа. В августе того же года были отменены все права на проживание на территории рейха, и буквально за одну ночь 12 000 польских евреев оказались за пределами страны. Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, желающий восстановления мира, вел переговоры, которые завершились в сентябре Мюнхенским соглашением. Все европейские страны, кроме Чехии и России, безоговорочно отдали Гитлеру север, запад и юг Чехословакии (Судетскую область), в большинстве своем говорящие на немецком. Чехи называют это событие «Мюнхенским предательством», потому что их лишили стратегических границ.

В ноябре 1938 года еврейский юноша, чью семью выселили из дома, убил в Париже немецкого офицера. В качестве расплаты за содеянное молодым человеком высшее командование нацистов распорядилось устроить Reichspogromnacht, или Хрустальную ночь. За одну ночь были уничтожены практически все еврейские дома, магазины и синагоги, по меньшей мере 90 человек убиты и 30 000 арестованы. В последующие месяцы приспешники Гитлера разворачивали пропаганду антисемитизма.

Чешская армия мобилизовалась, но в марте 1939 года фюрер пригласил в Берлин президента Чехословакии Эмиля Гаха и монсеньора Йозефа Тисо (главу католической церкви Чехословакии). Гитлер выдвинул ультиматум: либо они добровольно сдадутся в руки нацистов, либо нацисты сами наводнят Чехословакию в качестве «защитников» от посягательств Венгрии на границы Чехословакии. Тисо и Гаха практически немедленно согласились на условия Гитлера, и Тисо назначили президентом номинально независимой Словакии без дальнейшего вмешательства нацистов. 66-летний президент Гаха, недавно переживший сердечный приступ, согласился на условия Гитлера, но встретил сильное неодобрение со стороны своего народа. Уже 16 марта 1939 года по Чехии шествовали немецкие полки, а чешскую нацию объявили Протекторатом Богемии и Моравии.

Шестью месяцами позже Гитлер начал наступление на Польшу. Великобритания и Франция объявили военное положение. Жизнь людей в Европе уже не могла стать прежней. Евреи во всех государствах, зависимых от Германии, в один миг превратились в изгоев. На большинстве зданий появились знаки «Juden nicht zugänglich» («Евреям вход воспрещен»). Иногда встречались и более грубые – «Собакам и евреям вход воспрещен». Люди, узнавшие об ужасах, сотворенных над их единоверцами в Германии, Австрии и Польше, наводняли иностранные посольства в надежде поскорее уехать. Не в силах вынести мысли о надвигающемся ужасе, многие кончали с собой.

У семьи Приски не оставалось иного выхода, кроме как мириться с каждым нововведением. Девушка тосковала по приятным мелочам. Профессор больше не водил ее на танцы, прохожие на улицах отворачивались. «Было множество неприятностей, но с ними можно примириться ради самой жизни». Давние друзья, вроде Гизки, одного одноклассника и их семей, продолжали обеспечивать семейство Рона свежим молоком, упорно оставались верными своей дружбе. Они часто заходили навестить своих еврейских знакомых и предлагали

посильную помощь. Евреи же, узнав о том, что сородичей насильно выселяют из домов и лишают имущества, стали запасаться едой и одеждой. Они закапывали свои ценности или отдавали их на хранение друзьям, хотя все знали, что за это приговаривают к смертной казни.

Те евреи, что могли уехать, уехали в Палестину, находившуюся под протекцией Великобритании, в надежде вскоре основать там сионистское государство. Среди них был и Банди, который уехал туда в 1939 году, поклявшись, что видел дурное предзнаменование. Не сказав ни слова, молодой человек Приски сбежал сначала в Бельгию, а оттуда в Чили. Он был хорошо обеспечен и молод, они уже были помолвлены, но он просто исчез. Остальные в семье выкручивались, как могли. Аничка вышла замуж в возрасте 19 лет, чтобы не стать прислугой в кофейне. У нее появился сын, Отто, но брак был недолгим. После развода Аничка взяла себе более арийское имя – Елена Груба и устроилась на работу в другую кофейню. Янко забрали в инженерный отряд, где присвоили ему звание Robotnik Zid («рабочий еврей»), выдали синий комбинезон и заставили выполнять всю грязную работу. Боежка, все еще незамужняя в свои 30 лет, вязала и шила одежду для близких. Приска была безмерно счастлива носить вещи, созданные Боежкой, в них она не чувствовала себя отброшенной к краям общества. «Я никогда не была красавицей, но всегда заботилась об опрятности внешнего вида. А люди в моем городе относились ко мне благожелательно, потому что знали о репутации нашей кофейни». Однако скоро эти люди от нее отвернулись.

В 1940 году кафе пришло в упадок. Родители семьи Рона имели ограниченное образование, мало что умели, но аккуратно вели дело на протяжении шестнадцати лет. «Они потеряли все. А ведь они такие замечательные люди». Ариец, вставший во главе бывшей семейной кофейни, благосклонно отнесся к Приске, когда узнал, что она разговаривает на английском, французском, венгерском и немецком. «Он счел эти знания ценными». Лишившись возможности работать, Приска и те, кто оставался в ее семье, решили переехать в Братиславу, новую столицу Словацкого протектората на берегу Дуная. Дедушка собрал все вещи из своей таверны и присоединился к семье. Они располагали очень маленькой суммой денег и надеялись, что евреям будет проще пробраться незамеченными в большой город. Они оказались правы. Во время прихода нацистов евреи составляли 12 % населения Братиславы (15 000 человек) и отлично там ассимилировались. Несмотря на нацистский режим, им удалось найти жилище в доме на Шпитальской улице, и, подрабатывая частным учителем, Приска вновь смогла ощутить вкус радости, который связывала с детством в кафе. Особенно ей нравилась кофейня «Асторка», где теснилось множество интересных людей, с которыми она общалась на разных языках. Именно в «Асторке» в 1940 году она заметила стройного мужчину с усами, который о чем-то разговаривал с ее знакомыми.

«Он о чем-то оживленно и внимательно говорил моей подруге Мими, фармакологу. Внезапно она встала и подошла ко мне, сообщив, что я ему понравилась». Смелый ухажер подошел и представился. Тибор Левенбейн, польский журналист еврейского происхождения, бегло говорил на немецком и французском, приехал с северо-запада страны, из Пухова. Каждый раз, когда они виделись, он был подвыпившим, потому Приска заметила, что не хочет общаться с пьющими мужчинами. Он только и ждал, как сможет ее впечатлить и расположить, поэтому немедленно дал слово больше не пить и сдержал его. Однако продолжал курить и хранил невероятную коллекцию из сорока трубок, к которым Приске нельзя было прикасаться. Тибор был педантичен в одежде, у него накопилось не менее сорока рубашек. Ни на минуту не забывая о том, что он писатель, Тибор всюду носил с собой блокнот, в котором периодически что-то записывал. Он и марки собирал, но Приска любила говорить, что с ее появлением она стала его главным хобби. Тибор был единственным сыном Генриха и Берты Левенбейнов. Отец владел небольшой фермой, но Тибор не захотел ограничиваться наследственным делом и переехал в Братиславу, где устроился журналистом в Allgemeine Jüdische Zeitung, где писал о спорте и политике. Из-под его пера вышла и небольшая книга – Slovensko-Židovské hnutie a jeho poslanie («Словацко-еврейское движение и его миссия») – о том, каково быть ассимилировавшимся евреем в Словакии.

Когда Нюрнбергский закон стал препятствием для его карьеры в газете, добрый грек,

владелец Дунайского банка в Братиславе, любезно предложил ему работу клерка. Тибор был стройным и ухоженным, не слишком темные волосы и бледная кожа не выдавали в нем еврея, что в то время было очень важно. Выглядел он настолько хорошо, что его несколько раз посылали в командировки в Прагу и Брно, что было немыслимо для еврея. У работодателя оказались отличные связи, и Тибору все было по плечу. Благодаря карьере журналиста он познакомился с множеством людей, все были с ним крайне обходительны, а человеческая учтивость распространялась и на девушку, которая держала его под руку. Каждое утро Тибор по пути на работу провожал Приску в «Асторку», где она наслаждалась кофе с кусочком торта. Когда он выходил, то каждый раз салютовал ей из-за окна, Приску забавлял этот ритуал. По вечерам они прогуливались вдоль Дуная, излюбленного места парочек. На берегу играли уличные музыканты, а молодежь наслаждалась волнением лунного света в воде от проходящих мимо лодок и паромов. На протяжении полугода ухаживаний Тибор каждый день писал Приске письма, в них он звал свою возлюбленную Pirečka Zlaticko – «моя золотая Пиречка», а она в ответ звала его Тибко и Тиборко. Приска хранила каждую его записку, некоторые из них были короткими, но абсолютно все – исполнены теплотой. Практически все они сохранились. В одном из писем Приска пишет своему возлюбленному:

«10 марта 1941 года

Мой милый Тибко, я так рада получать твои письма, особенно длинные... Горюплюсь сообщить тебе отличные новости – начиная с четверга у меня будет свободное время, и мы сможем видеться четыре дня подряд. Какая роскошь в это время ограниченных возможностей... Ты спрашивал, что я думаю о твоих письмах. Они прекрасны. Я в восторге от тебя. Несмотря на твою серьезность и пессимизм, такой хмурый взгляд на происходящее, ты так нежно пишешь... Я постоянно о тебе думаю, я знаю, что ты находишь утешение в книгах. Я даже несколько завидую тому, что их так много в твоей жизни, а меня так мало – но ведь это ненадолго. Передавай привет своим книгам, ведь именно они составляют тебе отличную компанию в мое отсутствие. Посылаю тебе миллион поцелуев,
Твоя Пира».

В письме от 12 марта Тибор отвечает:

«Золотая моя Пиречка, как же я счастлив читать твои письма. Какая радость! В эти безотрадные будни твои милые слова, как лучи солнца, пронзают темные тучи. Я хотел бы выразить свою радость и благодарность... Но боюсь, что не смогу! Я думаю о том, что уже завтра в 4.30 мы увидимся, думаю об этой приятной возможности провести вместе время, но сталкиваюсь с осознанием произвола судьбы. Ведь на наш пятидесятилетний юбилей мы не сможем быть рядом. Я не стану сейчас тратить все слова, оставлю на завтра, когда наконец-то увижу тебя... Не могу дождаться мгновения, когда заключу тебя в объятия... До завтра, моя дорогая... а до этого мгновения пусть мчатся к тебе мои поцелуи,
Твой Тибор»

Пара оформила свои отношения 21 июня 1941 года в Братиславской синагоге. Невеста, 25 лет, была одета в прекрасное вышитое белое платье, белые туфельки, маленькую шляпку и жемчуга. В руках она несла букет белых лилий, что означало ее согласие с ктубой (еврейским брачным контрактом). Жених, 27 лет, был одет в модный черный костюм с брюками-багги. Родители Приски, Эмануэль и Паула, считали жениха «идеальным» и с удовольствием дали свое согласие – для них самих было важно устроить праздник в это темное время. Родители Тибора на свадьбе не присутствовали. Его отец покончил с собой в этом году, оставив мать в одиночестве. Тибор поехал ее навестить и поддержать, но вскоре вынужден был возвратиться в Братиславу, потому что рисковал быть арестованным за нахождение вдалеке от места прописки. Приска и ее родители стали его новой семьей. Союз был счастливым, молодожены идеально друг другу подходили. «Мы ни разу не ругались», – говорила Приска, которая всегда

считала своего мужа восхитительным человеком. Ей нравилось, что он говорил на «правильном» словацком, чем немногие могли похвастаться; иногда они в разговоре переходили на немецкий или венгерский. «Он всегда был добр ко мне и искренне восхищался моими способностями к языкам. К Тиборко остались самые теплые чувства. Такого замечательного мужа сложно было даже представить».

Но эхо войны омрачило хрупкое счастье. В день их свадьбы Гитлер напал на Россию согласно своему плану «Барбаросса» по захвату российских территорий. Молодожены все еще надеялись на лучшее и даже представить не могли, что ждет их впереди. Они переезжают в дом 7 на улице Рыбарска брана (Rybárska Brána), позже переименованной в Fischertorgasse, в самом центре города, сразу за главной Площадью (Hlavné Námestie). Они жили счастливо, несмотря на окружающие обстоятельства. Почти сразу Приска забеременела, чему они несказанно радовались. У Тибора был стабильный доход. Он сумел сохранить работу благодаря расположению начальства даже в 1941 году, когда всем евреям в Словакии предъявили новый список правил и ограничений (Židovský Kódex), в котором было не менее 300 нововведений. Среди них было и обязательство носить повязку со звездой Давида, хотя казалось, что эта традиция ушла в прошлое более 100 лет назад. Все документы евреев должны были штамповаться большой буквой J (от нем. Jude – еврей). Повязки, нарукавники и эмблемы они покупали в рулонах, которые производились на фабриках, где эти же самые евреи некогда зарабатывали на жизнь. Эмблема пришивалась и спереди, и сзади на всю верхнюю одежду, но чаще всего ее носили слева на груди. Гонения на евреев усугубились в связи с тем, что теперь они еще сильнее выделялись из толпы. В опасности были не только их предприятия, они сами каждый раз подвергались насилию, выходя за порог собственного дома. Многие друзья Приски и Тибора отдавали огромные суммы денег за поддельные документы, хотя все же оставалась вероятность быть пойманными.

Начальник Тибора помог ему избежать некоторых ограничений, в том числе ношения звезды, но у Приски такого покровителя не было. Каждый раз, когда они вместе шли в места, где евреям было запрещено появляться, Приска прикрывалась сумкой или отгибала лацкан пальто так, чтобы спрятать звезду. В скором времени поступило распоряжение всем евреям покинуть центр Братиславы и перебраться на бедные окраины. Приска нашла себе работу учительницы в начальной школе города Пезинок в 20 километрах от Братиславы. Тибор каждый день в 6 утра уезжал в столицу. «Он любил свою работу, мы ждали ребенка». Родителям Приски, деду и сестре Боежке удалось остаться в своей квартире на берегу Дуная, где Боежка продолжала шить на продажу. Сплоченная семья продолжала верить и надеяться.

Приска преподавала вплоть до запрета всем неарийцам учить арийских детей. Тепло попрощавшись со своими учениками, она успокоила их, рассказав, что англичанин из местной языковой школы пригласил ее преподавать у них, да и зарплата там выше. «Мне было из чего выбирать. У меня все еще оставались частные ученики, которые продолжали ездить ко мне, будто ничего не случилось. Я не страдала. Мне платили, и я жила дальше». Желая помочь семьям, которым не так повезло, она бесплатно давала уроки немецкого, французского и английского языков.

У нее случился выкидыш.

Они тихо горевали в то время, как вокруг нацисты еще сильнее ужесточали ограничения. Евреев обязали описать собственное имущество: серебро, предметы искусства, украшения, мебель, а потом и самостоятельно привезти все нажитое в местные банки. Затем последовала конфискация теплой одежды. Животных тоже нельзя было содержать: кошек, собак, рыбок и птичек следовало сдать в общее хранилище.

Словакия под началом отца Тисо стала первым союзником стран «оси», помогая СС выселять евреев в гетто, забирая в концлагеря и принуждая работать на Германию. Чтобы поддерживать население Словакии, государство обязалось выплачивать по 500 марок за каждого депортированного еврея. В свою очередь нацистское правительство заверило Тисо, что «паразиты» никогда не вернуться и не посягнут на собственность, которую у них изъяли. В этой репрессивной атмосфере десятки тысяч людей были арестованы словацкими солдатами

и дружинниками и отправлены в трудовые колонии на территории Словакии – Середь, Выхне, Новаки.

Несколько тысяч узников работали в лагерях, обеспечивая немецкую армию, но еще приблизительно 58 000 евреев отправились в рабочие колонии на востоке. Нацисты звали эту депортацию «Осттранспорт». Предполагалось, что там заключенные будут работать в непосредственной близости к оккупированным польским территориям, на которых находились стратегические оружейные заводы, за что евреям будут давать еду и кров. Многим обещали, что они будут собирать урожай и возводить новое еврейское государство.

Беспомощным и брошенным евреям в Словакии уже никто не мог помочь – оставалось лишь мириться со своей чудовищной судьбой. Они сознавали, что их ждут только лишения и репрессии, но надеялись, что после войны снова смогут вернуться к нормальной жизни. Целые семьи добровольно отправлялись за своими заключенными родственниками, лишь бы держаться вместе. Или обещали присылать деньги, письма и посылки с едой, в полной уверенности, что те достигнут адресата.

В марте 1942 года, спустя 9 месяцев после свадьбы и во время, когда им предполагалось праздновать пополнение в семье, Приска узнала о том, что Боежку отправили в лагерь после приказа словацкого правительства выделить тысячу одиноких работоспособных женщин. Узнав о судьбе Боежки, Приска кинулась на вокзал, чтобы спасти сестру – а ведь это могло стоить ей жизни. Поезд уже был набит до отказа перепуганными женщинами, в этой толпе не удавалось ничего толком разглядеть. Приска начала бросаться на солдат с просьбой освободить ее сестру, на что они отвечали: «Если не замужем – полезай в поезд, если замужем – проваливай отсюда».

Устрашающие бойцы Глинковской гвардии, натренированные в СС, арестовали Приску, и она провела ночь в тюрьме. Обезумевший от ужаса Тибор не знал, что с ней и где она находится, но на следующее утро ему пришло сообщение: «Приходите в отделение и заберите свою жену. От нее много проблем». Он пришел в участок и даже убедил полицейских не брать штраф, но был так зол на Приску за необдуманный риск, что отказался с ней разговаривать – правда, только на полдня. Его жена была убита горем от того, что не смогла спасти свою милую Боежку.

Вскоре Приска снова забеременела. Мир вокруг рушился, но пара исполнилась радости. Они до конца не понимали всей опасности, а между тем ночами глинковцы собирали тысячи людей и отправляли в колонии. Однажды, услышав стук сапог в коридоре, родители Приски выбрались из окна – к счастью, им удалось сбежать.

Но 17 июля 1942 года удача от них отвернулась. Эмануэль и Паула были бессильны против распорядителей жизни и смерти, их схватили без предупреждения. Приска узнала об этом слишком поздно. Им обоим было под 60, последний шанс попрощаться исчез. Так же, как и сестре, Приска не могла ничем помочь. Не смогла она уберечь и второго ребенка. «Я думала отправиться на восток, мне стало нечего терять».

Тибор узнал, что и его мать забрали в польскую Силезию. Она была стара и одинока. Тибор понял – теперь он сирота. Приска сохраняла некоторые контакты со старыми знакомыми и через Гизку узнала, что большая часть еврейского населения Злате-Моравце зачищена – все друзья, родные и близкие. Отныне хранение вещей, переданных Гизке, потеряло всякий смысл. Лучшая подруга, с которой они вместе прошли каждый шаг старшей школы, рисковала жизнью, храня у себя их вещи. Родителей и сестру увезли, ребенка она потеряла – и зачем, спрашивает она себя, нужен будет китайский сервиз и серебряные приборы, если не с кем есть за шаббатный стол?

Аничка под псевдонимом и с помощью друзей-немцев смогла сбежать в Высокие Татры, где работала официанткой под присмотром дяди по материнской линии, доктора Гиза Фридмана, старшего пульмонолога в местном санатории для туберкулезных больных. Он забрал к себе и 83-летнего Давида Фридмана, деда Приски, который остался один после ареста родителей. Сына Анички, 11-летнего Отто, спрятали в католическом монастыре. Банди обжился в Палестинском мандате. Янко сбежал из рабочей колонии и вступил в ряды

партизан, нападавших на глинковцев и сражавшихся с прогерманским правительством. О нем долго ничего не было слышно.

Возвращаясь к своему давнему интересу к христианству, Приска приняла крещение в надежде, что это ее спасет. Тибор, выросший в более строгом соблюдении иудейских канонов, не верил, что это выход из положения. Но оба продолжали соблюдать иудейские традиции. Несмотря на изменчивость окружающей ситуации – а может, вследствие нее – Приска снова забеременела, но и этого ребенка не смогла выносить.

К осени 1942 года словацким правительством были остановлены отправления на восток. Политическая и религиозная элита вместе с еврейским подпольем (Братиславская рабочая группа) начали оказывать на Тисо давление, узнав, что 58 000 евреев отправили на смерть. Среди них более 7 000 были детьми.

В следующие два года словацкое правительство пересмотрело свою политику и не отпускало оставшиеся 24 000 евреев, так что они оказались в относительно безопасном положении. Рабочая группа прилагала нечеловеческие усилия, чтобы склонить на свою сторону ключевые фигуры режима. Они добрались даже до канцлера СС по еврейским делам в Словакии, Дитера Вислицени, и предлагали ему миллион марок золотом. План «Европа» окончился, когда Вислицени сместили. Меньше чем за год им удалось облегчить ограничения, наложенные на евреев, сократить преследования, но опасность витала в воздухе.

Благодаря работе Тибора и частным урокам Приски они смогли вернуться в Братиславу и, несмотря на ограничения, жили намного лучше, чем тысячи людей по всей Европе. Каждый раз, когда в Приске просыпалась прежняя сладкожежка, они заходили в свое новое любимое заведение, кафе «Стефанка», где позволяли себе кусочек торта.

Как и большинство их друзей, евреев и неевреев, они старались поменьше переживать и ставили на скорое окончание войны. В 1943 году казалось, что союзники уже на подходе и удача на их стороне. Оставшиеся радиостанции сообщали новости из Польши, где партизаны помогали Красной армии. После 5-месячной битвы немцы потеряли Сталинград. Союзники отвоевали Ливию, Африканский корпус сдался. Италия объявила войну Германии, и Берлин срочно эвакуировали. Свет ли это в конце тоннеля или все усугубится?

Никто не мог ответить на этот вопрос. И о жизнях своих близких они тоже ничего не знали. По Братиславе ходили смутные слухи о том, что делают с евреями и прочими арестованными в колониях. Люди умирали на работах, от голода и вследствие насилия. В 1942 году многие британские и американские источники сообщали о целенаправленном истреблении евреев. Подтверждение и широкое распространение эти истории получили в апреле 1944-го, когда Рудольф Врба и Альфред Вецлер сбежали из места своего заключения на юге Польши и рассказали общественности о газовых камерах. Мужчины дополнили свой рассказ подробными планами Аушвиц-Биркенау. Какое-то время многие им не верили, однако старались избегать поездок на восток.

Приска и Тибор тоже не верили – казалось, что такие зверства просто невысказаны. Среди их друзей также бытовало мнение, что мужчины либо лишились рассудка, либо слухи сильно преувеличены антинацистской пропагандой. Несмотря на все пережитое, молодые люди не верили, что Гитлер исполнил все то, о чем говорил, а именно изничтожил каждую единицу неблагоприятного происхождения во имя создания мира чистой расы. Германия же относится к самым цивилизованным странам, как же так? Нация, взрастившая Баха и Гете, Моцарта и Бетховена, Эйнштейна, Ницше и Дюрера, не может продвигать столь монструозный план – или все-таки может?

Подогревая в себе надежду на скорое окончание войны, суть которой им оставалась неясна, молодые люди продолжали делать все возможное ради поддержания нормальной жизни. В июне 1944 года, за неделю до четвертой годовщины их свадьбы, Приска и Тибор вновь решили завести ребенка. Спустя два месяца их относительно спокойную жизнь нарушило Словацкое народное восстание – вооруженный мятеж, целью которого был государственный переворот, а именно свержение власти марионеток. Среди тысяч мятежников находился и брат Приски, Янко.

Активное сопротивление началось в Низких Татрах 29 августа 1944 года и быстро распространялось, пока до вооруженных сил Германии не дошел приказ немедленно подавить восстание, вследствие чего погибли тысячи людей. И тогда все изменилось. Солдаты, которым было поручено устранить мятежников, подчинили страну руководству гестапо. Первым же заданием было принудить президента Тисо отправить оставшихся евреев на восток. Люди снова пытались сбежать в Венгрию и соседние государства в надежде избежать смерти.

Приска и Тибор даже перед лицом неизбежно печального исхода оставались оптимистичными и не покинули Братиславу, ведь так долго им удавалось избежать поимки. Каждый день, возвращаясь невредимыми домой, они воспринимали как подарок небес. Между тем, приходили хорошие новости – Париж освобожден, а вместе с ним ключевые порты во Франции и Бельгии. Союзники начали обстреливать Голландию – разве не должна Германия капитулировать после такого?

В сентябре 1944 года пара праздновала 30-летие Тибора. В том году на его день рождения выпал Иомкипур, «Шаббат Шаббатов», 24-часовой пост перед Днем искупления и один из самых священных обрядов в иудаизме. Омыв руки, они сели за стол и принялись за ужин, составленный из всего, что удалось найти в столь стесненных условиях. Они праздновали не только юбилей Тибора, но и новую жизнь, которую Приска носила под сердцем уже 8 недель. Они молились, чтобы их четвертый ребенок выжил.

Два дня спустя их надежды на счастливую жизнь рассеялись, когда в их дом вломились члены *Freiwillige Schutzstaffel* (добровольцы СС) – организации, состоявшей из словацких немцев. Молодым людям было приказано собирать пожитки в два небольших чемодана, чей совместный вес не должен превышать 50 килограммов.

«То были чудовища, – рассказывает Приска, – совершенно бесцеремонные. Я молчала, они тоже ничего не говорили. Я знала, как сохранять спокойствие перед лицом опасности. Сцен я не устраивала». В тот приятный осенний день Приска и Тибор были куплены нацистами за 1 000 марок. Их насильно вывели на улицу и затолкали в автобус. Пришлось оставить коллекцию марок, трубок, рубашек и долгие годы записей во всевозможных блокнотах.

Молодую пару отвезли в большую братиславскую синагогу на улице Хэйдукова. Там их надолго заперли с другими арестованными. Люди сидели на полу, вповалку со своим багажом. Приска впервые испытала приступ утренней интоксикации. Борясь с подступающей тошнотой, Приска жалась к Тибору, а он успокаивал ее, заставляя думать об их будущем ребенке. «Он гладил меня и успокаивал: “Может, они потом просто отправят нас домой, Пиречка”. А я думала о ребенке. Я невыносимо хотела родить этого ребенка».

В тот день их в числе 2 000 других людей посадили в автобусы и отправили на железнодорожную станцию города Ламач, откуда переправили на восток, в лагерь Середь в Дунайской долине. Бывшая военная база Середь до Словацкого народного восстания управлялась Глинковской гвардией, а после перешла под руководство офицера СС Алоиса Брюнера, оберштурмбаннфюрера и ассистента Адольфа Эйхмана, который был одним из исполнителей гитлеровского «окончательного решения еврейского вопроса».

Брюнер был послан в Словакию, чтобы лично проконтролировать заключение оставшихся евреев после успеха в подобной операции в Виши, во Франции. Он любил надевать белую униформу, поэтому из многих свидетельств можно сделать вывод, что именно он причастен к отправке 100 000 евреев в Аушвиц.

Новоприбывших в Середь загнали в деревянные бараки. При таком количестве людей невозможно было даже дышать. Дегуманизация начиналась с утренней сирены на подъем. Узники отправлялись заниматься изнурительным физическим трудом, их постоянно избивали. Предполагалось, что они должны существовать весь день на чашке горького «кофе», миске супа сомнительного происхождения и краюшке черствого хлеба. Наиболее религиозные евреи использовали суп для омовения рук, после чего делили между собой свой более чем скромный рацион. На Иом-кипур, день, когда Тибора и Приску схватили, нацисты разожгли посреди двора костер и поджарили свинью, пригласив всех желающих отведать мяса. Говорят, что,

несмотря на голод, никто не сделал этого.

Первые транспортировки на восток из Середи начались сразу после прибытия Приски и Тибора. Брюнер должен был устранить всех из лагеря, потому что новая партия была уже в пути. Среди ночи словацкие и венгерские офицеры СС строем вывели к поезду 2000 братиславских евреев и насильно затолкали в вагоны. От 80 до 100 человек уместали в один вагон без окон, а когда закрывалась дверь, люди оставались во тьме и едва могли дышать. Маленьких детей поднимали и на руках передавали в конец вагона, где была небольшая дощечка, на которую можно было сесть и держать ребенка на коленях. Остальные могли только стоять или сидеть на корточках.

Из санитарных условий были лишь деревянное ведро и банка воды, и в скором времени вагон наполняло зловоние, а переполненное ведро при каждом толчке изливалось на пол. Кто-то пытался вылить его содержимое в окно, но колючая проволока мешала сделать это в полной мере. Людям приходилось справлять нужду прямо на том месте, где они стояли.

Утомленные, без воды и воздуха в тесном вагоне, люди начинали срывать друг на друга. Те, кто что-то видел в щелях между досками, сообщали остальным о станциях, которые поезд миновал на своем трехсоткилометровом пути. После польской границы многие старики зачитали «Эль Мале Рахамим» (погребальная молитва у ашкеназских евреев) и отошли в иной мир. Мертвых выносили на станциях, тем самым освобождая немного места живым. Как и многие другие, направленные из Середи на восток, 1850 словацких евреев отдавали себе отчет в том, что если они сейчас путешествуют в таких условиях, то дальше будет только хуже и, вероятнее всего, там они встретят свою смерть.

Приска и Тибор боялись не меньше остальных, но пытались поддержать друг друга, представляя, как вернуться домой полным составом и наконец станут родителями. Приска особенно старалась не терять самообладания: «Мне бесконечно нравилась моя жизнь». Она напоминала Тибору о своих знаниях языков, убеждала, что с помощью них она будет общаться с другими заключенными, а немцы обязательно проявят чуточку уважения. У нее есть голова на плечах, и она умело ей пользуется. Вера Приски была ей опорой в самые темные времена жизни: «Вера в бога – самое важное в жизни. Верующие люди знают, как жить честно и праведно. Каждую ночь перед сном я благодарю за все Господа». Приняв христианство, она все реже видела в себе еврейку. И была очень удивлена, когда нацисты не обратили на это внимания. «Они страшно издевались над евреями. Ужасно... Обращались, как с животными. А ведь мы все люди, мы должны друг другу сочувствовать. Но с евреями обращались просто чудовищно. Сначала затолкали всех в грузовые вагоны, а потом так же пинками выбрасывали наружу. Немыслимое поведение».

Путешествие длилось больше суток, запертые люди задавались вопросом, увидят ли они своих родных и близких, потерянных два года назад. Найдет ли Приска свою сестру и родителей? Встретит ли друзей из Злате-Моравце, с которыми она когда-то танцевала, пела и шутила на английском и немецком? Сможет ли Тибор вновь прижать к груди свою вдовую мать?

Истощенный переживаниями Тибор тем более не мог выносить страданий жены. Приска также страдала от приступов тошноты, в помещении без воздуха и воды она едва сохраняла сознание, а Тибор целовал ее макушку и старался утешить. Пусть он сам и выхватывал каждый глоток воздуха, но не переставал говорить, убеждая ее, что нужно мыслить позитивно, смотреть на светлую сторону любой ситуации. То были слова, которые «как солнечные лучи, пронзали грозные тучи», о которых он говорил в своих письмах.

А поезд все ехал, и мужество стало покидать Тибора. Он вслух молился о том, чтоб выжили его жена и долгожданный ребенок. Осознавая, что это может стать их последним разговором, они решили выбрать имена для новорожденного: Анка (Хана) для девочки и Мишко (Михаэль) для мальчика.

В толпе рядом с ними находилась Эдита Келаманова, 33-летняя швея из Братиславы, которую тронули их слова. Она обратилась к Тибору: «Если нас не разлучат, я обещаю всегда заботиться о вашей жене». Эдита понимала, что это ее мицва (моральный долг), который,

возможно, ей зачтется, и Господь поможет создать ее собственную семью. Тибор поблагодарил незнакомку, а Приска, узнав акцент, ответила на венгерском: «Köszönöm» – «Спасибо вам».

Все вскрикнули, когда поезд затормозил на границе между Польшей и Германским рейхом, где заключенных официально передавали другому руководству. Двери не открывались, люди не представляли, что происходит снаружи. Поезд тронулся вновь, и после нескольких часов пути лязг железа оповестил их о том, что они прибыли на место назначения – самое сердце Аушвиц II-Биркенау. Это было воскресенье, 1 октября 1944 года. Сквозь зазоры в деревянных стенках вагонов люди слышали отзвуки будущего насилия – грубые выкрики мужчин и лай собак.

«Все будет хорошо, золотая моя!» – прошептал жене Тибор за мгновение до того, как двери распахнулись. Пробираясь к порогу неминуемой судьбы, Тибор успел выкрикнуть: «Не унывай, Пирושка! Думай только о хорошем!»

Рахель

«Guten Morgen hübsche Dame, sind sie schwanger?» (нем. «Доброе утро, дорогуша. Ты беременна?»)

Рахель Фридман был задан тот же вопрос осенью 1944 года, и доктор Менгеле одарил ее ухмылкой, будто бы предназначенной именно для нагих лысых женщин, выставленных перед ним, как манекены Аушвиц II-Биркенау.

Рахель не знала, что ответить. Она стояла, опустив глаза и прижав подбородок к груди, среди сотен женщин в таком же затруднительном положении – часами их заставляли ждать своей очереди босиком на промерзшей земле. Как и остальные девушки, она была в ужасе от необходимости стоять голышом перед незнакомцами. Ей было 25 лет. На мгновение она порадовалась, что ее мужа Моника не забрали вместе с ней из польского гетто: по крайней мере, он не видит ее унижения.

Так же, как и у Приски Левенбейновой – одной из тысяч еврейских женщин, разделивших эту судьбу, у Рахель не было ни секунды на раздумья: высокопоставленный нацистский деятель уже показал, что может решить любую судьбу взмахом перчатки. Рахель не была полностью уверена, что носит ребенка Моника, но это было делом пары недель. Неизвестно было и что случится с ней, ответ она положительно.

Безусловно, она слышала истории об ужасах, творящихся в нацистских лагерях, но не могла в это поверить. Да они и не имели значения – в рассказах не было ни слова о докторе Менгеле, его отношении к беременным и ужасающих экспериментах над детьми (особенно близнецами). Это обнаружилось позднее.

Единственное, что заметила Рахель, это улыбку нарочито аккуратного нациста, чьи глаза оставались холодными перед скопом голых напуганных женщин. Он вел себя как прилежный фермер, изучающий свой домашний скот, и бессовестно оценивал внешность девочки-подростка или грубо хватал грудь женщины.

Судя по его начищенным сапогам и накрахмаленной униформе, человек явно был заиклен на дисциплине и режиме. Слоняющиеся вокруг площадки коренастые надзиратели казались пьяными, а Менгеле не было необходимости притуплять свои чувства. Напротив, ему нравилась его работа. Прохаживаясь вдоль рядов заключенных, он насвистывал и иногда отдавал приказы узникам, облаченным в полосатые робы.

Любую женщину, очевидно беременную или выдававшую себя сочившимся молоком, уводили надзиратели с каменными лицами. А у женщин при этом лица были совсем не каменными. Наполненные страхом глаза пленниц, согнанных в одну кучу, подсказывали Рахель ответ.

Когда Менгеле задал ей свой вопрос, переложив перчатки в другую руку, она прикрыла ладонями грудь и ответила – нет. Менгеле ни разу не дотронулся до нее, он ушел к следующей жертве, не оборачиваясь.

Рахель была частью большой и счастливой семьи, в которой дети обожали друг друга, и жизнь представлялась долгой и радостной.

Вместо полного имени, Рахель Абрамчик, ее звали Рузи или Рушка. Она была старшей из девяти детей и появилась на свет спустя месяц по окончании Первой мировой войны, в канун Нового года, в Пабьянице, близ Лодзи – второго по величине города в Польше.

Пабьянице – один из самых древних и процветающих городов в стране, здесь отлично развита текстильная промышленность. В 1918 году городок еще считался провинциальным, в нем было всего две машины, одна из которых принадлежала местному доктору. Евреи в этой части Польши пережили гонения под прусским правлением, но к 1930-м ассимилировались и составляли до 16 % населения. В основном преследованиям подвергались ортодоксальные иудеи и хасиды, которых отличали извечные черные костюмы и шляпы, в то время как семья Абрамчик относилась к нерелигиозным, «светским» евреям, или «реформистам», еще задолго до расцвета этого движения.

В их семье говорили на идиш, соблюдали шаббат и другие священные дни, но в синагогу ходили редко, да и дети учились в обычной школе.

Отец Рахель, Шайя, работал инженером в текстильной компании своего тестя и тещи, одном из немногих предприятий, которые были открыты для людей их веры.

У них были свои станки, а работали в основном родственники. На производстве выпускали гобеленовые ткани, материал для штор и мебельную обивку. Во многом благодаря родителям Фейги, матери Рахель, семья жила в отличных условиях: трехэтажная квартира с двумя балконами и большим садом на заднем дворе.

Шайя Абрамчик, которому на момент рождения первого ребенка было уже 48 лет, отличался острым умом и большой эрудицией. По большей части его знания были плодом самообучения, он с ранних лет окружил себя огромным количеством классических книг по истории, литературе и искусству. Он стремился развить в своих детях любовь к учебе, занимался с ними немецким, который считался языком всех образованных людей.

Рахель обожала своего отца и в полной мере унаследовала его тягу к знаниям. Каждый день она вместе с братьями и сестрами ходила по несколько километров в школу в любую погоду – сияло ли солнце или шел дождь. С 8 утра до 2 часов дня дети были на уроках, потом самостоятельно играли и читали.

Вполне традиционно для того времени было и то, что мать Рахель, Фейга, была значительно моложе своего мужа. Первый раз она родила в 19 лет, и все детство Рахель помнит свою мать беременной в окружении детей. Она обожала малышей, но иногда на нее находила обида на мужа за такое усердие, она жаловалась друзьям и родственникам, что ему стоит поумерить пыл. Фейга была бесконечно доброй и нежной женщиной и всегда говорила детям: «Наш дом – наша крепость», с удовольствием украшала обстановку изысканным декором и свежими цветами на Песах. Когда бы ни заходили знакомые в дом к Абрамчикам, их встречала идеальная чистота и невероятно послушные дети. На их воспитание сильно повлияла Рахель, потому что ее мать была слишком мягкой и тихой. Как только Рахель стала способна удерживать на руках ребенка, она превратилась в семье во вторую маму и всегда помогала по дому.

Она сама готовила обед, когда они возвращались из школы, и отправляла детей гулять. За редким исключением, домашние обязанности были на старших дочерях. Вторая по старшинству дочь Абрамчиков, Сала, вспоминает: «Одна всегда держала на руках кого-то из малышей, вторая стирала одежду на доске». Когда подросли следующие две дочери, Эстер и Бала, то и они принялись за домашнее хозяйство. В меру сил помогали следующие по возрасту дети, Бернард (Берек) и Моник, а самые младшие – близнецы Дорка (Дора) и Хеник, родившиеся в 1931-м и их сестра Аничка (1933) – были совсем маленькими.

Рахель ощущала груз ответственности, возложенный на ее плечи. «В отличие от других детей, мы никогда не ссорились». Именно ее мать просила следить за поведением остальных детей и соблюдением порядка. Всю свою жизнь она была своего рода воспитателем. Возможно, из-за непрекращающихся обязанностей, Рахель была самой худой в семье и создавала впечатление болезненности. Сала, живая и полнокровная красавица, выступавшая с

песнями и танцами в местных театральные кружках, говорила: «Рахель всегда недоедала, в отличие от остальных членов семьи».

Благодаря серьезной материальной помощи со стороны родителей Фейги, питались они очень хорошо: сдобными пирогами, утками в яблоках, курицей со сливами. Обеденному времени было отведено важное место, в самые тяжелые времена жизни вся семья Рахель будет вспоминать о веселых трапезах, когда все они собирались за столом. Четыре старшие дочери были популярны среди сверстников. Они были хорошо образованны, говорили на нескольких языках, среди их друзей были люди разных вероисповеданий. Сала слыла настолько красивой, что ее портрет нарисовала учительница изобразительного искусства. «Это большая честь, в то время я была ее любимицей», – вспоминает Сала.

Семейный бизнес процветал, дома они ни в чем не нуждались, но угроза никогда не исчезала: положение евреев в Польше было нестабильным, их существенно ограничивали в правах, в том числе и на выборах местного правительства. Любой мог забрать у них все что угодно, а пожаловаться они могли только своему раввину или суду общины. Это положение сказывалось на настроениях еврейской общественности, молодежь старалась уехать и начать новую жизнь там, где они не будут жить в постоянном ожидании напастей.

Сионизм, появившийся в конце XIX века, притягивал к себе все больше людей. Одной из основных целей сионизма как идеологии было возвращение всех евреев в Эрец-Исраэль (Землю Израиля). Там евреи надеялись построить государство, в котором нет места притеснениям. Старики мечтали уехать туда, чтобы умереть «ближе к Богу». Некоторые, как отец Рахель, предпочитали Азербайджан, где евреям обещали предоставить безопасные условия для жизни. Молодые семьи без твердых религиозных принципов готовы были жить в любой стране, где можно безопасно растить детей в атмосфере равноправия и понимания.

С 16 лет Рахель состояла в Еврейском национальном фонде, целью которого был сбор денег на землю в Палестине. Она часами представляла, как переедет туда и будет жить честным трудом. Рахель провела всю свою юность в качестве няньки, поэтому втайне решила выйти замуж за состоятельного жениха, как только найдется подходящая кандидатура. Она вышла замуж сразу после школы. Жениха звали Мойше Фридман, чаще Морис или Моник, симпатичный молодой человек. Его семья – вдова-мать Ита, Моник и двое старших братьев, Давид и Авнер – владела текстильной фабрикой. Причем предприятие было настолько крупным, что туда принимали на работу и неевреев, что было крайне необычной практикой.

Именно Ита, мать Моника, рожденная в Венгрии, поддерживала производство и продолжала его расширение после смерти отца семейства от туберкулеза, который чуть не погубил и саму Иту. Несмотря на последствия туберкулеза, который сказался на ее здоровье, она стала полноправной хозяйкой всей организации. Ита обожала своих сыновей и пообещала себе сделать все возможное, чтобы ее сыновьям было что наследовать.

Моник и Рахель поженились в марте 1937 года, сразу после окончания Рахель старших классов. За время своего взросления девушка обрела множество качеств, присущих идеальной еврейской жене, коей она и стала для Моника. Моник был 21 год, Рахель – 18. На момент их женитьбы у Фейги еще были 6-летние близнецы и 4-летняя Аничка. Многострадавшая мать, должно быть, сильно скучала по старшей дочери.

Моник Фридман разделял интерес жены к сионизму, вместе они вступили в молодежную организацию «Гордония», пропагандирующую проживание в киббуцах и возрождение иврита. Исходя из этих соображений, они решили устроить скромную свадьбу. Влиятельная мать Моника рассчитывала, что ее дети будут жить в соответствии с их положением в обществе, поэтому у молодоженов не было выбора – они переехали в собственный дом в Лодзи. Послевоенная инфляция попортила кровь тысячам людей по всей Европе, но почти никак не сказалась на состоятельности людей, достаточно сообразительных и инвестировавших в производство и золото.

«Я вышла замуж за очень состоятельного человека и не было нужды работать, – говорила Рахель. – Мы жили намного лучше большинства». Они не сразу обзавелись детьми, вначале хотелось пожить друг для друга и заниматься развитием производства. Да и Рахель уже

достаточно времени провела с детьми.

Лодзь, побывавшая под прусским, немецким и польским правлением, была одной из самых густонаселенных местностей с высокоразвитой инфраструктурой в мире. В этом впечатляющем мегаполисе с огромными домами, бульварами во французском стиле и красивейшими парками была вторая по величине (после варшавской) еврейская община, что составляло 30 % от миллионного населения города. В остальные 70 % входили поляки и немцы. В городе было около 1 200 текстильных предприятий, благодаря чему Лодзь стала центром польской торговли во время индустриальной революции и магнитом притягивала рабочую силу. Определенно в таком процветающем городе Моник и Рахель нашли себе больше занятий, чем в Пабьянице. Рахель, освободившаяся от обязанностей няньки-воспитательницы, смогла больше времени посвящать сбору средств, а Фридманы обдумывали открытие новой фабрики в Варшаве, где они уже обзавелись квартирой. Однако планы были сорваны. Адольф Гитлер аннексировал Австрию и депортировал оттуда всех поляков. Стало ясно, что игнорировать рейхсканцлера больше не получится. После Хрустальной ночи стали очевидны его намерения. Евреи Германии, Австрии и Судетской области спешно бежали, над этим думали и Моник с Рахель. Многие их друзья-сионисты уезжали в Палестину. Но что бы они делали в Леванте, вдалеке от родных и близких? Как они будут жить в непривычно жарком восточном климате?

Вариант побега всегда оставался открытым, Гитлер со своими фанатиками были достаточно далеко, и люди надеялись, что он удовлетворится захваченными территориями. Даже если он дошел бы до Польши, надеялись Фридманы, его гонения будут сосредоточены на религиозных евреях, а не на состоятельных ассимилировавшихся гражданах вроде них.

После длительных раздумий Моник и Рахель решили остаться на родине. Они выглядели как немцы и отлично знали немецкий. У них был хороший бюджет и много друзей среди неевреев. Пока по городу не зазвучал топот начищенных солдатских сапог, они считали, что находятся вне опасности. «Нацистские зверства меня не удивляли. Удивляло, что нацисты – немцы», – вспоминает Рахель. Кроме того, молодая семья не могла представить, что где-то они могут жить лучше, чем в своих привычных условиях. До конца они надеялись, что даже если потеряют имущество, все равно как-нибудь да выберутся.

Надежды рухнули в один миг, когда нацисты показали свою военную мощь во время блицкрига 1 сентября 1939 года. С севера и юга на границы напали отряды пехоты, в течение часа с воздуха бомбардировали Велюнь, находящуюся в часе пути от Пабьянице. В результате бомбардировки погибло 1300 человек и было сметено до 90 % всех городских построек. Люди бежали пешком, на мотоциклах, на телегах и молились, чтобы польская армия остановила нацистские бесчинства. Многие пересекли границы с Литвой, Румынией и Венгрией. Потом Варшаву разгромили бомбардировкой с воздуха. Погибли десятки тысяч людей и еще больше были ранены.

И Рахель в Лодзи, и ее родители в Пабьянице скрывались в убежищах, заслышав сирены. К моменту, когда 3 сентября Франция и Великобритания объявили войну Германии, бежать уже было поздно.

После бомбардировок Варшаву взяли в осаду на три недели, пока польские войска не капитулировали и не превратились в 100 000 военнопленных. На следующий день, 1 октября 1939 года, немецкие танки Panzer уже кружили по городу, повсюду висели флаги вермахта. Гитлер удовлетворенно анонсировал, что «государство под защитой Великобритании было взято за 18 дней, и на этом кончается первая фаза войны и начинается вторая». Своим торжествующим последователям он заявил, что отныне Германия является величайшей мировой силой.

Сразу после первого удара по стране покатались волны антисемитизма. С первого же дня обе семьи поняли, что счастливая жизнь кончилась. Польшу раздирали немцы и русские, но никто из них не представлялся приятной перспективой. Всех евреев в возрасте от 14 до 60 лет обязали работать, а большинство польских немцев неожиданно обнаружили симпатию к Гитлеру и развязали бесчеловечную войну против тех, кого втайне всегда презирали.

В особенности нападки сказались на иудеях-хасидах. Их останавливали на улице, избивали прикладами ружей, обрезали бороды (а иногда и просто отрывали), принуждали чистить тротуары зубными щетками и талитами (молельными покровами). Множество людей повесили без объяснения причин. Их дома разграбляли, оскверняли синагоги. Все еврейские праздники запретили, и немцы принуждали евреев к работам, не допуская к занятиям текстилем. У тех, кто пытался сбежать, отбирали буквально всю собственность и изымали любые денежные средства.

Тысячи людей потеряли жилье и имущество в первые же дни захвата. Бывшие соседи подключались к армии мародеров. Воровали все: посуду, скатерти, картины, мебель. Снимали даже обручальные кольца прямо с пальцев. Евреев принудили сначала носить желтые нарукавники, а потом и нашивать звезды на уровне сердца, чтобы еще больше отделить их от остальных граждан.

Немецкий был объявлен официальным языком этой части Польши, города переименовали: Пабьянице стал Пабьяниц, Лодзь стала Лицманштадтом. Когда главную улицу назвали в честь Адольфа Гитлера, Моник и Рахель поняли, что немцы собираются остаться здесь надолго.

Используя связи, Моник смог раздобыть документы, по которым он являлся Volksdeutsche, арийским польским немцем. Светлая кожа и зеленые глаза позволили ему войти в круг польских арийцев, которые со дня на день должны были стать правящим классом. Такие же документы он достал и для Рахель, что позволило им беспрепятственно путешествовать из Лодзи в Варшаву, к родственникам. Это же помогало им избежать неприятных ограничений в правах. Если бы не их привязанность к семье и производству, Моник и Рахель вполне могли бы уехать за границу и переждать войну в безопасном месте.

От друзей Рахель узнала, что ее семья все еще в осажденном Пабьянице, а любые попытки связаться с ними выдали бы ее. Также она услышала, что в Пабьянице готовят еврейское гетто и некоторые уже переехали туда добровольно, в надежде, что там их оставят в покое. Власти убеждали евреев, что гетто нужны для их защиты от арийских нападений и предотвращения болезней, переносчиками которых являются все евреи. В начале 40-х годов семья Рахель была среди тысяч других, кого переселили в первое еврейское гетто. За пересечение границы гетто каждому грозила смерть.

Люди были вынуждены собираться за один день и переезжать целыми семьями, им было позволено взять с собой ограниченное количество вещей. К декабрю 1940 года гетто разрослось до 8 000 жителей, втиснутых в крохотные комнаты. К счастью, у семьи Абрамчик нашлись знакомые, живущие на территории гетто в собственной квартире, которые выделили им большую комнату. Там была кое-какая мебель и даже небольшая кухня. Другим повезло меньше, они селились в неотапливаемые дома без воды и электричества и должны были делить жилище с незнакомыми людьми. Под нацистским правлением еда и горючее полагались только за фактический труд. Один день физического труда стоил тарелку супа, поэтому люди вынуждены были истязать себя, чтобы не умереть от голода. Некоторые работали на заводах за пределами гетто, кто-то работал дома. Сала, Моник и Берек работали на заводе, производящем одежду, униформу и предметы роскоши. Фейга оставалась дома с младшими детьми, а Шайя делал все возможное, чтобы обеспечить семью едой и самым необходимым. Питались они овощным бульоном и тушенкой. Им приходилось попрошайничать, чтобы добыть чуть больше овощей, а если совсем повезет, то яиц и кусочек мяса.

С 5 вечера до 8 утра все обитатели должны были находиться у себя дома, квартиры были перенаселены и летом там становилось нечем дышать. Канализационная система не работала, люди пользовались деревянными ведрами. Ведра быстро наполнялись, их необходимо было выносить в специальные бочки для отходов, которые вынуждены были возить несчастные Scheisskommando – ассенизаторы.

Семья Рахель старалась делать все от них зависящее и молиться, чтобы эта мука поскорее кончилась. В попытке поддержать друг друга они повторяли: «Вот еще неделька – и снова заживем как люди». Недели превращались в месяцы, но ничего не менялось. Люди отошали,

они были измучены работой и теряли надежду. Сала говорила: «Они отобрали нашу гордость, мы никогда не станем прежними».

К февралю 1940 года на окраине Лодзи было подготовлено гетто размером в 2,5 квадратных километра, в которое предполагалось переселить 164 000 евреев. Для этих целей были избраны районы Балуты и Старе-Място. Рахель и Моник решили бежать как можно скорее и переселились в варшавскую квартиру вместе с матерью Моника и двумя его братьями. Большая часть города была разрушена люфтваффе, но формально Варшава относилась к области руководства немецкого губернатора Ганса Франка, и молодая пара надеялась, что там они будут привлекать меньше внимания. «Мы не рассчитывали, что война затянется больше, чем на пару месяцев», – писала Рахель.

Жизнь в столице была крайне напряженной. Со всех уголков страны в поисках убежища съехались беженцы. Каждый день прибывали люди на телегах, в которые они пытались уместить всю утварь, улицы переполнялись звоном сковородок и кастрюль. Еды было критически мало, и даже с поддельными документами была вероятность попасть под арест.

В апреле 1940 года началось возведение стены, окружающей Варшавское гетто, куда впоследствии отправят 400 000 евреев. Именно это гетто станет самым большим во всей оккупированной немцами Европе. В последующие месяцы людей охватила паника, они бежали к границе, нагруженные всем, что смогли забрать с собой. Рахель, Моник и его братья, поддавшись всеобщей тревоге, активно выясняли обстоятельства. Все рассчитывали уехать как можно дальше, чтобы избежать печальной участи.

Мать Моника, Ита, наотрез отказалась покидать дом, хотя ее здоровье заметно ухудшилось после вторжения нацистов. Как большинство молодых людей своего поколения, Моник считал своим долгом остаться с матерью, надеясь, что если они будут держаться вместе, то все обойдется. Рахель и Моник понимали, что им предстоит вести кочевую жизнь, а с Итой это представлялось невозможным. «Она бы не вынесла такого путешествия. Мы решили остаться в Варшаве».

В ноябре 1940 года все евреи Варшавы были загнаны в гетто. Пытавшихся сбежать сразу убивали. На территорию менее 3 квадратных километров были втиснуты почти полмиллиона людей, все они были обнесены стеной трехметровой высоты с колючей проволокой. Квартира Фридманов изначально находилась в пределах гетто, поэтому жизнь практически не изменилась. «С натяжкой, но жизнь можно было назвать нормальной. Мы практически ничего не могли делать, поэтому жили на деньги Иты, – говорила Рахель. – Мы получали посылки и еду из-за стены, а за злотые можно было купить даже кое-какие предметы роскоши на черном рынке». И все так и тянулось по-старому, пока семью не выселили из квартиры, объяснив приказ тем, что квартира великовата для четырех человек. Один из бывших клиентов их предприятия любезно предоставил им комнату, которую они благодарно приняли.

Количество людей, погибающих прямо на улицах от голода, истощения, туберкулеза и тифа, достигло отметки 2 000 в месяц. Рахель решила организовать помощь тем, кому повезло меньше. С особенной нежностью она относилась к беженцам из Пабьянице. «Большинство людей были голодными и нищими. Мы организовали кухню, где каждый мог получить пиалу супа и кусок хлеба. Некоторые из них давали нам пару монет, и мы могли купить еду на следующий день и накормить еще 70 человек». Еврейский совет (юденрат), контролирующий жизнь в пределах гетто, нашел для Рахель и ее добровольцев кухню побольше, но материально никак не поддержал. «Мы работали на протяжении 6 месяцев, пока у нас не кончились деньги. Мы вынуждены были закрыться».

Рахель переключилась на обеспечение одеждой тех, кто рисковал замерзнуть зимой. Еды и горючего было очень мало, на улицах повсюду лежали мертвые, которых уже не вмещало маленькое кладбище, приходилось рыть общие могилы. Особенно Рахель старалась помогать детям, у которых не было сил сопротивляться, – они были предельно истощены. Она с парой друзей отправилась к Янушу Корчаку, выдающемуся педагогу, врачу и писателю, который организовал первый в Варшаве детский дом в 1912 году. Ему несколько раз предлагали уехать, но он отвечал, что не может бросить 200 несчастных детей.

В приюте на улице Дзельна Рахель предложила Корчаку свою помощь, в ответ он попросил найти теплую одежду для «малышек», чем волонтеры и занялись. В те же вещи дети нарядились, когда покидали пределы гетто спустя год. Начались депортации на восток, и в первую очередь туда отправили детей, стариков и больных. Корчак заявил, что «отправится туда, куда и его дети», и пошел вместе с ними на погрузочную станцию. Оттуда поезд доставил их в газовые камеры концлагеря Трешлинка. Они умерли вместе.

Адам Черняков, глава юденрата, не смог остановить депортацию евреев из гетто. Нацисты запрашивали 6 000 человек в день, и Черняков в качестве протеста выпил ампулу цианида. В предсмертной записке, обращенной к жене, он писал: «Они хотят, чтобы я убивал детей своего народа собственными руками. Мне ничего не остается, кроме смерти. Я не могу этого вынести. Мой поступок покажет остальным, как себя вести».

Границы гетто были под наблюдением, но при наличии необходимых документов люди могли выходить за ворота. Лишенные благ, которые в обычное время поставляли евреи, поляки приходили на черные рынки. Люди рисковали жизнью, связываясь с евреями, но мужчины проползали по подземным туннелям, чтобы достать еду и передать посылки. Используя свои бумаги, Моник выходил в город за едой и новостями о семье Рахель. И каждый раз Рахель понимала, что он может не вернуться. Но каждый раз его возвращение приносило ей облегчение, они лежали в ночи и шептались друг другу, что скоро этот кошмар закончится. Когда начались депортации, они сказали друг другу: «И это тоже пройдет». Нацисты предлагали отправляться работать на фермы за еду, но семья вновь отказалась. Они решили быть вместе во что бы то ни стало, пока их всех насильно не заберут. Они продолжали надеяться, что война со дня на день окончится.

Но нацисты начали закручивать гайки. Офицеры СС в сопровождении еврейской полиции, у которой была своя униформа с желтыми звездами, собирали людей и массово уничтожали по подозрению в диверсии. На главной площади поставили виселицу. Семьи жили в постоянном страхе услышать стук в дверь, особенно по наступлении комендантского часа. Почти всех контрабандистов из гетто расстреляли, тем самым обрывая контакт с внешним миром. Стало слишком опасно использовать поддельные документы, а критическая нехватка еды провоцировала все больше смертей.

Моник чувствовал себя совершенно беспомощным. Он понимал, что нужно срочно бежать. Потратив последние деньги, он договорился с контрабандистом, который должен был вывезти Рахель, несмотря на огромный риск. Контрабандист, вероятно, нееврейского происхождения, приехал на телеге. Он посадил к себе Рахель и еще одну женщину, одетых в крестьянок, и спокойно вывез их за ворота. Путешествие в 120 километров заняло три дня. Договор был таков, что контрабандист отвезет Рахель в Пабыянице, а через две недели вернется за Моником.

Ита, мать Моника, осталась в Варшаве и ухаживала за своим сыном Авнером. Другой сын, Давид, к тому времени уже уехал в Советский Союз. Авнер чуть позже последовал его примеру и добрался до Киева, но нет сведений, что хотя бы один из них пережил войну.

Рахель не видела родителей вот уже два года, и встреча вызвала большой эмоциональный всплеск. Ее отцу, Шайе, было за 60, а его жене за 40, но оба выглядели сильно старше. Кожа стала будто восковой, они едва держались на ногах, блеск исчез из их глаз вместе с той жизнерадостностью, которую помнила Рахель. Несмотря ни на что, они были счастливы увидеть дочь, поделиться новостями. С гордостью они сообщили, что отметили свою 25-ю годовщину свадьбы с небольшими подарками друг другу и даже ели что-то кроме бульона.

Радость Рахель быстро улетучилась, когда она осознала, что в Пабыянице условия не лучше, чем в Варшаве, и всех евреев местного гетто должны перевезти в Лодзь, где, по словам людей, было еще хуже. С тяжелым сердцем они с Моником снова оставили Пабыянице, чтобы вернуться в Варшаву, где договорились разойтись в разные безопасные места для надежности. Моник скрылся у своих друзей, а Рахель в убежище отказали, потому что слишком боялись расправы. И снова ей пришлось уговорить контрабандиста отвезти ее к родителям.

В скором времени нацистская полиция окружила гетто в Пабыянице с целью

ликвидировать его. Жителям дали 24 часа, чтобы собрать пожитки. Вид ружей и непрерывный лай немецких овчарок заставил евреев подчиниться судьбе. Все 11 членов семьи Абрамчик бок о бок отправились на городской стадион, куда загоняли жителей гетто для переписи.

Они просидели там больше суток. Еды никому не давали, людей унижали и избивали. В итоге им сообщили, что всех отправят в Лодзь на автобусах. Пока евреи ждали транспорт, немецкие солдаты начали отбирать людей для работы в лагерях и уводили стариков и детей. «Нам удалось остаться вместе, самым младшим было уже по 11 лет».

Началась суматоха из-за женщин, которые отказывались уезжать без своих детей. Рахель и ее семья с ужасом наблюдали, как младенцев вырывают из рук матерей и просто швыряли высоко в воздух. Куда они приземлились, было уже не видно, но совершенно ясно, что они погибли. «Я никогда этого не забуду. Матери начали отдавать своих детей бабушкам, лишь бы их не убили таким же образом. Никто не знал, что произойдет дальше», – вспоминает Рахель.

За два дня 4 000 детей, стариков и больных были бесцеремонно отобраны и отправлены в неизвестном направлении. Крики их родственников можно было услышать далеко за границами стадиона, как и звуки выстрелов, когда кто-то осмеливался сопротивляться.

Пока семья ждала отправки, немцы оповестили всех о том, что требуются сильные молодые люди для «серьезной работы», которые отправятся вместе со стариками и детьми. Ко всеобщему ужасу, 18-летний Моник, брат Рахель, вызвался на эту работу. Он сказал, что должен поехать с детьми и успокоить их. Семья упрасивала его остаться, но он отрезал: «Нет, я должен помочь им». Его увезли. В последнем воспоминании о Монике была его фигура, уезжающая в автобусе, переполненном детьми, и он, пытающийся петь детские песенки. Убитая горем семья не догадывалась, что эти автобусы направлялись в Хелмно, приспособленный под концентрационный лагерь Кульмхоф. В этом лагере уничтожили приблизительно 150 000 человек за время войны – их либо стреляли на краю общих могильных ям, либо отправляли в специальные грузовики, в которых выхлоп заведен в кузов. Около 70 000 погибших были доставлены сюда из Лодзи. Спустя много лет после окончания войны семья узнала судьбу дорогого им Моника.

«Их отправили в лес и там расстреляли. Брат был одним из тех, кого заставили убирать трупы. А потом застрелили и его, предварительно заставив раздеться. На том месте нашли его одежду», – вспоминает Сала. Моник стал первым убитым из семьи Абрамчик.

В скорбном оцепенении от потери Моника, семья уже в неполном составе отправилась в Лодзь. Условия в новом гетто, расположенном в трущобах города, поразили даже Рахель, которая помнила, как в Варшаве 70 000 человек погибли от измождения с 1941 по 1942 год. Позже она вспоминала, что настоящий голод познала именно в Лодзи. На стенах гетто были установлены огромные знаки «Еврейское поселение. Вход строго воспрещен». Солдаты, расставленные через каждые 500 метров, получили приказ стрелять в любого, кто вздумает сбежать.

На территории, огороженной забором с колючей проволокой, разместили 230 000 евреев. Условия были ужасающими, люди селились в полуразрушенных грязных домах. Стекла во всех зданиях были выбиты, а люди теснились в домах целыми общинами. Воздух наполнялся запахом отходов и гниения человеческой плоти – живой и мертвой. Оборванные жители гетто давно уже не обращали внимания на свой внешний вид. Кожа висела на них, как одежда, кто-то уже просвечивался насквозь, и казалось, что любое дуновение ветра может их унести. Со слов Салы, «самые старые жители выглядели страшнее всего. Их раздувало от голода. Они с трудом ходили, обвисшая кожа лица пожелтела. Невозможно жалкое зрелище».

Три главные улицы гетто соединены деревянными мостами, сквозь гетто проходят трамвайные линии, но транспорт там не останавливается, так как евреям запрещено им пользоваться. Из яркого нарядного дома семья Абрамчик попала в условия, где люди похожи на тени, а вокруг беспросветный мрак. Казалось, голод и болезни вымыли все цвета до черного и белого.

Как почти во всех гетто, нацисты настаивали, чтобы евреи сами себя содержали, поэтому

труд обменивали на возможность жить. В пределах стен было больше сотни заводов и любой в возрасте от 10 до 65 лет должен был работать. Каждый день из репродукторов на главной площади гетто – Лютомирской улице – раздавались сообщения, куда направляться новоприбывшим, а потом звучали заводские гудки. Нацисты установили «еврейский паек»: на каждого еврея полагалось приблизительно 30 пфеннигов в день, которые шли на оплату их рациона на общих кухнях. Каждый должен был отрабатывать свой паек. Вся семья Рахель была распределена на завод по изготовлению обмундирования и униформы для немецких солдат: они производили обувь, рюкзаки, седла, ремни. В обмен нацисты кормили их (но не каждый день) и снабжали некоторыми видами услуг.

Когда работник заканчивал половину смены, ему полагались тарелка супа и кусочек хлеба. Раз в неделю выдавался провиант – свекла, картофель, капуста, перловка или лук, в зависимости от того, что привезли. Когда нацисты были в хорошем настроении, им присылали колбасу сомнительного состава, маргарин, муку, искусственный мед, крошечных (и обычно тухлых) рыб, и это предполагалось растянуть на месяц. Молоко привозили изредка, летом его негде было хранить и оно быстро скисало.

Дальше все зависело от каждой отдельной семьи: они могли обменять одежду или предметы быта на листы редиса для супа или овощи, предназначенные для скота. Отец Рахель Шайя, заядлый курильщик, нередко менял свою еду на сигареты и по одежде скоро стало видно, как он уменьшается. Семья Абрамчик вспоминает о том времени: «Постоянно приходилось работать и постоянно хотелось есть». Глаза впали, ребра выпирали сквозь одежду. На ремнях то и дело резали новые дыры, все ту же затягиваясь. Одежда совсем изнасилась и была испачкана всем подряд. Болели животы, ноги наливались свинцом. Как и в Варшаве, единственным способом выжить был черный рынок: поставки еды активно разграблялись до прибытия в гетто, «снимались сливки». Люди страдали от гнойных заражений, опухали различные части тела – все это было следствием истощения. «Многие с трудом ходили, потому что наполняли желудки водой, чтобы не так остро чувствовать голод. Помню, как и я от измождения перестала ходить. Мать дала мне какого-то темного масла и сахара. Как ни странно, мне тогда стало легче», – вспоминает Сала.

По приблизительным подсчетам, от голода, переутомления и болезней погибло 20 % населения гетто. В суровые зимы люди замерзали в постелях. Многие кончали с собой, выпрыгивая из окон, вешаясь или отравляясь, пытались уйти от неизбежности. Некоторые родители убивали сначала своих детей, а потом и себя. Кто-то бежал к воротам, зная, что их настигнет нацистская пуля. Уже в лагерях люди вновь пользовались этим методом – броситься на заграждения под напряжением или получить пулю, а значит – умереть быстрой смертью.

Мордехай Хаим Румковский, бездетный 63-летний польский предприниматель, был назначен Juden Älteste – главой юденрата. Как и Черняков в Варшаве, Румковский приводил в исполнение ежедневную работу в гетто и оповещал обо всем нацистских руководителей с площади Балути. На его плечи легла и ответственность за судьбу каждого живого существа в гетто. Бывший владелец завода и детского дома впоследствии стал спорной фигурой, после его решения сотрудничать с нацистами на него смотрели и как на героя, и как на предателя.

Светловолосый голубоглазый Румковский надеялся использовать свои дипломатические таланты, отточенные за время владения самым большим детским домом в городе. Он рассчитывал спасти евреев, всячески нахваливая их работоспособность. Под лозунгом «Unser Einziger Weg Ist – Arbeit!» («Единственный путь – путь труда!») он настаивал, что если евреи будут хорошо трудиться, нацисты не подумают избавляться от такого количества умелой рабочей силы. Многие поверили в его план, но без жертв не обошлось.

Румковский создал некое подобие классовой структуры в гетто, и те, кто назывался «старостой», справлялись со своей задачей отлично. Старосты помогали угнетать представителей своего народа, и в то время, как большая часть людей так и ходила оборванными и голодными, старосты жили в неплохих квартирах, пили водку, ели краденную из общего пайка еду. Доходило до того, что у некоторых представителей элиты появлялись дачи в районе Марысин. Они нанимали учителей музыки и иврита для своих детей,

пользовались горячей водой и мылом, завозили из-за стены роскошь и еду, а иногда ходили на концерты и танцы. Остальные евреи так и жили в своих лачугах, расцарапывая коросту на теле. Зимой, когда горючее было положено только суповым кухням и пекарням, элита снова забирала себе «сливки», а остальному населению оставалось лишь собирать руками пыль в угольном вагоне или пускать брошенные дома на древесину.

Рахель и восемь членов ее семьи жили чуть лучше, чем остальные – их не разлучили, жили они в одной, но достаточно просторной комнате на Пфедфергассе. Спали на матрацах на полу, прижимаясь друг к другу, чтобы сохранять тепло. Берека, брата Рахель, почти сразу определили на работы, требующие большой физической силы, и отселили. Каждую неделю семье Абрамчик выдавался паек, за которым отправляли самого младшего, Хеника, в надежде, что владелец магазина из жалости даст немного больше. Когда Хеник приносил домой хлеб, Фейга резала его на 9 частей, и самый большой кусок отдавала мужу, как «хозяину дома».

Каждый вечер, по возвращении старших членов семьи с работ, Фейга кормила их супом из всего, что удалось найти. Иногда находили и картофель, но в основном зимой он оказывался настолько замерзшим и черным от гнили, что его сжигали, чтобы никто не отравился. Иногда находилась репа. В паек входило некое подобие кофе-порошка, из которого с добавлением небольшого количества воды Фейга делала конфеты, чтобы порадовать детей. Запах кофе будет всю жизнь напоминать Рахель, ее братьям и сестрам об изобретении матери. «Мы старались не терять нашей душевной радости от голода. И продолжали верить, что скоро все закончится», – говорила Сала.

Шайя Абрамчик был невероятно практичен и изобретателен: в конце своих рабочих смен он возвращался домой и применял умения к их скудному хозяйству. Вскоре он отделил один конец помещения, превратив его в отдельную комнатку, повесил полки, починил обувь своих детей, даже провел электричество. Тогда удалось установить швейную машинку, а Сала, известная своими способностями в шитье, принялась мастерить. На заводе она шила одежду и головные уборы для немцев, закончив, добиралась до дома еле держась на ногах, глаза болели от напряжения, но она получала свою порцию супа и садилась шить одежду из старых материалов, чтобы позже обменять ее на еду для своей семьи.

«Работа на заводе заключалась в том, что я делала элегантные платья для женщин, и их отправляли в Германию. Иногда я сама их придумывала, немцы приходили, чтобы посмотреть на меня. А потом я возвращалась домой и делала одежду из ничего... помнится, как-то у нас завалилось много зеленой ткани...»

Необходимость работы оправдывалась не только потребностью есть, но и оградить себя от возможной депортации в трудовые колонии, когда снова начали высылать людей в январе 1942-го, еще до того, как Рахель с семьей пополнили ряды жителей лодзинского гетто. Евреи и цыгане рома свозились в Лодзь со всей Европы с конца 1941 года, а Румковского с его комиссией обязывали поставлять 1000 человек в день, чтобы освободить места для новых. Если старосты отказывались это делать, нацисты грозились освободить места за счет их жен и детей. Постоянно принуждаемый к предательству своего же народа, Румковский считал, что у него нет другого выбора, кроме как подчиниться. Он с самого начала понимал, что если не будет выполнять этих условий, люди, одержимые уничтожением евреев, уберут и его и поставят человека менее жалостливого. Он надеялся хотя бы немного уменьшить число выданных людей. Перед каждой новой депортацией немецкие полицейские вместе с полицией гетто рыскали по улицам в поисках «свежего мяса». То и дело раздавались ружейные залпы, означавшие, что кто-то попытался оказать сопротивление. Когда поименно выбирались новые жертвы, солдаты приезжали в грузовиках и окружали здания, отлавливали евреев и, если было нужно, вышибали двери и забирали полураздетых людей.

Те, кому не повезло попасть в эти списки, сначала были заключены в местную тюрьму на улице Чарнецки, а потом их поездами отправляли со станции Радогощ. По некоторым данным со станции, которую немцы между собой звали Радегаст (в славянской мифологии – карающий лик Всевышнего), за все время увезли 200 000 евреев. Пока заключенные находились на улице Чарнецки, надежда еще жила. Пока их держали в тюрьме (от нескольких

часов до нескольких дней), их родные и близкие метались по гетто в поисках знакомых, которые могли бы помочь, повлиять. И всегда попытки кончались неудачей. Даже если бы кого-то удалось вызволить, на его место взяли бы другого несчастного, потому что квота должна была соблюдаться неотступно. Транспортировки начали эвфемизировать, используя выражение «отправляться на сковородку».

Несмотря на периодические передышки между облавами, люди в гетто жили в постоянном ожидании депортации и смерти. Так и в семье Рахель надежда бледнела с каждым днем. Главной целью стало продержаться как можно дольше и заботиться о близких. От одной мысли о потере члена семьи сердце Шайи Абрамчика содрогалось, а они в любой момент могли попасть под этот хаотичный отбор. Дети всегда верили, что Шайя был настоящим изобретателем, и он это доказал в полной мере. Он соорудил перекрытие вдоль одной из стен и сделал комод, через нижний ящик которого семья могла бы спрятаться за перекрытием, заслышав шаги эсэсовцев. Из воспоминаний Салы: «В тайнике было достаточно места, чтобы нас всех вместить. Любой зашедший в комнату решил бы, что она пуста. Отец даже картины повесил, чтобы перекрытие выглядело настоящей стеной».

Когда в сентябре 1942 года снова начались депортации, перекрытие подтвердило свою незаменимость. Грохот подъезжающих грузовиков и топот солдатских сапог сопровождалась громкой суетой среди евреев. Солдаты всегда забирали с собой кого-то из соседей. Каждый раз семья Абрамчик пряталась в свой тайник, и все пытались заткнуть уши, чтобы не слышать отчаянных криков женщин и садистского смеха нацистов. «Нацисты врываются в дом и приказывали всем выходить на улицу. Там они отбирали 50–60 человек и увозили в автобусах. И так каждый раз», – говорит Сала. Семье Абрамчик оставалось лишь молчаливо провожать своих друзей, которые больше не вернуться.

Никто не знал, что происходит, когда автобусы с людьми покидают пределы гетто. Евреев держали в неведении до последнего, а выбор в итоге был лишь один – умереть от пули или в газовой камере Хелмно. В трещинах кузовов машин, возвращавшихся с востока, были спрятаны записки, намекающие на ужасы, которые творились в лагере, и предостережения не садиться в поезда. Одежду и личные вещи узников концлагеря возвращали в гетто для переработки на нужды фронта, на некоторых вещах сохранялись имена погибших. И тогда все больше евреев поверили в реальность всех слухов о «сковороде», бытующих в Лодзи.

Румковский боялся расправы нацистов, которая может последовать за отказом поставлять необходимое количество людей в лагерь. Он старательно пытался убедить жителей гетто, что в лагерях всем разрешают оставаться с семьями. Комиссариат Румковского распространял слухи о том, что люди там так же работают на нужды фронта, а условия даже лучше, чем в Лодзи. А машины тем временем возвращались снова и снова, но ни слова от депортированных не поступало. В конце концов, Румковский перестал притворяться.

Его план провалился. Он создал модель рабочего лагеря, открыл школы, госпитали и пожарную службу, даже проводил обряды бракосочетания, но авторитет Румковского падал. Его подрывало не только то, что в неизвестном направлении увозили тысячи евреев, но и то, что немцы целенаправленно задерживали поставки еды, хотя трудились евреи исправно.

Нацисты разорвали свой договор о депортациях и пошли дальше: они запросили еще больше. Но за этим последовало нечто невероятное по своей жестокости – немцы затребовали передать им всех детей до 10 лет и взрослых за 65, что составляло по 3 000 человек в течение 8 дней.

Укрытие спасло семью Рахель 5 сентября 1942 года, когда после 5 вечера начался Большой комендантский час. За ту неделю увезли более 20 000 евреев.

Румковский, днями напролет упрашивающий руководство отменить запрос или хотя бы снизить квоту, славящийся своей любовью к детям, наконец принял факт, что не сможет исключить нацистов из своего плана. Этот «сломленный еврей» собрал свой народ на пожарной станции за день до массовой депортации. Румковский вышел к людям, тяжело вдохнул сырой осенний воздух и объявил людям: «Большое горе настигло наше гетто. Они просят отдать самое дорогое, что у нас есть – стариков и детей. Я и не думал, что сам понесу

жертву на этот алтарь. Я должен протянуть к вам руки и умолять вас: братья и сестры, отдайте их мне. Отцы и матери, отдайте мне своих детей!»

Сквозь крики и причитания пробивался его голос – Румковский говорил, что ему удалось добиться снижения общего числа с 24 000 до 13 000 человек, не забирать детей старше 10 лет. Он сообщил, что договорился забирать больных, «чтобы спасти здоровых». Если евреи организуют сопротивление, то обязательно последует жестокое возмездие.

Самой младшей в семье Абрамчик была 11-летняя Мануся, которая оказалась вне опасности, однако это не уменьшало ужаса сложившейся ситуации. Рахель вспоминает: «Мы думали, их отправляют на работы, но когда начали забирать больных прямо из госпиталя и маленьких детей, мы четко осознали, что их забирают, чтобы убить. А как страшно они забирали детей... Их выкидывали прямо из окон в грузовики. Стало ясно, что будет только хуже».

Находящиеся на грани безумия от условий, в которых приходилось существовать, родители окончательно сходили с ума от горя, когда у них забирали детей, которых они защищали всеми правдами и неправдами. Ходили слухи, что матери сами душили своих детей, лишь бы не отдавать нацистам. Так это помнит Сала: «Мы прятались в застенки, как только слышали приехавших нацистов, и оставались там до тех пор, пока они совсем не уезжали». Когда все стихало, они выбирались из убежища и шли проверять, кого увезли на этот раз. Если дверь была сорвана с петель, значит, эти люди уже не вернуться, и оставшиеся забирали их вещи, доедали оставшуюся еду. «Мы жили так несколько недель. Когда находили еду, то набрасывались на нее, как животные».

Жители лодзинского гетто продолжали влачить свое изнурительное существование изо дня в день, но по большей части от одного приема пищи до другого. Польские золотые, рейхсмарки и деньги лодзинского гетто – «румки» или «хаимки» (в честь Хаима Румковского) потеряли всякий смысл, единственной ценностью была еда. Поставки еды были непредсказуемыми. Их чаще всего отменяли перед очередной транспортировкой, чтобы не встречать сопротивления. Тем, кто захочет переселиться, обещали дополнительную еду. Общий паек сократили на 2/3, и даже в это время кто-то мог «снимать сливки» с того жалкого количества еды. Людей, на которых заметнее повлиял голод, называли «песочные часы»: все оборванные, босые, тела изуродованы страданием – ноги и животы неестественно раздувались. Они падали от усталости, начиналась лихорадка, и через несколько дней они умирали. Эпидемии чесотки, тифа и туберкулеза забирали сотни людей. Ситуация все ухудшалась, осажденный Румковский поклялся не дать потухнуть огню производства. Он объявил: «Я не могу спасти всех. Чтобы не обрекать на голодную смерть весь народ, я лучше спасу 10 тысяч еще здоровых»

Люди падали прямо на улицах, летом их облепляли мухи, зимой покрывал лед, потребность в еде стала первостепенной. Получить овощные очистки или гнилую картофелину стало наваждением всего гетто.

Рахель, некогда молодая жена состоятельного человека, была чуть удачливее остальных, благодаря своим связям. Но ей все равно приходилось работать по 12 часов, изготавливая обувь для солдат, сражающихся с русскими. Галоши, которые выпускал этот завод, совершенно не гнулись и в них было невозможно ходить, но они защищали солдат вермахта от переохлаждения. Три младшие сестры Рахель работали на том же заводе, даже 11-летняя Мануся.

А за стенами гетто метался Моник, муж Рахель, в поисках способа вызволить любимую жену. Рискуя всем, он приехал в Лодзь, чтобы увидеть ее. «Он считал, что я слишком слаба, чтобы прожить в гетто в одиночестве, но вариантов вызволить меня тоже не было. Мой брат Берек работал в лагере недалеко от гетто и видел Моника, то и дело проезжавшего мимо в трамвае. В итоге он бросил все и пошел в гетто в надежде, что вместе нам будет чуть лучше. Он не хотел пережить войну без меня... поэтому пришел, чтобы со мной умереть».

Моник отказался от последней возможности избежать опасности и въехал в переполненную комнату семьи Рахель. Главная проблема состояла в том, что теперь он был

нелегалом на педантично контролируемой территории нацистов и имени его не было ни в одном списке. Еще до войны Румковский был партнером матери Моника, Иты, поэтому молодой человек мог просить об услуге. «Король гетто» предложил Монике вступить в Sonderpolizei (полиция гетто) – только там не задавали лишних вопросов. Так он и поступил. «Он исполнял все приказы. Чтобы выжить под правлением нацистов, другого выбора не было», – вспоминает Рахель.

Моник вступил и в пожарную бригаду, где работал Берек. Те, кому повезло поступить на государственные работы вроде полиции и пожарной службы, селились в отдельных расположениях, кормили их немного лучше. Чуть позже они нашли отдельную комнату для Рахель на соседней улице от пожарного расположения, где молодые муж и жена изредка могли побыть вместе. Были и другие сюрпризы. «Один из людей, представлявших наше предприятие в довоенное время, нашел нас и отвел на склад с одеждой и тканями – у нас вообще не было сменной одежды». Зимой снег заметал нищие улицы гетто, в домах с разбитыми окнами наличие одеяла могло стоить жизни.

Все старались как-то поднять дух и вернуть окружающим надежду, организовывались культурные мероприятия. Проводились джазовые и классические концерты, игры, пантомимы для детей. Сала имела опыт выступлений еще в Пабьянице и в гетто была задействована сразу в нескольких спектаклях. Не забывали и об образовании. К детям на заводах ставили учителей, но никакой учебной литературы не было, поэтому обучение проходило изустно.

С сентября 1942 по май 1944 года ударная рабочая сила в 75 000 человек – «Judische Arbeitskrafte», еврейские рабы – были признаны настолько полезными для СС, что транспортировки временно прекратили. Тогда впервые союзные бомбардировщики атаковали немецкие города. В Гамбурге и Рурской области погибли тысячи людей. В мае того же года Генрих Гиммлер – вторая после Гитлера фигура рейха, облеченная властью – приказал ликвидировать гетто. За последующие три месяца немцы отправили в лагерь Хелмно еще 7 000 евреев, но транспорт не справлялся с нагрузкой, и людей начали отправлять в Аушвиц. Несчастных почтальонов, разносивших телеграммы с оповещениями о депортации, стали называть «ангелами смерти».

И снова встал вопрос сокращения расходов на содержание евреев, и оставшихся детей и стариков опять отправили навстречу неизбежному. Мануся должна была попасть под депортацию, но вновь спасало укрытие. Начали забирать и работоспособных мужчин. Берек и Моник остались лишь благодаря своей работе в полиции и пожарной службе, но защитить семью становилось с каждым днем все труднее. На протяжении всех этих лет семье Абрамчик удавалось держаться сплоченно и избегать облав. Однажды, в августе 1944 года, Берек – «лучший брат на свете» – человек, который полностью посвятил себя защите семьи, пришел с «хорошими новостями»: депортации окончились навсегда.

Власти пообещали пожарным, что семьи хороших работников будут спасены. Семьям нужно было выйти из укрытий и прийти на площадь пожарной станции, чтобы переписать их имена и посчитать, сколько ртов нужно кормить. Как и большинство обещаний, произнесенных в Лодзи, это оказалось лишь подлостью.

«Мы возвращались с собрания на площади, когда нас окружили эсэсовцы и забрали. Мама с несколькими малышами оставалась дома, поэтому я попросила немца отпустить маленькую сестру, чтоб та передала матери, что нас забирают. Я надеялась, что они спрячутся дома, но, к сожалению, они все вместе вышли на улицу. Нас посадили в поезда. Мы молчали. Никто не знал, куда мы едем и что с нами сделают. Младшую сестру я прижимала к себе, как грудного ребенка. Немцы открыли двери вагонов», – говорит Сала.

25-летняя Рахель Фридман была в числе последних евреев, вывезенных из Лодзи. Произошло это в понедельник, 28 августа 1944 года. Она видела Моника за несколько часов до происшествия и не представляла, схватили ли его, едет ли он в другом вагоне или прячется в гетто. У них не было возможности попрощаться.

Берек, вместо того, чтоб остаться в числе семисот работников по зачистке гетто, отправился в лагерь со своей семьей. Его молодость и сила могли помочь старому отцу

справиться с лагерным трудом, и Береку это почти удалось.

Провожать эти поезда пришел Румковский с женой и детьми. Кто-то требовал отправить его на этих же поездах, надеясь, что там его дипломатия пригодится.

Ликвидировались и остальные польские гетто, а «король» Лодзи (чьё имя переводится с иврита как «жизнь») должен был во что бы то ни стало сохранить последних евреев. У него было только два варианта – погибнуть в газовых камерах, куда он послал тысячи людей, либо от рук других евреев, которые обвиняли его в смерти близких.

Из 200 000 человек, зарегистрированных в лодзинском гетто, выжили меньше 1000. И это стало одним из самых больших достижений нацистов в борьбе с европейским еврейством. Узников везли в закрытых вагонах на бойню, как домашний скот, но семье Рахель удалось остаться вместе. Они прижимались друг к другу, ни еды, ни воды им не полагалось, но больше всего люди страдали от неизвестности. «Все были напуганы, даже разговаривать друг с другом не решались», – говорит Рахель. В забитом до отказа вагоне не было воздуха и света, в какой-то момент от сильного толчка перевернулось ведро с отходами, глаза начало щипать от аммиачного смрада.

Все старались пробраться поближе к небольшому окошку, затянутому колючей проволокой. Когда поезд остановился в Аушвице, дети рыдали, а взрослые молились. Делая мелкие глотки воздуха, люди притихли и вслушивались в скрежет металла. Двери открылись, и порыв ветра ворвался в легкие заключенных. Люди устало вывалились из вагона под огни прожекторов, навстречу резким окрикам. Их разогнали штыками и построили в ряды. Рахель считала, что это было самое страшное за все время. «Ты не думаешь. Ты не говоришь. Ты лишь машина».

Доктор Менгеле вышел на осмотр новой партии узников. С ним была его жена Ирэн, мать его единственного сына Рольфа. Она приехала навестить Менгеле в лагере, провела там три месяца, но потом заболела и вынуждена была отправиться в один из госпиталей СС. Во время ее визита муж рассказывал, что его работа представляет собой некую фронттовую службу, а его обязанности должны выполняться с солдатской покорностью.

По прибытии нового поезда ответственный офицер докладывал Менгеле о качестве «новой поставки». Менгеле всегда лично выходил осматривать заключенных, иногда вкрадчиво задавал несколько вопросов и, махнув перчаткой, отправлял человека налево или направо – жить или умереть.

Семью Рахель разделили сразу по прибытии. Фейгу, близнецов Хеника и Дору и Манусю отправили в одну сторону, Рахель, Эстер, Балу и Салу – в другую. Люди толпились и выкручивали шеи в попытке последний раз взглянуть на близких.

Шайя Абрамчик, чувствительный интеллектуал и книголюб, в детстве сам обучавший детей языку рейха, наблюдал за тем, что осталось от его разрозненной семьи, а рядом стоял Берек – обоих определили в отряд каторжных работ. «Они были слишком далеко. И нигде не было видно Моника. Скрылись с виду и мама с малышами. Мы видели, как отец показывает на пальцах, что двое прошли, а кто-то один – не прошел. Тогда еще не было ясно, что это последний раз, когда мы видели родителей и младших детей».

Анка

«Вы беременны, милая моя?» – печально знаменитый доктор Аушвиц II-Биркенау задает свой вопрос Анке Натановой, когда подходит ее очередь предстать обнаженной перед надсмотрщиками лагеря холодной октябрьской ночью 1944 года.

Наделенная от природы большой грудью, 27-летняя чешка всегда стеснялась своей фигуры, и теперь безуспешно пыталась обеими руками прикрыть обнаженное тело. Ошеломленно оглядываясь, Анка не могла поверить, что сама вызвалась ехать сюда вслед за мужем, Берндом. На протяжении трех лет они боролись за выживание в терезинском гетто, в часе езды от Праги, и теперь она рассчитывала, что их перевезут в такие же условия. Всю ее семью к тому моменту уже давно отправили на восток. Она решила, что лучше держаться

вместе.

В тот момент, когда поезд мучительно медленно проезжал сквозь «врата смерти» Биркенау, она осознала свою ошибку. По сравнению с тем, что ее ожидало, Терезин был раем.

Открылись щеколды грузового вагона, и тяжелая дверь отъехала в сторону со зловещим скрежетом. Озверевшие мужчины, женщины и дети вываливались наружу, вставали на трясущихся ногах, качались как пьяные.

«Мы попали в ад и не понимали, за что, – говорит Анка. – Выходя наружу, мы не представляли, что нас окружает. Мы боялись, но еще не знали, чего именно».

Анка пребывала в состоянии шока с самой высадки. Их отправили в вечно голодную пасть самого эффективного из нацистских индустриализированных лагерей смерти. В мраке ночи раздавался низкий хриплый лай собак, а видно было лишь людей, которые орудовали дубинками, рыча «Raus! Raus!» (нем. «Шевелись!»).

Идеально выглаженные немецкие офицеры стояли, словно статуи, в то время как их младшие чины били, толкали и растаскивали несчастную толпу, принуждая к подчинению. Какофонию языков было слышно издали: немцы отдавали приказы, женщины рыдали, мужчины тщетно протестовали.

Не успев осознать происходящего вокруг, люди чувствовали весь ужас нависшей над ними угрозы по мере того, как их выстраивали рядами: женщин и маленьких детей в одну сторону, мужчин и молодых людей – в другую. Именно так, в виде кишасей ужасом человеческой массы, евреи предстали перед человеком, которого Анка встретит снова, чуть позже.

Доктор стоял, широко расставив ноги, и самодовольно улыбался, встречая новых людей. Он был единственным, кто не смотрел сквозь них, будто они не существуют вовсе. Проводя быстрый опрос и выясняя, нет ли среди них близнецов, он стеком направлял людей в разные стороны. «Links» – налево или «rechts» – направо. Налево он отправил практически 2/3 прибывших, а Анка осталась в числе назначенных направо.

Когда он прошел мимо, девушка почти физически ощутила захвативший его энтузиазм, будто отбор новой поставки людей был любимой его забавой. За ним виднелись две огромные печи, пламя которых, казалось, облизывало небо. Двойная спираль колючей проволоки под напряжением отрезала всякую возможность побега. В воздухе витал какой-то тяжелый сладковатый запах, который Анка за всю жизнь так и не смогла полностью выдохнуть из легких – или из памяти.

Через час после попадания в «Ад» Данте, уже на сыром глинистом плацдарме, тщательный Менгеле стоял перед ней и спрашивал, не вынашивает ли она ребенка.

Избегая визуального контакта, она разглядывала его высокие сапоги и поняла, что они настолько отполированы, что она видит свое нагое отражение. Силясь закрыть глаза на свое унижение, она помотала головой – «Nein», после чего он вздохнул с очевидным разочарованием и пошел дальше.

Самыми счастливыми днями своей жизни Анка Натанова считает беззаботное время студенчества в средневековом Карловом университете в Праге, незадолго до начала Второй мировой войны.

Красавица Анка, свободно владевшая немецким, французским и английским языками, изучавшая испанский, итальянский и русский, наслаждалась богатой и красочной жизнью в одном из самых многонациональных городов Европы. Прага цвела, появлялось все больше кофеен, концертных залов и театров, что притягивало лучшие умы и великие таланты всего мира.

Девушка обожала классическую музыку, в особенности Дворжака, Бетховена и Баха. Больше всего она любила оперу «Проданная невеста». Анка была популярна среди сверстников и испытывала огромное удовольствие, когда ее водили в кино, где она могла затеряться в историях чужих жизней – «Благословенная земля», «39 шагов» и «Леди исчезает» трогали ее больше всего.

Анна Каудерова родилась 20 апреля 1917 года, в маленьком городке XIV века

Тржебеховице-под-Оребем, в 17 километрах от Градец-Кралове, некогда принадлежавшем Австро-Венгерской империи. Градец-Кралове, что в переводе означает «город королевы», является одним из самых древних поселений в Чехии и стоит на плодородной почве в области слияния Эльбы и Орлице. Город широко известен своим производством фортепиано «Petrof».

Жизнерадостная (и немного избалованная, как добавляет сама Анка) девочка росла в атмосфере обожания, исходящего от родителей, Станислава и Иды, старших сестер, Здены и Ружены, и брата Антонина (Тонды). Еще один брат, Ян, умер в трехлетнем возрасте от менингита за несколько лет до ее рождения, а мать так до конца и не оправилась от горя.

Их семья владела предприятием «Каудер и Френкель» – успешным производством по изготовлению кожаных изделий. Совладельцем выступал родственник Иды, Густав Френкель. Анке было три года, когда ее семья переехала из небольшой квартиры в Градце в просторные апартаменты в одном из зданий завода.

«Каудер и Френкель» было большим ветхим зданием С-образной формы с большой печной трубой. В детстве Анка постоянно боялась, что труба упадет и задавит их. У новых апартаментов был сад с беседкой и внешняя печка для обедов на свежем воздухе. В своем саду родители выращивали овощи и фрукты. Площадь земли была настолько большой, что после свадьбы Ружены и Тома Маутнера они пригласили известного пражского архитектора Курта Шпильмана для строительства на этой земле своей виллы в стиле баухауз, где жили долго и счастливо со своим сыном Петром.

Анка запоем читала, часто пряталась в саду с любимыми произведениями на всех известных ей языках. Ее страсть к чтению разделял старший брат Тонда, который был бесконечно добр к сестре, везде брал ее с собой, в том числе и на футбольные матчи, после которых они оба возвращались осипшими. «У нас были чудесные отношения. У него была машина, и он возил меня гулять. Когда мы собирались на танцы, а у мамы не было желания, он вез меня туда и ждал. Я была в безопасности, все знали, что я пришла с братом».

Ида, мать Анки, была необычна хотя бы тем, что работала кассиром на своем заводе. Она была приятной, доброй женщиной, любила посплетничать со своей многочисленной клиентурой, которая с удовольствием ей доверялась. Глава семейства и хозяйства, она каждый день была занята производством, поэтому домой наняли кухарку, горничную, садовника и посудомойку. Ида следила за тем, чтобы они хорошо выполняли свои обязанности и соответственно обращались с детьми.

«Мать все для меня сделала. Отношения всегда были прекрасными. Она считала, что только лучшее достойно нашего дома», – вспоминает Анка.

В ней с детства развивали любовь к спорту – в школьные годы девочка уже стала чемпионом Чехословакии по плаванию среди юниоров. Тренировалась она в местной реке, часто – нагишом. От природы она была смышленной, в их семье всегда учили думать своей головой, что она и делала. В возрасте 11 лет она покинула отчий дом и поступила в Женский арийский лицей в ГрадецКралове. Там она брала дополнительные уроки латинского, немецкого и английского. «Я жила в пансионе в Градце и ездила в гимназию – абсолютное счастье. У меня была куча ухажеров, которые водили меня на танцы и в кино, жизнь текла безмятежно». Анка научилась играть на фортепиано и танцевать, участвовала в соревнованиях по теннису и гребле.

Ее отец производил кожгалантерею, и, несмотря на то, что Анка и ее сестры отвергали эту продукцию, считая ее старомодной, Анка была рада получать раз в несколько лет новый ранец – он идеально подходил под размер школьных учебников.

Станиславу Каудеру было 47 лет, когда родилась Анка, он был «неверующим» и патриотичным чехом. Концепция сионизма ему претила, он был чрезвычайно горд своей страной. По праву рождения все они считались евреями, но никогда не придерживались никакой религии. Анка училась в школе, где были и другие еврейские дети, учителя-евреи иногда давали уроки истории, но Анка так никогда и не научилась читать на иврите, в их семейном доме не интересовались вопросами кошерности. Более того, они любили чешское национальное блюдо – жареный поросенок с квашеной капустой и клецками, и не отказывали

себе даже в шаббат. Тонда, брат Анки, однажды расстроил свои планы на женитьбу, прикурив сигарету от свечи в меноре родителей невесты, оторопевших от ужаса.

Станислав любил детей, но был человеком замкнутым, поэтому редко с ними разговаривал. Согласно традиции, он оставил все заботы о воспитании детей своей жене. Ида Каудерова была более религиозной, чем вся остальная семья; она ездила в синагогу в Градец-Кралове на самые значительные еврейские праздники. Однако это было в большей степени данью уважения к родным – в своей семье она была одной из 12 детей. Самым приятным она всегда считала отправляться с сестрой после службы в Гранд отель, чтобы попить кофе с пирожным. Сама Ида никогда не принуждала детей к соблюдению традиций.

«Так вышло, что мы – евреи, – говорит Анка, – это никогда не стесняло меня».

В Тржебеховице было несколько еврейских семей, но никто никогда не проявлял антисемитизма, все общались наравне.

Когда ситуация в Европе начала меняться, семья Анки серьезно занервничала. Ида Каудерова услышала зажигательное выступление Адольфа Гитлера по радио, и вечно жизнерадостная женщина вдруг сникла и запаниковала. Она убеждала окружающих, что ничем хорошим это не кончится.

Анка, как и большинство ее друзей, смотрела на это скептически и считала, что до них не доберется рука нацистской идеологии. «Мы не верили, что с нами может произойти что-то плохое. Мы чувствовали себя неуязвимыми». Она была первой в семье, кто поступил в университет, вся семья этим гордилась, особенно мать – человек большой эрудиции.

Анка с нетерпением ждала момента, когда она отправится в Прагу, что находилась всего в двух часах пути. Она прекрасно знала город, потому что ее семья часто гостила там у тети Фриды, модистки, проживавшей на площади Венцеслава. Во время обучения в университете Анка остановилась у нее же.

После переезда в 1936 году Анка все еще не реагировала на растущее напряжение, причиной которого выступал Гитлер. На деньги, подаренные отцом, девушка поехала с друзьями на каникулы в австрийский Тироль в марте 1938 года. Начался аншлюс.

Буквально за ночь Австрия попала в руки нацистов, а Чехословакия была окружена. На улицах Зальцбурга засияли красные флаги со свастиками, и Анка ошеломленно наблюдала, как австрийцы провозглашают Гитлера своим героем, а евреи становятся изгоями. То был первый непосредственный контакт с нацистами, который люди не успели до конца осознать. Анка не видела сцен насилия, но была уверена, что опасность уже витает в воздухе.

Она все еще не думала, что рейхсканцлер со смешными усиками (с которым у них была одна и та же дата рождения) как-то повлияет на ее роскошную жизнь. Лишь когда ее первый молодой человек, Лео Уайлдман, заявил, что уезжает в Великобританию, чтобы присоединиться к войскам сопротивления, она начала задумываться о сложившейся ситуации. Отец Лео уже был арестован за подрывную деятельность, остальная семья в ужасе ждала своей участи. Ей было грустно наблюдать, как он уезжает, она пришла провожать его на железнодорожную станцию. Поезд уже отъезжал, когда на вокзал прибыл только что освобожденный отец, который хотел попрощаться с сыном, но не успел.

Несмотря на то, что у пары были серьезные планы, Анка даже не думала ехать с ним, хотя у нее был шанс. «В Прагу приехали две англичанки и предлагали еврейским девушкам работу в качестве гувернанток и сиделок. Я решила согласиться быть сиделкой, они оформили мне все документы, выдали визу, но... я слишком долго раздумывала. У меня на руках уже были все документы, но в Европе разгорелась война... Срок действия документов истек, пока я сомневалась... Разве не глупо?»

Другие получившие Durchlassschein (разрешение на выезд) смогли уехать, но таких было не много. Среди них был Том Маутнер, муж Ружены, который успел сбежать в Англию на одном из последних поездов. Он умолял Ружену поехать с ним и их сыном Петром, но она отказывалась бросать дом и семью: «Ей было приятней остаться с родными, чем ехать в незнакомую Англию – так она и поступила. И дорого заплатила за это», – вспоминает с печалью Анка.

Как и Ружена, многие другие решили остаться дома и надеяться на лучшее. В скором времени они пожалели об этом решении. После того, как Гитлер захватил контроль над Судетской областью вслед за подписанием Мюнхенского соглашения, он заявил рейхстагу, что «репрессивный» режим Праги должен быть прекращен. «Кто скидывает на нас бомбы, тому и мы ответим бомбами... Я буду вести свою борьбу, неважно против кого, пока рейх и его законы не будут укреплены».

Еврейские беженцы хлынули из ближайших городов, схватив то, что успели, как только стали ясны цели Гитлера. Чехи чувствовали себя жертвами произвола и предательства.

В марте 1939 года немецкие танки вторглись в Прагу. Как и в Австрии, однажды Анка выглянула из окна и обнаружила, что улицы кишат нацистами, а люди приветствуют их салютами. Она была далеко не единственной, кто с ужасом наблюдал за марширующими по площади Венцеслава солдатами с глазами цвета холодной стали.

Зима в тот год выдалась холодной, земля была покрыта снегом.

Из Градчан, пражской крепости, Адольф Гитлер объявил преобразование Чехословакии в Богемию, Моравию и Словакию. Гитлер приветствовал людей с высоты башен крепости IX века, а 22-летняя Анка и вся ее семья осознали, что теперь живут под нацистским руководством в огромном немецком рейхе. «Я ни о чем не заботилась, пока не пришел Гитлер. Ты не придаешь значения своему дому и своей стране, пока у тебя их не отнимут... именно это и произошло со мной», – говорит Анка.

Организованные сперва студенческие демонстрации против оккупации были быстро разогнаны. Солдаты ворвались в университет, где Анка изучала юриспруденцию. Девять предводителей студенческого сопротивления были казнены, а еще 1200 студентов и профессоров отправлены в концентрационные лагеря, а университеты закрыты. Вслед за арестами немцы привели в исполнение Нюрнбергский расовый закон, который систематически ограничивал «врагов рейха» в их человеческих правах. Людям ничего не оставалось, кроме как привыкать к отсутствию тех прав, которые они раньше воспринимали как должное.

Помимо множества других ограничений, у семьи Анки отобрали машину. Потом пришел комиссионер, назначенный рейхом, и отобрал завод и оставил без жилища всю семью. Им разрешили переехать в дом Ружены и жить там с ней и ее сыном, пока руководство решает, что с ними делать дальше. Когда Анка приезжала из Праги, она тоже останавливалась в доме Ружены. Семейные капиталы были заморожены, разрешалось брать не больше 1 500 крон в неделю с их собственного счета в банке. Гражданство аннулировали и запретили покидать строго определенную территорию.

В Праге евреям запрещалось посещать общественные бани, бассейны и рестораны на берегу Влтавы. Их отгесняли во второй вагон трамваев, запрещали пользоваться собственными велосипедами, машинами или беспроводными радиоприемниками.

Из-за закрытия университетов занятиям Анки пришел конец спустя год после их начала – она говорила, что нет худа без добра, потому что она слишком мало училась и слишком много времени посвящала себе. А вот в немецкой оккупации было мало приятного. «Становилось с каждым днем хуже и хуже, но ко всему привыкаешь, и к этому тоже... Сначала запретили одно, потом другое. Мы это обсуждали... и ведь была возможность уехать, но пока не узнаешь, что именно тебя ждет, не сможешь бросить нажитое».

Самым страшным наказанием для Анки стал запрет походов в кино. Она, как любительница синематографа, считала, что эта попытка совершенно безосновательна. В прокат вышел фильм, который она решила посмотреть во что бы то ни стало, но пошла одна, никому не сообщив. Позже она признала, что была «полной дурой». Она заняла свое любимое место в центре зала и уже было погрузилась в мир кино, как фильм оборвался. Включили свет, и гестаповские офицеры начали проверять документы, ряд за рядом. Нацисты приближались, а Анка замерла в оцепенении, представляя, какую реакцию вызовет ее большая буква «J» в документах. Лихорадочно она искала возможность сбежать, но поняла, что это только все усугубит. Неожиданно за ряд до нее гестаповцы остановились, проверка им наскучила, и они ушли.

Она выдохнула и сидела, не двигаясь, чтобы не привлекать внимания, пока по экрану не поползли титры. Когда она рассказала о случившемся друзьям, они пришли в ужас – «Тебя ведь могли пристрелить!» До конца жизни она так и не вспомнила фильм, который тогда смотрела, но, возможно, это были «Унесенные ветром» – картина по книге, которую она любила с детства. После войны она так часто смотрела этот фильм, что могла цитировать целые пассажи.

В то время как ограничения для евреев становились все строже и все больше людей пытались бежать, Анка с подругой познакомились в кафе с английскими журналистами. «Моя подруга сказала “Я выйду замуж за одного из них” и вышла – через шесть недель», – вспоминает Анка. «У того журналиста был друг, которого мне представили, и через 10 минут он сделал мне предложение. Я подумала, что он сошел с ума, я ведь была совсем не заинтересована». Ей польстило это предложение, но она отклонила его, тем самым лишая себя очередной возможности избежать ужасов войны.

Ее отдали на обучение в салон тети-модистки, который находился в центре города, и общественная жизнь ее продолжилась за закрытыми дверями. От побега ее удерживала отнюдь не напускная храбрость. У нее была веская причина оставаться в Праге. В ноябре 1939 года кузен представил ее Бернарду Натану, потрясающе красивому немецкому еврею, бежавшему из Берлина в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти. Как и полмиллиона других евреев, бежавших из Берлина в то время, он рассчитывал, что Прага находится достаточно далеко, чтобы до нее не добралась война. Его младший брат отправился через Голландию в Швейцарию, после чего присоединился к армии США и остался жив. Его сестра отправилась в Австралию и тоже избежала смерти.

Бернард (Бернд) был на 10 лет старше Анки. Он работал архитектором и дизайнером в студии BarrandovFilm, известной как «восточный Голливуд». Помимо основной работы, у него была своя команда по оформлению магазинов. Он работал и на нацистов, которые не знали о его происхождении и заказывали оформление своих баров, ночных заведений и кофеен.

Бернд считал себя в первую очередь немцем, а уж потом евреем. Он не был религиозным и ограничения его лишь смешили. «Он выглядел как они, говорил как они, потому что родился в Берлине. Нацисты часто приглашали его на свои вечера. Даже во время правления Гитлера жилось ему неплохо», – вспоминает Анка.

Отец Бернда, Луис, получил награду первой степени – Железный крест – за мужество, проявленное в Первой мировой войне. Луис ослеп от иприта во время боевых действий, и это придавало его образу героизма. Несмотря на ограничения, Луис был бабником и развелся с матерью Бернда, Сельмой. Именно эта хрупкая элегантная женщина обеспечивала сына 2 000 крон в месяц.

Свои мужские качества и красоту Бернд унаследовал от отца. Сын, как и отец, был дамским угодником и легко покорял сердца. Когда Анка впервые увидела его в бассейне студии BarrandovFilm, все внутри нее перевернулось. «Это был самый красивый человек из всех, что я видела». Несколько недель спустя их формально представили друг другу в одном из заведений, которые он оформлял. «То была любовь с первого взгляда». Перед ней явился очаровательный молодой архитектор, темноволосый и голубоглазый, с опьяняющей улыбкой. «Мы сцепились языками. На той встрече мы вели себя как два идиота».

После года «ураганного романа» они поженились – 15 мая 1940 года. К тому моменту уже несколько месяцев бушевала война. Анке только исполнилось 23, Бернд все еще числился немецким беженцем. Благодаря Мюнхенскому соглашению Гитлер уже взял верх над Чехословакией, но молодожены все еще не понимали, в какой они опасности.

Простенькая свадьба прошла в здании Oberlandrat (земельный совет) в Праге, рядом с кофейней «Slavia», выполненной в стиле ар-деко. Присутствовали лишь два свидетеля. Евреям не разрешалось носить драгоценности, поэтому обручальное кольцо было серебряным, с небольшим квадратным аметистом, а свадебным было тоненькое золотое. Ее наряд состоял из белой рубашки и черного костюма, шляпы и гребня в волосах. В руках она держала несколько цветков ландыша. Ее переполняла радость. В таком виде она и запечатлена на свадебных

фотографиях.

Девушка решила позвонить родителям лишь на следующий день после свадьбы. Они были недовольны такой инициативой, в основном потому, что Бернд был немцем, а это могло прибавить неприятностей. Даже когда они познакомились лично, мать Анки заявила, что видит его насквозь, и он – распутник. Спустя месяц сдался Париж. И начались депортации – то, чего все боялись.

В день их свадьбы Голландия капитулировала. Десять дней спустя союзные войска были вынуждены эвакуировать свои отряды из французского Дюнкерка. 28 мая сдалась Бельгия. 10 июня к этому списку присоединилась Норвегия, а Италия объявила войну Франции и Великобритании.

Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман обосновался в реквизированном еврейском доме в Праге, чтобы заправлять делами еврейского переселения. Он огласил условия депортации евреев в концлагерь Дахау, а если его ослушаются, то нацистские войска будут зачищать по 3 000 евреев в день.

Знакомый всем мир в одночасье стал зловещим и враждебным.

Безумно влюбленные молодожены переехали в квартиру Бернда в мансарде над старой синагогой. В квартире был купол, а одна из стен представляла собой сплошное окно – как в мастерских художников, поэтому сложно было скрыть свет по ночам. При свечах они оставались дома после комендантского часа и слушали на фонографе свои любимые композиции или вслушивались в молитвенные песнопения, доносящиеся с нижних этажей.

Ютиться под крышей было невероятно романтично. Благодаря своему оформительскому таланту Бернд чудесно обустроил их жилище. Они были окружены мебелью, которую Бернд делал своими руками, вплоть до часов, игравших нежную мелодию. Панорамное окно он завесил шелковыми гардинами цвета светло-зеленого яблока.

Благодаря месячному содержанию молодожены могли позволить себе домработницу, которая пекла любимые пончики Бернда, а Анка не отказывала себе в нарядах и шляпках.

Из-за запрета покидать город без подходящих документов Анка не видела семью больше года. В июне 1941-го она получает печальные известия о том, что ее любимый брат Тонда скончался от аневризмы сосудов головного мозга. На тот момент ему было 33 года, и за две недели до смерти он перенес инсульт. Анка отправилась на похороны брата, горячо молясь, чтобы никто не спросил у нее документы. Мать была безутешна – две недели она просидела у кровати Тонды, оплакивая смерть второго сына.

«[Мой брат] был первым мертвым человеком, которого я увидела в своей жизни. На мать было еще тяжелее смотреть – именно у нее на руках он умирал эти две недели. Я бы никому такого не пожелала». После похорон в доме воцарилось молчание. Отец Анки, Станислав, был тише обычного. Старшие сестры, Здена и Ружена, тоже приехали на похороны. Прибыл и муж Здены, Герберт, а Ружена привезла сына Петра, но никакой радости от воссоединения семьи никто не испытывал.

Внезапно в дверь постучали немецкие солдаты, но, не дождавшись ответа, вышибли ее и вошли без приглашения. Сосед указал, что в этом доме живут евреи, и солдаты начали обыскивать имущество, ворошить вещи, выворачивать наизнанку комоды. У матери семейства, Иды, была пышная грудь, поэтому все деньги семьи она легко прятала в своем бюстгальтере. Опечаленная женщина дождалась конца обыска и предложила солдатам чай и пирог. Они были удивлены, но согласились и вели на удивление корректную и вежливую беседу.

Заигрывая с Анкой, солдаты поинтересовались, где она так хорошо выучила немецкий, и она призналась, что в Праге ее ждет муж – немец из Берлина. Они пошутили, что теперь должны ее забрать и доставить мужу на дом. Лица резко стали серьезными, и они напомнили ей, что ни в коем случае нельзя путешествовать без разрешения, после чего покинули дом. Снова ее не арестовали, снова ей повезло.

Между тем в Праге люди все больше настораживались. Гитлер объявил, что все евреи должны быть вывезены за пределы протектората. Столкнувшись с опасностью депортации,

люди перестали доверять окружающим и держались лишь своей общины. Они прятали драгоценности и пытались бежать из страны, но многих останавливали слухи о худшей жизни в странах, где евреи не знали языка, не имели сбережений и не были никому нужны.

И снова у Анки был шанс сбежать. От друзей Анка и Бернд услышали, что можно попасть через Сибирь в Шанхай, где японцы уже приютили более 20 000 евреев со всей Европы. Пара долго сомневалась, но не решилась поехать. В июне 1941 года немцы ворвались в Россию, момент был упущен, но обстоятельства их немного успокоили.

Люди, которые предлагали им помощь, были далеко не единственными, кто заботился о судьбах евреев. Международная группа сторонников многонациональности в то время активно помогала целым семьям, в особенности маленьким детям, уехать в безопасные страны вроде Англии и Америки. За это они получили название Kindertransports (организованная перевозка детей). Организация спасла около 10 000 детей (не только еврейских) со всей Европы в период с 1938 по 1940 год, прежде чем перевозки остановили. Тех, кто остался, ожидало мрачное будущее.

Синагогу, над которой так уютно жили Анка и Бернд, закрыли, поэтому пара была вынуждена переехать в другую квартиру в старом доме Индрижского района. Анка пыталась сделать две неотопливаемые комнаты настолько уютными, насколько это возможно. Ограничения, наложенные нацистами, запрещали все подряд, но даже с ними можно жить. Анка описывала эти запреты, как «мелкие неприятности». Петля все сильнее затягивалась, но семья терпимо относилась к переменам. «Люди принимали все лишения и повторяли “могло бы быть хуже”. У нас отобрали радио, но можно было читать газеты. Всегда находишь что-то еще. Неизвестно, как далеко можно зайти – ты спускаешься все ниже и ниже».

Когда всех чешских евреев старше шести лет обязали носить желтые звезды Давида, люди стали задумываться, какова будет реакция арийцев. К тому времени уже было множество прецедентов, когда евреев на улицах били, арестовывали, а теперь у них не осталось ни единого шанса скрыться.

Анка получила свою звезду и намеренно выбрала свой лучший наряд – клетчатую зеленую юбку и оранжевый замшевый пиджак; звезда на них выглядела как аксессуар. Она рассказывала, что из всех нацистских приемов о звезде Давида она переживала меньше всего. «Я гордо носила свою звезду и думала: “Если они хотят меня отметить, то так тому и быть”». Меня это совершенно не беспокоило. Я надевала лучшие наряды, делала сложные прически и вышагивала с гордо поднятой головой. Такова была моя позиция». Встречавшие ее на улице игнорировали звезду. Никто не ругался и не бросался на уверенную в себе молодую женщину, которая не захотела прогнуться под обстоятельства.

Однажды она встретила свою подругу, которая, согнувшись пополам, пробиралась по тротуару, закрывая свою звезду. Анка возмутилась: «Зачем их так радовать? Выпрямись! Гордись тем, что ты – еврейка. Ну, должны мы носить звезду, что с того? Не дай им себя сломить».

К Бернду приезжал из Германии друг, Отто, и им захотелось взглянуть на Прагу после комендантского часа. Они с Анкой сняли свои звезды. «Если нас остановят – молчи, мы сами разберемся», – предупредил жену Бернд, потому что они с Отто говорили на Hochdeutsch (академический немецкий язык). Молодых людей не остановили, но они были достаточно напуганы, чтобы не повторять таких вылазок.

В это время всех евреев переселяли из города на окраины. Им запрещали работать в сфере искусства, в театрах и киноиндустрии, а Бернд больше не мог рисковать, изготавливая мебель для немцев. Они застряли в Праге без работы, и жили лишь на содержание Анки и те деньги, которые она получала от тети за работу шляпницы.

В сентябре 1941 года обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих, глава гестапо, был назначен рейхспротектором Богемии и Моравии. Под его руководством атмосфера изменилась в одну ночь. Меньше чем за месяц его руководства более 5 000 людей были арестованы и направлены в лодзинское гетто. Среди них была теть Анки и вся ее семья, и никто из них впоследствии не вернулся. «В тот момент мы начали готовиться к самому страшному – тому,

что никто не мог и вообразить. Нам казалось, что люди просто паникуют. А евреев отправляли на конвейер смерти».

После нескольких недель затишья Бернд получил повестку из JuDdische Gemeinde – еврейского комитета в Праге. В повестке ему присуждался порядковый номер и требовалось прийти через два дня во дворец Велетржни (бывший замок торговых ярмарок), переименованный нацистами в Messepalast. Он находился в районе Голешовице, недалеко от железнодорожного вокзала.

Это произошло в ноябре 1941 года.

Его время пришло.

Бернд был одним из тысячи мужчин, которых насильно забирали у их жен и семейного счастья. И сопротивление было бесполезно.

Организаторы Umsiedlung (переселения) убеждали, что эти люди станут первопроходцами, их отправят на север для строительства «образцового гетто» в Терезине, находящемся в нескольких часах поездом. Терезин построен императором Иосифом II и назван в честь матери Иосифа, императрицы Марии Терезии. Город защищен двумя крепостями, высокой стеной, крепостным валом и рвом. Терезин был «пророчески» выстроен в форме звезды Давида. Крепость занимала чуть больше одного квадратного километра и стала отличным местом для заключения. Немцы к тому моменту уже организовали штаб гестапо в Kleine Festung (Малой башне), а город переименовали в Theresienstadt.

Потерять Бернда было страшно, но Терезин был на территории Чехословакии и не «на востоке», которого все боялись, хоть и не могли объяснить почему. «Город был в 50 километрах от Праги, совсем близко к дому. И лучше так, чем быть высланным из страны. Я не хотела, чтобы Бернд уезжал, но и сама бы не поехала. А [немцы] могли делать с нами все, что вздумается».

Гейдрих выступил с идеей организовать еврейское гетто на территории Богемии и Моравии, чтобы опровергнуть слухи о плохом обращении с евреями. В сентябре более 33 000 евреев были выстроены рядами и расстреляны нацистами в Киеве. Тогда же впервые были опробованы газовые камеры. Эта информация хранилась в строжайшем секрете, но слухи распространялись.

Вскоре Гейдрих объявил, что Терезин будет открыт для Prominenten – богатых немецких и австрийских евреев старше 65 лет, включая людей с ограниченными возможностями, ветеранов войн и прочих людей достаточно высокого статуса, для привлечения внимания общественности. Гетто нарекли «подарком фюрера» евреям на время подготовки их жизни в Палестине. Оно было расположено в живописной местности, с видом на лазурные горы Богемии. По задумке гестапо, гетто будет автономным, с редкими поверхностными проверками СС – до тех пор, пока нацистам это необходимо.

Но сначала гетто нужно достроить к приезду важных гостей. Нацисты запросили 3 000 трудоспособных мужчин и женщин в возрасте 18–35 лет для завершения строительства. Им надлежало реформировать брошенный гарнизон на 7 000 человек таким образом, чтобы он вместил 100 000 евреев. Нацисты взамен обещали, что ответственных первопроходцев не будут депортировать.

Бернд был умелым плотником, а значит идеальным кандидатом для такой работы. Они с женой понимали, что этой службы избежать не удастся. Тем же образом подчинялись и остальные. Когда Бернду разрешили взять с собой до 50 килограмм багажа, включая кастрюли, сковородки и горшки, он понадеялся, что будет работать на открытых площадках и сможет себе готовить. Глотая слезы, Анка помогала паковать чемоданы. Что ему пригодится – книги, инструменты или еда и лекарства? Нужен ли спальник и можно ли взять пару любимых пластинок?

Наутро Анка с горечью прощалась со своим возлюбленным мужем, в глубине души надеясь снова его увидеть. Бернд Натан покинул Прагу на втором из трех поездов с железнодорожной станции Прага-Бубны 28 ноября 1941 года. Вскоре извещение пришло и Анке. «Я была рада извещению, потому что ехала к Бернду. Мне и в голову не приходило, что

я могу его не увидеть».

Морозным декабрьским утром, прихватив с собой любимую шляпку и маленький чемоданчик, она передала ключи своей домработнице с просьбой сохранить самое ценное. В число ценностей входили семейные фото, мебель, занавески и часы Бернда. Анка присоединилась к хаотичной веренице евреев, стекающихся к вокзалу. Вместо необходимых консервов или фасованного супа Анка взяла шляпную коробку, перевязанную тонкой тесьмой. В ней было тридцать любимых пончиков Бернда, приготовленных заботливой кухаркой.

Сбор евреев происходил во дворце Велетржни, обветшалом шестиэтажном здании бывшего рынка. Этажи были переполнены людьми – мужчинами и женщинами, от мала до велика. Люди теснились, толкались, отвоевывая себе место. Уборные были невыносимо грязными, еду и воду подавали в ограниченных количествах в грязных жестянках. Чешские инспекторы разделяли людей на группы и раздавали транспортные номера, которые необходимо было приколоть к одежде и багажу.

Все были искренне удивлены видеть Анку – среди этого хаоса и грязи она сидела в своем зеленом костюме и шляпке. Окружающие давно перестали следить за собой в этой суматохе, и лишь она продолжала причесывать волосы и поправлять макияж. Все еще сильнее удивились, когда она встала на колени на этом грязном полу и начала подкручивать ресницы. «Я хотела выглядеть самой красивой для мужчины, которого люблю».

После трех дней без сна, свернувшись клубком на полу, даже Анка перестала пытаться вернуть себе приличный вид. Прибывало все больше людей, а места не осталось. Коробка с пончиками давно отсырела и потяжелела, но Анка все еще сопротивлялась соблазну съесть любимое угощение мужа. В конечном итоге они выстроились рядами и направились к железнодорожной станции. На тротуарах толпились оставшиеся евреи и немцы, и каждый в глубине души задавался вопросом, будет ли он следующим. Не в силах выдержать этот парад унижения, многие отворачивались, на их щеках блестели слезы смятения и стыда.

Строй с двух сторон поддерживали офицеры гитлерюгенда. С Анкой шла подруга Мицка, она упрашивала одного из офицеров помочь донести коробку, которая то и дело выскользывала из рук Анки. Молодой человек с совсем еще детским лицом прошипел в ответ: «Es ist scheiss egal ob die Schachtel mitkommt» («Плевать мне на эту коробку»). От его слов по спине Анки пробежал холод.

Терезинский поезд довез свою тысячу пассажиров до Богушовице-над-Огржи, откуда нужно было еще два километра идти по холоду и снегу, под присмотром чешских и эсэсовских офицеров. Самый тяжелый багаж сложили на специальные телеги, но такие мелочи, как шляпные коробки, нужно было нести самостоятельно и на бегу.

Впереди смутно вырисовывались красные кирпичные стены и валы Терезина. «Город был идеально расположен для нужд немцев». За высоким деревянным забором и зловещими кольцами колючей проволоки был виден город, сильно разрушенный, но сохранивший свое очарование, где от большой торговой площади расходилась сеть широких бульваров. Еврейская территория была небрежно укрыта чем-то вроде циркового шатра, под которым рабочие подливали антифриз в моторы. Посреди улиц стояли четырехэтажные бараки, где предполагалось размещать людей. Бараки окружали дома поменьше, хлева и гаражи.

Прибывших запустили на площадь для пересчета и каталогизации чешской и немецкой полицией. Людям позволили сохранить при себе вещи, а еврейская администрация гетто распределила всех по баракам.

Мужчин отделили от женщин и всех расформировали на группы, названные в честь немецких городов – Гамбург, Дрезден, Магдебург, а дети помещены в специальный дом, отдельно от остальных. Их заселили в неотапливаемые пыльные халупы с тараканами, где все спали на трехъярусных кроватях по 20 человек в комнате на соломенных матрасах. Никаких шкафов или комодов не было, и вещи складывали под свои спальные места или вешали на гвозди в стене. Мокрую одежду развешивали на бечевках, натянутых между кроватями, но она никогда не высыхала до конца. Как и в остальном оккупированном мире, все подвергалось запретам.

Как же счастлива была Анка, воссоединившись той ночью с любимым Берндом – некоторым мужчинам выдавали специальные пропуска, чтобы те могли повидать жен. Воспрянув духом, Анка вручила мужу пончики, безвкусные и отсыревшие. Бернд съел их с большим удовольствием.

Никому не разрешалось покидать бараки без особых удостоверений или полицейского эскорта, но молодая пара делала это как в Праге, так и сейчас, в Терезине. Наказание состояло в заключении в тюрьму и порке, но им все же удавалось видеться. Они выясняли, где будут работать, и делали короткие рискованные вылазки друг к другу ради мгновений тайного счастья друг с другом.

Еврейские старосты (Ältestenrat), распределенные по улицам в алфавитном порядке, оформили всех прибывших и направили на работы людей старше 14 лет. Сотни людей работали 70-часовую норму на строительстве, кухне, в прачечной или секретариате. Кто-то шил одежду для немецких военных и гражданских. Некоторым доставалась незавидная работа по чистке отхожих мест и в бригадах дезинфекции. В течение года группа каменщиков была отправлена на строительство крематория для сотен людей, которым предстояло умереть, хотя сожжение нарушало законы иудейской веры. Иудеям дозволено только захоронение, поскольку огонь оскверняет тело.

Бернда определили в бригаду плотников, которая занималась изготовлением коек, перестройкой барачных домов. Помимо этого, его назначили Ghettowache – дежурным по гетто, что было завидной должностью из-за положенных привилегий.

Анку не отправили на работы в самом начале, а потом она была слишком слаба для физического труда. Появилась сыпь, потом начался жар, и ее отправили на шестинедельный карантин. Когда болезнь отступила, ее назначили в отдел выдачи молока, хлеба и картофеля по талонам. Эта должность позволяла достать лишний кусок хлеба или овощи, чтобы добавить хоть какого-то вкуса серому вареву, которое им давали каждый день, называя «супом».

Однажды, раздавая молоко, она встретила Кареля Анчерля, его жену и сына. Позже Анчерль помог ей организовать в гетто музыкальные вечера и сам стал руководителем терезинского струнного оркестра. «Я выдавала им чуть больше молока, чем следовало – для ребенка. Мы друг другу нравились... Если бы меня поймали, я бы дорого заплатила за это».

Транспортировки продолжались – в гетто прибывало по тысяче человек раз в три дня. Гарнизоны вскоре заполнили 60 000 старых, молодых, больных и здоровых, но одинаково голодных людей. Кухня и канализационная система не справлялись с таким наплывом людей. Питьевая вода в гетто загрязнилась, теперь приходилось кипятить ее в котлах. Жителям разрешалось стирать одежду раз в шесть недель. В потолках пробивали дыры, чтобы организовать чердаки. Промозглые катакомбы под крепостным валом и даже хлева использовались для расселения.

Последние прибывшие были в плачевном состоянии и в течение нескольких следующих дней умерли. Они были совершенно неподготовлены к путешествию в старых дребезжащих вагонах и не представляли, какие условия ждут их по прибытии. Город накрыла беспросветная серость, и всюду проникал удушливый запах разложения человеческих отходов.

Поезда, прибывшие в сентябре – декабре 1942 года, отрыгнули помятые фигуры родителей Анки, ее сестру Здену с мужем и племянника Петра. Их депортировали из Градец-Кралове, где находилась школа Анки. Ружену, маму Петра, отправили в чешский лагерь смерти в Святоборице в качестве жены сбежавшего «предателя». После того, как ее оторвали от сына, Ружена становилась все более подавленной, и когда ее привезли в Терезин, она уже потеряла интерес к жизни.

Вскоре доставили родителей Бернда, Луиса и Сельму. Сначала прибыл 63-летний Луис, потом из голландского лагеря Вестерборк привезли Сельму. Ее сопровождал второй муж, который был младше Бернда. Они никогда прежде не встречали свою невестку, и первым, что сказала Сельма – воспользовавшись отсутствием Луиса – было «Ты же понимаешь, что Бернд на тебе женился только из-за денег?» Такое начало не предвещало ничего хорошего.

Приехали и дальние родственники, включая двоюродного брата и его родителей

(двоюродная сестра Ольга пока была в безопасности, потому что вышла замуж за арийца), и Анка осознала, что теперь ей ежедневно нужно кормить 15 ртов. Сельма считала, что Анка должна полностью посвятить себя заботе о ней, ее первом и втором мужьях, если уж она любит Бернда. Помимо прочих, там находилась пожилая тетя Анки, которая полностью от нее зависела и так боялась голодной смерти, что каждый день ждала от Анки хотя бы хлебные крошки.

«Было весело», – шутит Анка, хотя единственное, что удавалось достать, было «несъедобное серое месиво», напоминающее клей для обоев. «За то время, пока я разгуливала с котлом в поисках еды, прошла целая жизнь... я делала это для дяди с тетей, для родителей Бернда. Я чувствовала, что должна им помочь всеми правдами и неправдами. Если бы они питались только выданным пайком, то умерли бы с голоду». Именно это происходило с многими. Сестры Анки были молоды и могли сами себя прокормить, а вот с родителями было сложнее, особенно с 73-летним отцом – «настоящим джентльменом», – который так никогда и не привык спать на холодном полу среди других мужчин. Он полностью зависел от своей жены, а она не могла оставить его, чтобы найти работу и приносить больше еды в дом. «Мама даже в лагере оставалась жизнерадостной. Отец бы без нее умер через неделю. Всю жизнь он держался рядом, а теперь вообще не выпускал из виду».

Помимо раздачи молока, овощей и некоторых круп, в гетто была и кухня. Поэтому и стар и млад стояли три раза в день – в 7 утра, в полдень и в 7 вечера – в очереди, гремя алюминиевой посудой, ожидая своей краюшки хлеба и чашки водянистого кофе или супа. Тем, кто занимался тяжелым физическим трудом (Schwerarbeiter), было положено больше, а обычные производственные рабочие получали среднюю порцию. Безработные (Nichtarbeiter) – в основном старики – должны были медленно умирать с голоду.

«А можно мне понаваристей, пожалуйста?» – просили самые голодные. Всем больным выдавались талоны, по которым им была положена порция чуть больше обычного, поэтому многие затягивали с выздоровлением. Но, независимо от положения в обществе, все были одинаково голодны. Голод стал их постоянной пыткой, а поиск еды – ежедневной борьбой. Большинство впадало в апатию и депрессию. Судьба переселила горделивых людей из роскошных домов в бараки к кишасим паразитами незнакомцам. Этих людей объединяло лишь наличие еврейской крови. У них не было иного выбора, кроме как дышать спертым воздухом, наполненным запахами страха, голода и немытых человеческих тел.

Каждый день работы только прибавлялось, каждый день выдавался основной паек и немного овощей, часто гнилых. Прежде это дополнялось колбасой и консервами от доброжелателей. Друзья и родственники присылали деньги, но их прикарманивали немцы, предлагали поменять на «деньги гетто» или на продовольственные купоны.

Мужчины исполняли тяжелую работу, а женщины заботились о благоустройстве пространства и окружающих. И те и другие работали в сельскохозяйственных бригадах (Landwirtschaft) и отвечали за выращивание овощей и разведение кур для немцев. Был организован небольшой госпиталь для лечения многочисленных больных с пневмонией, скарлатиной, сепсисом, тифом и чесоткой. Со временем организовали импровизированные школы для детей.

Несмотря на постоянный голод и такой мороз, что приходилось обламывать сосульки изнутри дома, первые жители терезинского гетто стойко держались и даже были втайне благодарны, ведь могло быть еще хуже. Однако вскоре им пришлось узнать жестокую правду о том, в чьи руки они попали. «Мы были бодры духом, пока не начались казни», – вспоминает Анка.

Нацистский Lagerkommandant (комендант лагеря) созвал еврейских старейшин и некоторых доверенных лиц на площади с виселицей. На глазах у евреев немцы повесили девятерых молодых людей «за оскорбление немецкой чести», обвинив их в отправке «секретной информации» своим семьям. Последовали и другие казни, в том числе повешение семи человек за мелкие проступки, например, ношение сигарет.

Новости встряхнули Анку: «Таких казней было штук шесть, это быстро нас вернуло с

небес на землю и напомнило, что за выживание придется бороться. С тех пор мы стали намного осторожнее, потому что совершенно неясно, что нас ждет».

Поток людей из Германии и Австрии не прекращался, ограничения, наложенные нацистами, становились все строже. Новая волна запретов не допускала нахождение в дневное время суток в определенных областях гетто и занятия некоторыми повседневными делами. Стены укрепили, повсюду расставили заграждения и караулы. Евреям запретили ходить по главным улицам. Нарушителей били или сразу отстреливали. Некоторых забирали в Малую крепость, и почти никто из них не вернулся.

Ради экономии в бараках часто отключали электричество, после чего жителям гетто оставалось на ощупь добраться до кровати и раздеться или читать при свечах, которых тоже было мало. Лежа на грязном матрасе, расчесывая укусы насекомых и вдыхая нестерпимую вонь, Анка вспоминала их с Берндом вечера при свечах в Праге. Помимо голода, людей в гетто донимали блохи и клопы. Зимой каждый день проживали ради того, чтобы найти древесину для растопки печи. Небольшие порции угля выдавались, только когда температура падала ниже нуля. Анка с сожалением вспоминает, что «люди начали умирать от недоедания, плохих условий жизни и отсутствия возможности поддерживать гигиену. Для пожилых – это смертельно».

Во время голодовки у людей начали срабатывать первобытные инстинкты. Выживание напрямую зависело от того, насколько хорошо ты воровал. «Воровали все, кто мог. Если говорили обратное – никто не верил». Работающие на кухне воровали картофель, а иногда и очистки, которые продавали или обменивали. Анка научилась варить суп из крапивы и постоянно искала возможность прихватить что-то с кухни, чтобы потом обменять гнилую картофелину на отсыревшую луковицу.

Однажды Анке улыбнулась удача, когда она получила посылку с португальскими сардинами, адресованную некой Нанни Натан, но та уже была мертва. Анка сообщила об ошибке на почте, но ей сказали оставить посылку себе. «Я с удовольствием приняла посылку, но вскоре нас от этих консервов воротило. Муж спрашивал: “Что, опять сардины?!” И когда мы успели стать такими неблагодарными?»

Сколько бы ни умирало людей, места для принятия новых не было. Ожидался большой наплыв австрийских и немецких евреев, поэтому в январе 1942 года начались транспортировки на восток. В каждую из перевозок забирали от одной до пяти тысяч человек. Как в Лодзи и всех остальных гетто, люди не находили себе места и пытались подкупить должностных лиц, чтобы их родных вычеркнули из списка, но обычно это не приносило результатов. Первые партии увозили в рижское и польские гетто, но никто не знал наперед, куда их отправят. «Ужасающая картина – старых немощных людей на носилках перетаскивали в вагоны и везли неизвестно куда. Тысячи людей прибыли ради того лишь, чтобы быть отправленными через несколько дней дальше на восток. Тысячи прибывали, тысячи умирали и тысячи увозили. Прошел 1942. И таким же был 1943».

Транспортировки стали методом террора – их тень нависала над каждым. Никто не знал, чего ждать от завтрашнего дня, и страх подкосил их и без того подточенные силы. Из 140 000 евреев терезинского гетто 33 000 умерли, а 88 000 были отправлены в лагеря смерти. Евреев Чехословакии систематически уничтожали. 15 000 из них были детьми, включая 1 260 человек, которых должны были отправить в Швейцарию с эскортом, но сопровождавших забрали в Аушвиц.

«Пионеры» строительства, вроде Анки и Бернда, все еще надеялись, что смогут избежать такой судьбы, но никаких гарантий у них не было. «Никто не знал, когда придет его день и час. Сегодня? На следующей неделе? В следующем месяце? Все понимали, что “на востоке” происходит нечто ужасное, и любыми способами избегали транспортировок».

Условия все ухудшались, гестапо продавали воображаемые земельные участки и «права на въезд» в Терезин богатым немецким евреям, называя гетто «загородным пансионом с бесплатным размещением и медицинским уходом», где можно найти Reichsalterheim – государственный дом престарелых и даже минеральные источники. Многие доплачивали за

комнату с хорошим видом или апартаменты в пентхаусе, до последнего так и не узнав, как жестоко их обманули. Те, кто приехал спокойно и хорошо пересидеть войну, были шокированы условиями. Представляя, что они будут жить в светском обществе, все накупили шляпок, диадем, украшений и расшитых блестками платьев, которые очень быстро пачкались и рвались. Вместо этого они обнаружили диккенсовские сцены безнадежности, отмеченной страхом перед местом, куда ведет железная дорога.

«Тогда я впервые увидела пожилых людей, чье место было в больнице... они неизвестно сколько ехали в этих поездах, а нам отдали их на попечение. Как же это бесчеловечно. Для них уже не было места. Стариков расселяли в одинаковые комнаты с многоуровневыми кроватями, на которые нужно было забираться, но они не могли», – вспоминает Анка.

Летом нападали рои мух, а время было жаркое, ни глотка свежего воздуха. Сотни людей скончались от эпидемии энцефалита, дифтерии и дизентерии. Потеряв всякий контроль над своим организмом, они умирали, лежа в собственных экскрементах. Поезда увозили мертвых, из вагонов торчали сотни тощих ног. В гетто были оборудованы специальные станции для дезинфекции одежды и предметов быта.

Несмотря на все ухудшающиеся условия жизни, а может, благодаря им, оставшиеся жители гетто развернули обширную художественную кампанию. Терезин был наполнен лучшими художниками, мыслителями, композиторами и исполнителями со всей Европы, которые изобретательно сражались с подступающим отчаянием. Проводились театральные постановки для взрослых и детей, всех призывали использовать искусство для самовыражения. Материалы выпрашивали, заимствовали и крали, молодые и старые делили щепки угля и обломки карандашей, рисуя ими на авантюлах и форзацах книг.

Казалось, заключение высекло искру изобретательности. Кто-то делал коллажи из обрезков картона и тканей. Молодой человек по имени Павел Фридман написал стихотворение на кусочке копировальной бумаги «Я не видел больше бабочек... бабочки здесь, в гетто, не живут». В возрасте 23 лет его отправили на смерть в Аушвиц. Художников, которые рисовали кошмарные условия жизни в гетто, забирала в Малую крепость, там их пытали и ломали пальцы. Многих убивали и отсылали в лагерь смерти.

Несмотря на репрессии, культурная революция продолжалась. Втайне проводились небольшие выставки, музыкальные концерты и представления. Импровизированный театр выступал сначала в подвалах и бараках, но вскоре стал так знаменит, что выступления проводились на больших складах и в залах для упражнений. Еврейская администрация давала разрешение на проведение постановок, начали продаваться билеты. Вскоре они так высоко ценились, что их можно было обменять на еду на черном рынке.

Немцы не вторглись в подобную деятельность, они даже разрешили использование музыкальных инструментов. После этого люди осмелели и ставили уже серьезные произведения. Архитекторы и дизайнеры присоединились к работе над декорациями, были наняты портные для изготовления сценических костюмов. Драматурги писали в основном сатирические пьесы и кабаре. Тогда же была написана пьеса «Последний велосипедист» Кареля Швенка, изображающая мир, в котором велосипедистов преследовали люди, сбежавшие из сумасшедшего дома. К сожалению, в Терезине она так и не была поставлена: ее запретил Совет старейшин на генеральной репетиции, испугавшись репрессий. Однако после войны, которую Швенк не пережил, ее по памяти восстановили выжившие, и теперь пьесу ставят в театрах всего мира.

Менее провокационные постановки с удовольствием разрешали, включая оперу «Аида», в которой были задействованы самые известные исполнители Европы. Более 50 раз была представлена публике детская опера «Brundibar» (*чешск.* «шмель») Ганса Краса. Над этим спектаклем работал выдающийся режиссер Франтишек Зеленка. Он помог организовать постановку более 20 пьес в Терезине, в том числе Шекспира и Мольера, но был обречен на гибель в Аушвице.

Анка присутствовала на незабываемой постановке «Проданной невесты», которую впервые увидела еще в свои беззаботные студенческие годы. Девушке показалось, что

актриса, которая играла главную героиню, старовата для этой роли, но оптимизм и жизнерадостность постановки были неподражаемы. «Когда она была только написана, никто и представить себе не мог, что ее исполнят в Терезине. Но некоторые песни и формулировки подходили к этому месту как нельзя точно... В одном из диалогов невеста спрашивает его: «И что же будет в конце?», – а ей отвечают: «А все будет хорошо!»... Настолько символично. Незабываемый момент».

На время представления люди в зале переставали быть заключенными, заикленными на поиске еды и страхе за свою жизнь. Они без стеснения плакали и смеялись, надеялись и грустили, а музыка, танцы и песни уносили их в мир счастливых фантазий. «Все это немного разряжало атмосферу. Искусство приносило облегчение».

Одним из самых невероятных зрелищ Терезина был любительский хор под руководством румынского дирижера и музыканта Рафаэля Шехтера. Хор исполнил самое сложное произведение Джузеппе Верди – «Реквием» – не менее 16 раз. Эту невероятную католическую погребальную литургию учили нота за нотой, слово за словом на латыни – и все это в холодном, промозглом подвале. Аккомпанировали на единственном рояле (без ножек), состав хора постоянно менялся из-за транспортировок на восток, но Шехтер говорил своим коллегам: «Мы споем нацистам то, чего не можем сказать».

Одна из строчек в части *Libera me* («Освободи меня») гласит: «Освободи меня, Господь, от бесконечной смерти... когда ты придешь судить мир огнем». В другой строке утверждается, что «никто не уйдет безнаказанным» в день Страшного суда. Слова эти стали вызывающим предзнаменованием небесной кары каждому грешнику. Анка была на выступлении, когда в зале присутствовали и нацистские чины. Позже она говорила, что это было самым душераздирающим выступлением в ее жизни. Когда все закончилось, еврейская публика сидела, затаив дыхание, в ожидании реакции эсэсовцев. Офицеры начали хлопать, и все остальные со слезами на глазах подхватили аплодисменты.

В ходе своего художественного сопротивления под пристальным взглядом *Freizeitgestaltung* (Управление по делам досуга) народ Терезина начал проводить лекции и занятия, кружки кройки и шитья и программы облагораживания города. Если люди не принимали участия в художественной и образовательной деятельности, то занимались фактическим улучшением пространства жизни.

Даже под нависшей над всеми угрозой евреи выбрали жизнь. В качестве личного акта протеста они пели, танцевали, влюблялись, женились и, отчаянно желая прикоснуться друг к другу, искали любую возможность быть рядом со своими возлюбленными.

Бернд работал в мастерской и на складе лесоматериалов в блоке *Bauhof*, который находился за пределами крепостного вала и колючей проволоки. Одной из его задач было изготовление мебели для немецких офицеров – собственно, то же, что он делал в Праге. После работы он пробирался в барак, где жила его жена. Там было негде уединиться, но никто и не стеснялся. Они были не единственной парой, которой хотелось побыть вместе, поэтому некоторые привилегированные заключенные снимали отдельные комнатки. Остальным приходилось довольствоваться редкими моментами единения. Иногда мужчины среди ночи пробирались в женские бараки, и казалось, что все здание ходит ходуном. «В комнате было 12 женщин, иногда ночевали и 12 наших мужчин – никто не возмущался. То была одна из немногих оставшихся нам радостей», – вспоминает Анка. Это было очень рискованно, но стоило того. Все были молоды, влюблены, а пара часов подле друг друга дарили проблеск надежды на лучшее.

Со временем Анка и Бернд убедили себя в том, что раз других отправляют в лагеря, а они все еще в гетто, то нацисты сдержат свое обещание не трогать «пионеров» строительства и всю войну пара проведет в Терезине. Рельсы дотянулись до самого центра города, но Анка – как и многие другие – верила, что война скоро кончится.

Анке исполнилось 26, значит замужем она уже три года. Девушка не могла дожидаться, когда уже станет матерью, и боялась, что потом может быть поздно. Однако они с Берндом решили, что было бы неправильно рожать при таких обстоятельствах. Хоть это никогда не

объявлялось во всеуслышание, немцы четко разделили мужчин и женщин, а «преступная» беременность могла кончиться расстрелом. Несмотря на это, летом 1943 года Анка обнаружила, что беременна, и была втайне довольна. Ее мать, Ида, не могла скрыть своего удивления: «Когда? Но как?», а Анка лишь пожала плечами, и они весело рассмеялись. Девушка убедила себя, что этому ребенку суждено появиться на свет. Девять месяцев – длительный срок, неизвестно, что может случиться за это время. Посредством запрещенных радиоприемников и слухов, исходящих от чешской полиции, до Терезина доходили новости. Сицилию взяли, Муссолини свержен и сдался союзным войскам. В варшавском гетто произошло массовое восстание, а немецкий Рур бомбят. Хотелось верить, что конец войны уже не за горами.

Но этим дело не кончилось. Эпидемия тифа в гетто убивала по сотне людей каждый день. Те же вагоны, что привозили заплесневелый хлеб, увозили многочисленные трупы. Гробов было так мало, что тела просто заворачивали в тряпье и складывали в коридорах. Крематорий сжигал по тысяче людей в месяц.

Осенью пришла повестка, что сестры Анки, Ружена и Здена, племянник Петр и зять Герберт отправляются на восток в составе 5 000 транспортируемых. Отправятся и тетя с дядей – часто забирали сразу всю семью. «Когда отнимают близких, человек мир перевернет с ног на голову, лишь бы их спасти. Я испробовала все, но безрезультатно. Я пыталась подкупать людей, но и это не помогло. Да и затея очень рискованная. Все пытались спастись. Но если немцы сказали, что нужна тысяча, то тысяча и уедет. Либо тебе повезло, либо нет».

Сотни людей кончали с собой, чтобы не отправляться в это путешествие в неизвестность. В Терезине зарегистрировано 271 самоубийство и 211 попыток самоубийства, большинство из них – в период транспортировок. Когда у людей отбирали близких, они прыгали из окон, резали вены, вешались и глотали таблетки, украденные из медпункта.

Одно из последних воспоминаний о близких у Анки – это образ ее пожилой тети, «собранной и причесанной», сидящей на чемодане. «Она пожала мне руку и сказала: “Что ж, до встречи”, будто мы с ней в Гранд отеле Градца-Кралове... “не прощай”, а будто “увидимся на следующей неделе”. Она не знала, что ее ждут газовые камеры, но точно представляла нечто страшное».

Вымучивая улыбку, Анка махала им вслед, пока тысячи ног поднимали пыль по пути к вагонам. Девушка молилась, чтобы снова их увидеть, а родные бы без нее не умерли от голода.

Шли месяцы, живот Анки сильно округлился. Она предвкушала материнство, несмотря на то, что она сильно похудела, а в предоставляемой еде было недостаточно питательных веществ. «Мы не могли дождаться появления малыша. Помню, как на четвертом с половиной месяце ребенок начал двигаться. Я была на своем рабочем месте, когда это случилось. Я кинулась к своему начальнику и, вне себя от радости, выпалила: «Он зашевелился! Это же чудо!» Но вскоре радость превратилась в страх – хороших новостей с фронта не было, а транспортировки возобновились».

Комендант лагеря, Антон Бюргер, обнаружил нескольких беременных заключенных и приказал всем прийти и доложить о своем положении. Быть беременной еврейкой значило совершить преступление против рейха, поэтому был отдан приказ абортить все плоды моложе 7 месяцев. Тем, кто скрывал положение, было приказано сдать, иначе и они, и их община будут наказаны.

Анка и Бернд решили не говорить ничего до тех пор, пока это не станет совсем очевидно. Их привели в кабинет коменданта вместе с четырьмя другими парами. Разъяренный нацист размахивал пистолетом и приказывал подписать документ, в котором они соглашались в передаче ребенка сразу после рождения в руки офицеров для «эвтаназии». Несмотря на языковую эрудицию, это слово Анке было незнакомо; после той сцены она узнала от других, что имелось в виду убийство ее ребенка сразу после рождения. Анка почти потеряла сознание.

«Никогда не думала, что подпишу разрешение на убийство собственного чада. Это неслыханно... Как вообще можно такое подписать? А мы это сделали. Нам приказали: “Sie unterschreiben!” (“Подписывай!”), и мы повиновались. Ведь рядом стоял офицер СС и угрожал

револьвером. Любой сломается!»

В ноябре 1943 года, когда Анка была на шестом месяце беременности, руководство проводило перепись населения гетто, чтобы убедиться, что поставки продовольствия соответствуют количеству жителей. Гетто опустошили. Бернд находился в медпункте с лихорадкой, поэтому его и остальных больных оставили. Анку эвакуировали из гетто без него, но с родителями и 36 000 других евреев.

Перепуганных людей повели на луг в Богушевской котловине в сопровождении вооруженной охраны. С 7 до 11 утра их считали и пересчитывали. Угрожая расстрелять, солдаты запрещали людям сидеть или куда-либо отходить, поэтому заключенные справляли нужду стоя на своем месте. Самые слабые не перенесли этого холода и дождя со снегом, падали и никогда больше не поднимались. Когда их отправили бегом обратно к баракам, Анка с радостью обнаружила, что оставшиеся в медпункте живы.

Затем, в декабре, пришла повестка ее пожилым родителям, Станиславу и Иде. Ее некогда гордый отец, уважаемый предприниматель в Тржебеховице, построивший успешный завод и обеспечивающий всю семью средствами, был вынужден опуститься до жизни попрошайки и страдал от многочисленных заболеваний. Однажды офицер СС ударил его по лицу и сломал единственные очки, без которых Станислав ничего не видел. «Это причиняло мне больше всего боли. Он стал просто маленьким старым евреем, который хватался за мою мать. Неприятно было наблюдать за этим, он ни на шаг от нее не отходил», – вспоминает Анка.

Несмотря на угнетающий голод и ухудшающееся с каждым днем здоровье, родители ни разу не донимали Анку жалобами и сохраняли присутствие духа до самого конца. «Отъезд родителей меня сильно расстроил. Я попрощалась с ними без задней мысли о том, что это наша последняя встреча. Лишь короткое “До свидания, скоро увидимся”. Они знали, что я беременна, и отнеслись к этому спокойно. Многого нужно было обдумать, но мы верили, что как-нибудь все наладится».

Увезли маму Бернда и прочих родственников. Молодой человек верил, что его слепого отца спасет награда – Железный крест.

Ни родителей, ни сестер Анки не было рядом, когда на свет появился ее сын. Роды начались на несколько недель раньше срока, в феврале 1944 года, несколько недель спустя после бомбардировки Берлина союзными войсками. К тому времени в гетто открылся госпиталь, в котором нашлись стерильные инструменты и работали сотни квалифицированных врачей из числа заключенных. Анка могла выбирать себе гинекологов и педиатров, но муки родов были неизбежны. «Было больно. Настолько больно, что я бы, наверное, не согласилась снова рожать ни за какие деньги. Но сыночек был настоящим золотом!»

После родов Анка осталась в Доме ребенка, с остальными матерями и детьми. Она баюкала сына, ожидая, что в любой момент его могут забрать. «Он был полноценным ребенком с отличным аппетитом».

Сына назвали Джери (Джордж), чему очень обрадовался свекор, потому что так звали его брата. Но немцы запретили называть этих детей нееврейскими именами, поэтому они выбрали имя Дан – «не Даниэль, а именно Дан». Никто не приходил за ребенком, и счастливые родители так и не узнали, почему о них забыли. Они были просто за это благодарны.

Уже после войны были найдены дневники заключенного Гонды Редлиха, в которых содержался вероятный ответ на этот вопрос. Жена Редлиха, Герта, была знакома с Анкой и тоже беременна. Их с мужем так же принудили подписать документ об «инфантициде» в 1943 году. Редлих сделал пометку в дневнике: «Сегодня я собственноручно подписал документ об убийстве своего ребенка».

В марте 1944-го, когда родился его сын (также названный Даном), Редлих написал о своем малыше: «Еврею нельзя появляться на свет. Женщине нельзя рожать. Мы скрывали беременность твоей матери. Даже сами евреи просили нас убить тебя, плод нашего чрева, потому что враг обещал наказать всех за каждого ребенка, рожденного в гетто». Его сына спасло «чудо» – жена одного из немецких офицеров преждевременно родила мертвый плод.

«Почему они отменили приказ о запрете рождения, когда ты и другие малыши появились на свет? Они посочувствовали несчастной женщине и не стали отнимать у матерей их детей».

Анка не знала об этом и изо всех сил держалась за своего сына. У нее нашлись какие-то материалы для пеленок и достаточно молока для кормления. Она делилась своей радостью с другими матерями, хотя вскоре трое из новорожденных умерли, а одна из матерей скончалась от туберкулеза.

Однако месяц спустя, уже единожды избежав смертного приговора, Дан Натан начал слабеть. Анка говорила: «Он не выглядел, как остальные дети». За несколько недель у малыша развилась пневмония. Он умер в четверг, 10 апреля 1944 года. «Мой сын не был убит. Он просто оказался недостаточно силен, чтобы жить. Он умер у меня на руках. Я не верила, что он погибнет, поэтому была совершенно разбита, когда это произошло».

Гонда Редлих писал: «Умер ребенок, которому немцы позволили жить. Можно только догадываться о горе матери, которая чудесным образом вернула сына, чтоб потом так его потерять».

Бернд присутствовал на короткой церемонии кремации своего сына, после чего пепел ссыпали в маленькую картонную коробку. Ее поместили в колумбарий с тысячами других погибших, где прах хранился вплоть до ноября 1944-го, после чего все было выброшено в реку Огре.

Анка не захотела присутствовать на кремации и редко говорила о своем сыне. Позже она объяснила это тем, что «чувствовала себя чудовищно, но с тех пор произошло еще множество не менее ужасных вещей, и это затерялось... Со временем все забывается». Позже она спросила у своей кузины, почему совсем не скучает по Дану, и ответ оказался как нельзя кстати: «Мы не можем себе позволить оплакивать его, иначе все сойдем с ума. Сначала ты еще размышляла о том, что случилось и почему, но от этих мыслей пришлось отказаться».

Одна из любимых максим Анки о жизни прозвучала из уст Скарлетт О'Хара в «Унесенных ветром» – «Я подумаю об этом завтра». Анка повторяла эти слова, как мантру, снова и снова, на протяжении всего времени, проведенного в лагерях. Она отмечала, что «теория Скарлетт О'Хара» звучит «глуповато и неразумно», но точно знала, что это благоприятно отражается на ней. «Если отпустить происшествия, поспать и встать со свежей головой, то на другой день может стать лучше. Это работало... Такова психология человека, всегда мы верим, что так или иначе выживем. Самыми первыми умирали те, кто падал духом».

За предыдущие годы столь многое было сделано ради уничтожения их привычного уклада жизни и любой стабильности. Не было возможности ни убежать, ни как-то контролировать свою жизнь. «Мой протест был в том, чтобы выжить», – говорит Анка.

После смерти сына Анка страдала от тяжелого приступа желтухи и чуть не умерла. Ее поместили в карантин, где Бернд не мог ее навещать. Однажды он где-то нашел цветок и принес, чтобы показать Анке через окно. Девушка оценила романтический жест, но позже рассказывала, что была настолько голодна, что лучше бы он принес хлеба. В конце концов, она поправилась и воссоединилась с любимым мужем.

В последующие месяцы, пока союзные войска отвоевывали Европу, в Терезин начали привозить датских евреев. Представители Дании и сотрудники Красного Креста начали спрашивать нацистов, куда те дели 5 000 датчан, и разведывать слухи о массовом истреблении евреев. Среди всех европейских наций датчане единственные выразили категорический протест подобному отношению к евреям и смогли спрятать в безопасных местах сограждан. Те, кого спрятать не успели, были под присмотром Дании, и с ними нацисты вынуждены были обращаться иначе.

С целью устранения шумихи немцы согласились на посещение Терезина представителями Красного Креста и некоторыми должностными лицами Дании, но для этого они превратили город в «показательный» гитлеровский лагерь. Чтобы очистить гетто, более 5 000 евреев было направлено на восток в мае 1944 года, и в числе этих людей были сироты и больные. За ними отправились еще 7 500 человек. Всех изможденных и больных спрятали за пределами лагеря.

Комендант распланировал маршрут, по которому пройдут делегаты Красного Креста, и отдал приказ облагородить пространство по этому маршруту, а улицам дали приятные названия, вроде «Озерной». В ходе операции по украшению города был выложен свежий дерн, высажены розы и расставлены парковые скамейки. Здания покрасили, навесили бессмысленные таблички «Школа» и «Библиотека». На подоконниках расставили цветы, на игровых площадках установили карусели и небольшую сцену, быстро организовали общинный центр и спортивную площадку. Предназначенные для посещения бараки украсили, на улицах «открыли» магазинчики, в которых «продавались» вещи, изъятые у заключенных.

Под страхом смерти заключенные репетировали, что они должны делать, где быть и как себя вести. Им приказали одеться в свои лучшие вещи и вымыться. Поставки овощей и свежеспеченного хлеба были строго отрепетированы и расписаны по минутам. Красный Крест прибыл 23 июня 1944 года.

Министерство пропаганды Третьего рейха под предводительством Йозефа Геббельса записывало на киноплёнку этот шестичасовой визит, и позже эти кадры добавили к другим постановочным картинам, которые составили фильм «Фюрер дарит евреям город». Среди тщательно отобранных сцен, наложенных на мелодию Оффенбаха «Инфернальный галоп», ассоциируемую с парижским канканом, были счастливые, красивые молодые люди, работающие в кузницах, гончарных мастерских и художественных студиях. Они были изображены за шитьем, плотницкими работами, после чего, взявшись за руки, возвращались в гетто, где проводили свой досуг за чтением, вязанием, игрой в карты, посещали концерты и лекции. В фильм были врезаны сцены футбольного матча, пожилой пары, разговаривающей на парковой скамейке, и загорелых детей, с удовольствием поедающих хлеб с маслом (который они увидели впервые за несколько лет).

Ради шутки общественные душевые были показаны с тщательно намыливающими себя мужчинами. Показывали взрослых и детей, поливающих овощи в личном огороде коменданта. Анка и Бернд участвовали в постановке «венской кофейни», они должны были улыбаться в камеру и потягивать маслянистую воду, которую им подала улыбающаяся официантка в накрахмаленном переднике. Кадрами исторического значения стала сцена, в которой представители Красного Креста и офицеры СС наслаждаются хоровым исполнением «Реквиема» Верди.

Каждый заключенный гетто молился, чтобы посетители заглянули за кулисы этого фарса, задали каверзный вопрос или свернули с намеченного маршрута. Но этому не суждено было случиться. Посещение делегации стало нацистским триумфом. Доктор Морис Россель, глава интернациональной делегации Красного Креста, констатировал в официальном заявлении, что «никто из приехавших сюда более не будет депортирован». По сути, нацистам было оформлено алиби против всех массовых убийств, когда Россель и его коллеги сочли еврейские поселения «относительно хорошими» и даже «удобными», насмотревшись на пледы и коврики. Они заявили, что в гетто есть вся необходимая еда и одежда, почта и культурные учреждения «величайшей образовательной ценности». В заключение он сказал: «Мы были чрезвычайно рады обнаружить, что гетто живет жизнью обычного города. Мы готовились к худшему». По его словам, этот отчет должен стать «облегчением для многих».

Заключенные не слышали отчета Красного Креста и все еще надеялись, что внешний мир узнает об их страданиях и придет на помощь. Несмотря на все украшательство, делегаты должны были заметить, что это все еще место заключения величиной в квадратный километр, оторванное от мира.

После отъезда делегатов все выстроенное и красивое было демонтировано, отобрано и сломано. Терезин и его обитатели вернулись к жизни обездоленных, и даже дневной рацион был урезан на две недели в качестве расплаты за все удовольствия, полученные в предыдущие дни. Улыбающиеся дети, изображенные на деревянных лошадях или во время театральных выступлений, были в числе 5 000 новых депортированных в Аушвиц спустя несколько дней после записи фильма. С ними были руководитель хора Рафаэль Шехтер и режиссер пропагандистского еврейского кино, друг Анки, Карел Анчерль с семьей. Шехтер, чья музыка

несла надежду тысячам людей и была последней музыкой в жизни, пережил три лагеря и теперь был убит. Анчерль выжил, в отличие от своей жены и детей.

Чешская полиция, охранявшая Терезин, старалась выведать любую информацию и донесла заключенным, что союзные войска высадились в Нормандии и теперь идут через Францию. «Новости разлетелись по городу, и мы решили, что наконец пришла победа. Мы говорили друг другу, что через месяц будем дома». Обдумав все, Анка и Бернд снова решили попробовать завести ребенка – «такого же сумасшедшего, как и мы». «Первая беременность не была запланирована, но это случилось. Вторая была обдумана. Мы находились здесь уже три года, сколько это еще может продолжаться?» Анка рассчитывала, что если они вернуться в Прагу с ребенком, то как-нибудь обязательно устроятся, а если нет, то придется ждать, пока они найдут работу, появятся деньги, и станет слишком поздно.

Из-за непрекращающихся транспортировок на восток мансарды в момент опустели, и Бернд построил там тайную комнату, которую они между собой звали «сеновал», где они могли уединиться. Подобные «уютные местечки» стали частым явлением в гетто. Позже Бернд превратил мансарду в небольшую комнату, где они могли полноценно жить вдвоем.

Всегда была опасность, что немцы проведут незапланированный рейд, но молодая пара хотела рискнуть. Францию освободили, и союзные войска уже бомбардировали с воздуха Нидерланды. Лето 1944 года выдалось долгим и жарким, многие из окружающих – в основном пожилые – умирали от антисанитарии и голода. Анка и Бернд были счастливы лишь в редкие моменты близости.

Было сложно понять, забеременела Анка или нет, потому что ее предыдущая беременность, болезнь и недостаток питания сказались на менструальном цикле. Женщины называли это «синдромом тюрьмы», явление было достаточно распространенным. Она все еще не была в этом уверена, когда союзные войска вошли в Германию и нацисты сдавались целыми дивизиями – тогда немцы решили зачистить всех оставшихся обитателей Терезина.

Испугавшись мятежа, немцы решили отправить всех работоспособных мужчин «в новый лагерь недалеко от Дрездена». Они объявили, что в последующие недели каждый день будет отправлено по тысяче человек. Бернду пришла повестка, и все обещания пионерам строительства обернулись страшной ложью. Когда Совет старейшин ответил, что это нарушает обещанный иммунитет, нацисты объявили все предыдущие договоренности недействительными.

По законам гетто Бернд должен был сдать свой талончик, чтобы по нему больше не выдавали продовольствие, и явиться в течение 24 часов к поезду. «Ничто не предвещало его отъезда. Просто неожиданно всем мужчинам приказали отправиться в новый лагерь. Мы думали, что это будет нечто вроде Терезина, где-то в Германии. Условия могли быть хуже, но это все еще гетто... И никто не подумал, что свершается настоящая катастрофа».

И снова Анка, с трудом сдерживая эмоции, помогала Бернду собирать вещи. Мужчин созвали в один барак и разрешили проститься с близкими. Бернд и Анка обнялись и поцеловались, после чего пообещали, что встретятся снова. Бернд, все еще не зная, что его жена беременна, сел в загруженный поезд. Это произошло 28 сентября 1944 года, три года спустя после их прибытия в Терезин.

Без умиротворяющего присутствия мужа дни Анки слились в неразличимую серую массу. Она была совершенно подавлена, а вокруг оскаливался мир, полный горя и смерти. По приказу командования ее отправили на завод, где она обрабатывала слюду для свеч зажигания в самолетах. «Это называлось Glimmer. Слюда приходила небольшими прозрачными пластинами. Огромными острыми ножами мы нарезали ее тонкими слоями». Производство слюды было стратегически важно для люфтваффе, а многих евреев, в числе которых была и Анка, спасло от депортации.

Анка не представляла, как справиться с отчаянием и одиночеством на своей новой работе, где ей уже не удавалось находить дополнительные продукты для себя и единственного оставшегося родственника, слепого свекра. Немцы объявили, что им необходима еще тысяча людей для лагеря в Германии. В списке появилось имя Мицки и других друзей Анки из Праги.

Она снова осталась в гетто из-за работы на военном производстве. Чтобы исключить волнения, руководство предложило волонтерам отправиться вместе со своими близкими в лагерь под Дрезденом. Они поощряли надежду на то, что если люди будут полезны на производстве, то им удастся выжить.

Сердце Анки бешено заколотилось, она решила последовать за Берндом. «К тому моменту я уже знала, что беременна. А муж не знал». Она была уверена – раз она выжила с мужем в Терезине, то сможет и в любом другом месте. Она не знала ни где он, ни в каких условиях, но во что бы то ни стало хотела быть рядом. «Германия была цивилизованной страной, подходящей для жизни» – так она обосновала «самую большую глупость в своей жизни». Они с Берндом выживали три года в гетто, потеряли сына и почти всех родственников. Она не верила, что бывает хуже. Девушка молилась о воссоединении и мечтала, что их определят на работу, где она сможет видеть своих родителей и сестер, и они вместе дождутся конца войны.

Анка боялась, что если станет медлить, то ее отправят в другое место и она уже никогда не найдет Бернда. Она собрала вещи – на этот раз более разумно, чем перед отправлением в Терезин, когда тащила с собой коробку пончиков, – в чем ей помогли оставшиеся друзья. «Я никому не рассказывала, что беременна. Но когда я начала укладывать платье, оставшееся от первой беременности, подруга спросила: “А это тебе зачем?” Я промолчала, а она едва не потеряла сознание: “О Господи, неужели ты беременна?” Она не могла понять, почему я соглашаюсь ехать по собственной воле».

Несколько дней спустя, 1 октября 1944 года, когда американские войска уже заняли линию Зигфрида в Западной Германии, Анка навсегда покинула Терезин. Вагон третьего класса был переполнен, люди чувствовали себя сардинами в жестянке. Двери захлопнулись, поезд издал длинный пронзительный гудок. Анка уговаривала себя не паниковать и надеялась, что дорога к мужу не займет много времени.

Ее молитва о следовании за Берндом была исполнена. Поезд остановился на станции в Дрездене, который заключенные считали местом назначения. Почувствовав облегчение, пассажиры поезда приготовились выйти и направиться в лагерь, где встретят своих родных. Изможденные, голодные и обезвоженные люди ждали в закрытом поезде, но внезапно он снова тронулся. Ко всеобщему ужасу, следующей остановкой был лагерь Баутцен, в 60 километрах на восток от Дрездена. В тот момент все поняли, как жестоко их обманули. «Медленно, но верно, на нас снизошло понимание того, куда мы направляемся», – вспоминает Анка, описывая всеобщий ужас при виде польских станций, пока поезд с угрюмым лязгом мчался все дальше на восток.

«Это направление вело в Аушвиц – чудовищный лагерь. Но тогда мы этого еще не знали».

Если бы малыш Дан выжил и Анка сошла с поезда с ним на руках, то сразу бы отправилась в газовую камеру. Но она несла новую жизнь внутри себя, и маленькое сердце билось вопреки всему.

Никто, кроме Анки, не знал, что она беременна, когда два дня спустя двери вагонов открылись и девушку встретил не улыбающийся лик мужа, а то, что позже она назовет «адам на земле».

Аушвиц-II-Биркенау

Приска

По прибытии в Аушвиц, второй из трех самых крупных концентрационных лагерей, поезд во словацкими заключенными встретили озлобленный лай собак и крики надсмотрщиков; людей начали грубо вытаскивать из вагонов. Отряд мрачных офицеров СС стоял неподалеку с орудиями наготове. «Мы не знали, что такое Аушвиц, ровно до того момента, как сошли с поезда», – говорит Приска.

В ужасе умолкнув, Приска и Тибор разглядывали сюрреалистичную картину окружающего мира: забор с колючей проволокой под напряжением, смотровые башни с пулеметами, рыскающие прожекторы. Со всех сторон на них глядела злоба и жестокость, то и дело слышался свист кнута и рык команд: «Вылезайте! Бросайте чемоданы! Быстро!»

Старые и молодые, одинаково незащитные, выбирались из вагонов и выстраивались рядами. Не успевших обрести почву под ногами людей отделяли друг от друга, багаж был разбросан в грязных лужах. Некоторые женщины впадали в истерику, когда их вырывали из объятий близких, и каждая пыталась защитить своего ребенка от рук врага.

Приску оторвали от Тибора так резко, что она почти упала, но ее успела подхватить Эдита. Девушка кричала и лихорадочно пыталась отыскать мужа, но его уже было не видно в обступившей толпе. Продираясь через людей, она столкнулась лицом к лицу с офицером СС, имя которого узнает несколько позже – доктор Менгеле. Пока же для нее он был очередным эсэсовцем с непроницаемым лицом и холодными глазами.

Расплывшись в своей, казалось, прилипшей к бледному лицу улыбке, Менгеле спросил: «Что случилось, красавица?»

Выпрямившись и подняв подбородок, Приска дерзко бросила: «Да ничего особенного».

«Ну-ка покажи зубы», – приказал Менгеле.

На секунду девушка замешкалась, но все же открыла рот.

«На работы!» – резко выкрикнул он.

Чьи-то грубые руки толкнули ее к правой линии. Она ощутила, что тонет в бесконечном океане страдания, где нельзя остановиться и на секунду взглянуть назад. Тибор исчез в озверевшей толпе людей, растянувшейся на сотни метров, Эдита потерялась из виду.

Активно орудуя дубинками и прикрикивая «Шевелись!», надсмотрщики выстроили женщин в колонны по пять человек и погнали по коридору из колючей проволоки, по обеим сторонам которого были выкопаны рвы. Добравшись до кирпичного здания на окраине лагеря, женщины втиснулись в небольшую комнату, где им приказали раздеться для «дезинфекции».

Остолбеневшие женщины, не обнажавшиеся даже перед собственными мужьями, начали колебаться. Если кто-то раздевался слишком медленно или пытался как-то прикрыть наготу, их избивали до тех пор, пока девушки не подчинялись. Всю изъятую одежду, украшения, часы и деньги сваливали в одну кучу, чтобы потом рассортировать на складе «Канада» в самом центре Аушвица, названном так по ассоциации со страной, богатой разнообразными ресурсами. На складе под постоянным надзором работала группа из тысячи женщин, KanadaKommando, которые должны были перебирать кучу личных вещей в три этажа высотой.

Их задачей было отобрать теплую качественную одежду, чтобы позже ее отмыли, продезинфицировали и отправили в рейх. В складках, швах и подкладках они искали зашитое золото, банкноты, драгоценные камни и украшения. Во время этого обыска они часто находили фотографии с семейных празднеств и снимки своих близких, которые нужно было сложить в стопку для дальнейшего сожжения (некоторые фото, однако, девушкам удалось спрятать у себя и спасти).

Когда новоприбывшие были раздеты, их снова построили и направили в комнату, где уже натренированные пальцы проверили каждое отверстие в их телах на предмет спрятанных ценных вещей. Находились люди, которые в страхе все потерять просили своих дантистов спрятать драгоценности в коронках. Некоторые прятали драгоценности во влагищах. Почти все удалось найти и изъять. После проверки женщин повели на стрижку, как овец, где в ожидании уже шумели электробритвы.

Женщины повесили головы и со слезами на глазах наблюдали, как их локоны, некогда бережно уложенные и завитые, собирали в пакеты. Волосы были их коронами, неотъемлемой частью женственности, а когда пальцы касались лысого черепа, оставалось чувство незащитности и отчаяния. В следующей комнате их ставили на подмости, где сбрасывали оставшуюся растительность с подмышек и лобков, но из-за спешки далеко не все сбрасывали полностью.

Подобные меры предпринимались, чтобы сразу же определить людей в заключенных и из-за риска распространения вшей. Этот процесс дегуманизации тупым лезвием был одним из самых шокирующих зрелищ в жизни словацких женщин, оказавшихся в нацистской западне. Девушки были лишены одежды, волос, личности и достоинства, и страдали от зудящих порезов на голове с клоками недостриженных волос. Друзья и родственники жались друг к другу, стискивали в объятиях, потому что стоило только отпустить человека от себя, он сливался с остальными, «потерявшими человеческий облик».

Людей становилось слишком много, и их погнали на площадку под открытым небом на первое построение и проверку Менгеле, главного врача женского лагеря в Биркенау. От холода и скользящего по лысой голове ветра у всех перехватило дыхание. Их выстроили в колонну по пять для дальнейшего осмотра. Женщины не могли смотреть друг другу в глаза, каждая чувствовала себя растоптанной. Они увязали в холодной грязи, а окружающий мир говорил, что прежнюю жизнь уже ничто не вернет.

Где сейчас их родные и близкие, утонувшие в ночи? Что стало с их некогда беззаботной жизнью? Приска была на грани помешательства. Вокруг нее тряслось множество таких же несчастных, угодивших в безумие и ужас Аушвица, дьявольский запах которого навсегда пропитал их легкие.

По мере продвижения Менгеле по рядам девушка заметила, как он выбирает из рядов людей с очевидными шрамами и травмами. Иногда казалось, что он выбирает кого-то, просто потому что не понравилось лицо. Услышав его вопросы, обращенные к стоящим впереди, Приска уже знала, что ее спросят о беременности. Она старалась держаться как можно более прямо и дерзко, хотя в глубине души была как никогда напугана и унижена.

Внезапно он остановился рядом с ней, улыбаясь и так близко, что она чувствовала запах его крема после бритья.

Она подняла голову. Совершенно неуместно красивый в своей униформе, Менгеле осмотрел ее с ног до головы, и, казалось, был впечатлен ее здоровым видом, по сравнению с сотнями тощих женщин вокруг, от которых остались лишь кожа да кости.

Уже тогда Приска понимала, что ему нельзя доверять. В лагерь их с Тибором везли, как животных. Им не давали ни еды, ни воды, кричали на них, били. Вырвав из заботливых рук мужа, ее лишили всякого достоинства и окружили презрением. Если Гитлер действительно собирался освободить Европу от евреев, то нерожденного еврейского ребенка уж точно не пожалеют.

Пока Менгеле изучал ее неморгающими глазами, оставалось лишь мгновение, чтобы решиться. Как только он задал свой вопрос, Приска подняла глаза.

«Нет», – уверенно ответила она, не желая показывать, что знает язык, которым он и его когорты так кичатся. Ее сердце бешено стучало о ребра. Она сознавала, что если позже ее ложь раскроется – а она обязательно раскроется, если она останется в заключении, – то последствия будут очень суровыми. После короткой паузы доктор со степенью по антропологии и претензиями на то, чтобы стать великим ученым, равнодушно прошел к следующей девушке в ряду.

После осмотра Приску вместе с остальными женщинами повели в общественные душевые, с множеством окон и особой Т-образной планировкой, вмещающие лишь тот небольшой процент узников, которых определили на работы. По-прежнему голых женщин отвели в бетонные душевые комнаты, где над ними стояли все те же надсмотрщики, оскорбляя и унижая заключенных в попытке подлизаться к офицерам. Ожидание обнаженных женщин, стоявших босиком на холодном кафельном полу, было невыносимо тягостным.

Внезапно сверху на них полилась обжигающе горячая вода, женщины закричали. Запрокинув головы, они пытались утолить жажду, но вода в Биркенау была непригодна для питья, и вскоре все отплевывались от грязной соленой жидкости. Ни мыла, ни полотенца не было, но надсмотрщики опрыскали заключенных жгучим дезинфектантом, который болезненно проникал в каждую ссадину и порез. Вода выплескивалась струями, то горячая, то холодная, но женщины делали все возможное, чтобы смыть с кожи запах страха. Кричащие

сторожа поторапливали проходить в следующую комнату, где девушкам дали обсохнуть пару минут. После этого их провели по коридору в комнату размером с ту, где они раздевались, а из нее – в отхожее место без дверей.

Женщин распределяли по пять человек на одну дыру в полу, от которой они в ужасе отшатывались из-за чудовищного аммиачного запаха. Им постоянно угрожали дубинками, бумаги не было, и поэтому многие так и не смогли облегчиться, прежде чем их вытолкнули наружу. Напуганных и смущенных женщин отправляли в соседнюю комнату, где обнаружилась огромная куча забракованных вещей. Каждой входящей бросали одну или две вещи из этой горы тряпья. Не глядя в глаза и непрестанно изучая разнородную массу сваленной одежды, те, от чьего выбора зависели жизнь и смерть, бросили Приске какую-то обувь и мешковатое прямое платье из крепкой черной ткани, за что она была безмерно благодарна. Многие были менее удачливы, и им доставались совершенно неподходящие вещи, например, платья на несколько размеров меньше необходимого, мужская одежда или даже атласные халаты. При других обстоятельствах это могло бы быть даже забавно. Но в тот момент, натянув на влажные тела свои странные тюремные робы и оглядываясь на окружающих, все испытывали предчувствие чего-то невыразимо страшного.

Затем женщин из Середи отправили – снова в колоннах по пять человек – через плац по коридору из колючей проволоки к другому зданию. Все там же, на отшибе лагеря, находился так называемый «транзитный блок» (или Блок С) – ровные ряды деревянных бараков, тридцать на десять метров каждый, в которых располагались тысячи перепуганных женщин.

Смертоносная паутина, в центре которой оказалась Приска, состояла из трех основных лагерей и сорока более мелких. Лагерь располагался недалеко от Аушвица, города на юге Польши, переименованного немцами в Аушвиц, и стал символом геноцида, спланированного Третьим рейхом. Изначально это место было австро-венгерским кавалерийским гарнизоном, позже занятым польской армией. Аушвиц I должен был стать тюрьмой «первого класса» для польских евреев, политических заключенных и преступников нееврейского происхождения. В мае 1940 года он был официально назначен Vernichtungslager – лагерем уничтожения, во главе его стоял комендант Рудольф Хесс (Rudolf Höss), прежде управлявший делами Заксенхаузена и Дахау.

Аушвиц II – Биркенау был построен в начале 1941 года советскими пленными в количестве 100 000 человек (большинство из них вскоре умерли) и располагался в 3,5 километрах от Аушвиц I, на территории бывшей деревни Бжезинка, переименованной немцами в Биркенау (*нем.* «березы»). Это была болотистая равнина в междуречье. Место выбрали из-за удобного доступа к главной железной дороге.

Для расширения территории лагеря нацисты выселили 1 200 несчастных жителей Бжезинки и сровняли с землей их дома. Еще несколько тысяч горожан было эвакуировано на заброшенные территории размером в 20 квадратных километров. Кирпичи бывших домов пошли на строительство арочных ворот, солдатских кварталов и нескольких первых блоков заключенных. Для остальных блоков использовали местную древесину. Биркенау превратился в концентрационный лагерь в марте 1942 года.

Аушвиц III, названный немцами Моновиц, был построен в 1942 году в качестве Arbeitslager – рабочего лагеря, эксплуатировавшего рабский труд узников на производстве немецкого химического предприятия IG Farben. На заводе Буна Верке, принадлежащем Farben, производили синтетическое топливо, на 1944 год там насчитывалось 80 000 рабочих. В Аушвиц I и II начали доставлять евреев с начала 1942 года, первые поезда прибывали из Братиславы и Силезии. Для увеличения вместимости достраивались многочисленные деревянные блоки. Следом прибывали поезда из французского лагеря Дранси и нидерландского Вестерборка, а уже после них пришел черед узников Терезина.

Йозеф Менгеле прибыл в Биркенау в мае 1943 года в качестве немецкого медицинского эксперта в области генетики. Благодаря своей увлеченности работой он быстро вырос в должности. Несмотря на то, что многие обвиняли его в бесчеловечных экспериментах и для подавляющего большинства выживших он является персонифицированной смертью, далеко

не всегда узников инспектировал именно он. Но, безусловно, он проявлял огромное рвение в своей деятельности и по возможности встречал все поезда на станции Аушвиц.

Офицерам СС выдавался дополнительный паек, сигареты, мыло и шнапс за «особые работы», вроде отбора и экзекуций. Этот паек шел в дополнение к их и без того полному обеспечению, потому что для них еду готовили повара Waffen SS. В меню входили жареные цыплята, запеченная рыба, кружка пива и неограниченное количество десертов.

А в нескольких сотнях метров от них сидели тысячи смертельно голодных узников, прибывающих ежедневно, и каждый из них мог стать следующим кандидатом на экзекуцию. По приблизительным оценкам, до 90 % человек убили в течение нескольких часов после прибытия. Как только им давали направление Sonderbehandlung («особое лечение», в записях встречается как SB), это означало смерть. Изначально лагерь находился в километре от железнодорожной станции, поэтому отправленных на смерть увозили туда на грузовиках.

СС испробовало все способы убийства евреев и прочих врагов рейха, от измора голодом и расстрелов до удушения угарным газом, но такие практики были признаны неэффективными и затратными по времени, а сожжение требовало большого расхода горючего. Нацистское командование нашло метод, позволявший уничтожить больше людей за один раз при минимальных расходах. Многие узники Аушвица были убиты инъекцией оксибензола в сердце, но самым последним изобретением СС были газовые камеры.

В центре Биркенау находилось два кирпичных здания, которые сохранились после разрушения польской деревни. «Красный и белый дом», как их называли, были замаскированы под душевые, а заключенным обещали, что там их помогут и продезинфицируют. Рядом был припаркован грузовик с обнадеживающим знаком Красного Креста. На деле же в этом грузовике возили канистры с ядовитым газом Циклон Б. Этот эффективный пестицид использовался для уничтожения животных-вредителей в гетто и представлял собой крошечные кристаллы синильной кислоты, которая начинает действовать во влажной теплой среде. Нацистские врачи проводили бесчеловечные опыты над советскими военнопленными в 1941 году в подвалах Аушвиц I, пока не довели систему до совершенства.

С целью поддержать обман, люди в белых защитных костюмах выдавали заключенным полотенца и маленькие кусочки мыла. Далее их заставляли раздеться и направляли в здание с заложеными окнами и не пропускающими газ дверями. Чаще всего люди не представляли, что должно произойти. Немцы выжидали несколько минут, пока люди нагреют помещение теплом собственных тел. Это было необходимо для повышения эффективности яда. И только когда люди зажимались в тесноте и темноте, истекая потом, они начинали подозревать неладное. Кто-то еще ждал, что из фальшивых леек душа польется вода, в то время как остальные уже обнимали друг друга, молились и повторяли «Шма Исраэль». По истечении отведенного времени солдаты надевали противогазы, залезали на крышу и опустошали канистры в диспенсеры.

Заключенные умирали до 20 минут: у кого-то шла пена изо рта, у других кровоточили уши – это зависело от того, насколько близко они находились к местам подачи газа. Смотрители камер постоянно слышали, как люди кричат и дергают дверь, сражаясь за каждый вдох. Только когда все затихало и проходило достаточно времени, чтобы газ ушел по вентиляции, в камеры направлялись Sonderkommando («отряд особого назначения») и избавлялись от тел. Это были группы в 400–900 человек, также известные как Geheimnisträger («хранители секретов»), которых держали в изоляции от остальных заключенных, а их прямой задачей было выносить из газовых камер тела и убирать фекалии, рвоту и кровь, подготавливая помещение для следующей «партии».

Иногда эти обреченные люди находили среди погибших своих родных. Встречаясь лицом к лицу с подобным кошмаром, некоторые кончали жизнь самоубийством – это был единственный способ избежать ужаса впредь. Каждую такую команду также зачищали в интервалах от трех месяцев до года, в зависимости от их эффективности. Первым заданием новых членов Sonderkommando было избавиться от тел своих предшественников. Мало кто пережил войну, но многие записали воспоминания своей сложной судьбы и спрятали до

момента смерти.

Унижения членов этого отряда и тел, которые они выносили, не кончались со смертью. Почти ничто не пропадало даром в нацистской машине по переработке людей – все могло пригодиться для блага рейха. Срезанные волосы узниц использовали для изготовления тканей и сеток, а также для изоляции и герметизации немецких боевых машин. Еще не остывшим трупам открывали рты и клещами вырывали зубы, чем также занимался именно «отряд особого назначения». Особенно хорошие экземпляры сохраняли, чтобы в дальнейшем изготавливать зубные протезы. Любые драгоценные камни, найденные в челюсти, сдавали управлению СС в качестве платы за размещение, еду и транспорт в программе экстерминации (истребления). Золотые зубы переплавлялись в слитки.

Позже, в связи с ростом притока людей, были достроены 4 крематория (Krema II–V) с увеличенной пропускной способностью. Эти модернизированные постройки достигали 100 метров в длину и 50 метров в ширину, в каждой располагалось до 50 печей. Они были не только более эффективны, чем «красный» и «белый» дома, но также имели подземные раздевалки, из которых заключенных напрямую вели в звуконепроницаемые газовые камеры, замаскированные под душевые. Сооружения были снабжены лифтами, поднимающими тела на этаж крематория. Такая система позволяла сжигать до 4 000 тел от каждой транспортировки. На пике своей производительности они сжигали до 8 000 мужчин, женщин и детей за день.

Изначально еще горячий прах вывозили в завод на окраине лагеря, но когда вода окончательно загрязнилась человеческими останками, пепел начали высыпать в березовой роще и разравнивать по земле. Прах также использовали в качестве удобрения прилежащих территорий – в данный момент эти места считаются самым большим еврейским кладбищем. Восточный ветер подхватывал серый пепел с полей, и вихри разносили прах повсюду, оставляя свой след на любой встреченной поверхности, будь то крыша барака или человеческие губы. Те, кто избежал страшной участи, изо дня в день невольно дышали прахом своих родных.

Первые часы после прибытия в Аушвиц II-Биркенау Приска находилась в счастливом неведении обо всем этом. Единственное, что она ощущала, находясь в безвоздушном, тесном пространстве, что и она и ее ребенок находятся в безусловной опасности. К счастью, она смогла найти Эдиту, которая впредь не отходила от нее ни на шаг. Только когда в темноте барака женщина зашептала о творящемся ужасе, Приска поняла, насколько все плохо. Состарившиеся люди всех национальностей, лысые и бесполое, с ввалившимися глазами, первым делом спрашивали у прибывших о еде. Разочарованные ответом, они начинали рассказывать, как обстоят дела в лагере, периодически друг с другом споря. Кто-то заметил, что все они обречены.

Их привезли сюда на смерть – от работы или от голода – и положение безвыходное. Нет, они только на карантине, отмечал кто-то другой, и так начинались пререкания. Иначе зачем бы их брили наголо и клеймили татуировками? Все они должны молиться, чтобы их отправили на работы, потому что это единственная возможность выжить, заявляет кто-то третий.

Но где же все остальные, жалобно вопрошали прибывшие. Где же семьи? Они в других бараках или, может, в других лагерях?

«Видишь?» – спрашивают в ответ отошавшие люди, указывая на дым, поднимающийся из трубы. «Вот там твои родные – и мы все так же кончим».

Обещания нацистов массово истреблять евреев казались невероятными, но как только Приска услышала о газовых камерах и почувствовала тошнотворный запах горелой плоти и волос, она уже не сомневалась в словах других заключенных. Дым мертвецов повис над ними сплошной пеленой. «Ежедневные события подтверждали самые страшные опасения насчет беременных женщин и вынашиваемых ими детей. Логика подсказывала мне, что возможность выжить в этом аду невероятно мала», – вспоминает Приска. Она знала наверняка, что в этом месте, где не живет даже надежда, она будет пытаться спасти своего ребенка – а это значило, по меньшей мере, не умереть от истощения, как многие другие. Вскоре стало понятно, что выживать придется на жидкостях: утром и вечером узникам выдавали нечто, называемое

немцами «кофе», – на деле это была болотная вода с жженой пшеницей. На обед полагался суп с гнилыми овощами и куском черствого хлеба. С такой диетой у Приски ничего не оставалось в животе, и утренняя тошнота прошла.

Они с Эдитой вскоре заметили, что, следуя животным инстинктам выживания, узники немедленно выходили из обычного оцепенения, как только в барак вносили котел с супом. Между заключенными загорались распри, а надсмотрщики с резиновыми дубинками избивали тех, кто пытался слизать пролившуюся из котла жидкость, или подравшихся, как шакалы, за кусок хлеба. Самые голодные терпели любые удары и вылавливали грязными руками что-то съедобное в супе. С каждым ухваченным куском они могли отыграть себе немного жизни. Приска заметила, что самое вкусное можно получить, если зачерпывают со дна, но все остальные тоже это знали, и необходимо было ждать своей очереди.

Как только все миски были вылизаны дочиста, а единственным источником света оставался рыщущий снаружи луч прожектора, женщины укладывались спать по 6 человек на соломенных тюфяках. В бараке не было окон, но сквозь щели между деревянными досками проникали дождь и ветер. Они спали на тонких матрасах или вовсе на соломенных подстилках, под тонкими покрывалами. Многие спали, прижимая к груди обувь, в страхе, что ее украдут, и прятали свои миски и приборы – последние жизненно важные предметы.

Те, кто спал на третьем ярусе, считались самыми везучими, потому что их по ночам не донимали крысы, обгрызающие отмершую кожу на ногах. Однако на третьем ярусе летом всегда было ужасно жарко и не хватало воздуха, а зимой они замерзали, потому что это было самое влажное место. Зато они могли слизывать дождевую воду и есть снег. Где бы женщины ни спали, все одинаково просыпались с затекшими мышцами и ноющими костями.

Работы не было, а все мысли вращались вокруг страха, голода и жажды. Приска, как и все прочие заключенные, в ужасе проживала каждый час, ожидая своего приговора. Томясь в удушливой вони барака, люди страдали от бесконечно тянущегося времени, а вынужденное бездействие только усугубляло их положение. Некоторые женщины сошли с ума от горя и непрерывно плакали о потерянных детях, мужьях и родителях. Их отчаяние было заразительным, и смерть представлялась единственным выходом. Другие – сломленные и безразличные – уходили в себя и становились безмолвными и призрачными, безропотно исполняя все приказы и не выходя из состояния оцепенения.

Всех досматривали старосты – надзиратели отдельных блоков, заслужившие свой пост, доказав, что способны на жестокость, которой требовали нацисты. Некоторые из этих узников были в лагере уже несколько лет и достаточно рано поняли, что залогом долгого выживания является подражание ненависти своих угнетателей. Как у всех заключенных, служащих на рейх, у этих комендантов был свой срок годности. Если они были пойманы на неоправданной мягкости, их ожидало серьезное наказание, вплоть до путешествия в газовую камеру. Разочаровавших СС иногда бросали на растерзание в бараки, за которыми они смотрели, и там с ними расправлялись люди, которых старосты терроризировали. Отряды надсмотрщиков – Карос – должны были следить за исполнением приказаний, потому что на ночь офицеры СС покидали пределы лагеря. За эту работу им полагались отдельные комнаты, кровати и улучшенное питание. Зимой им выдавали горючее. Женщины на этой позиции не должны были разговаривать с остальными заключенными и избегали любых контактов, так как получали самые суровые наказания за малейшие проступки.

Заключенные же могли общаться, шепотом и по ночам, на невероятной смеси языков, но все об одном – семье, детях и друзьях. Мысли о потерянных близких истязали сердца. Каждый скучал по цветам, смеху и пению птиц. Время от времени кто-то цитировал поэзию и любимые пассажи книг. Иногда решались и тихонько петь – часто это были песни из постановок или ритуальные плачи, после чего все заходились рыданиями.

Много говорили о еде. Женщины изводили себя воспоминаниями застолий и подробностями рецептов блюд из воображаемых продуктов. Истекающий слюной человеческий клубок предавался воспоминаниям о родной кухне, свежесдобленном хлебе, переполненных столах и вкусе сладкого красного вина. Когда становилось невыносимо это

слушать, кто-нибудь обязательно просил их замолчать, и вновь наступала томительная тишина.

Когда они доходили до пика физического и морального истощения, то жались друг к другу и обездвиживали объятьями. Даже у эсэсовских собак конура была больше. Женщины лежали локоть в локоть, и если у кого-то затекало тело, то переворачиваться приходилось всем вместе. Эта странная судорожная дрема сопровождалась кошмарами, видами свободы и родного дома.

Каждое утро в 4 часа всех будил колокол, сопровождаемый рычащим криком и пинками комендантов, поторапливающих на построение и пересчет. Слепляемые прожекторами, узники стояли в холодной грязи в колоннах по пять вплоть до 12 часов при любой погоде, пока их пересчитывали. Если кто-то терял сознание, его подхватывали друзья и держали на себе, потому что любой с плохими зубами, шрамами или просто ослабевший сразу отправлялся в газовую камеру.

Люди дышали ртом, чтобы не чувствовать окружающий запах смерти, часто им приходилось стоять нагишом на морозе и хлещущем ветре. Нередко Менгеле отбирал тех, кому суждено умереть в этот день, а кого уморить рабским трудом на благо рейха. Он так любил это занятие, что выходил даже в чужие смены. Как-то раз он напугал Приску тем, что подошел к ней и надавил на грудь. «Я испугалась, что сейчас появится молоко, но, слава Богу, этого не произошло». Менгеле, заслуживший Железный крест во время Украинской кампании, на секунду задержал на девушке внимательный взгляд карих глаз и ушел прочь.

Заключенная, у которой молоко появилось вследствие такой же процедуры, вызвала бурю эмоций у Менгеле: «Молоко! Беременна!» По одному его кивку ее вытащили из строя и отправили к врачу из числа заключенных, которая после быстрого осмотра подтвердила беременность. Девушка все отрицала, но доктор настаивала и пошла за надсмотрщиком. В этот момент заключенная успела сбежать и снова встать в строй, что спасло ей жизнь.

Даже Менгеле должен был иногда спать, поэтому некоторые инспекции проводил доктор Фриц Кляйн, патрулировавший утренние построения с собаками и извечным выражением снисхождения на лице. После проверки всех имен, возрастов и национальностей он исследовал тела женщин на предмет экземы, шрамов и деформаций, после чего решал, кто переживет этот день, а кто отправится в крематорий. Этот ярый антисемит, с нескрываемым отвращением изучавший женщин, стоявших перед ним, на своем суде по делу военных преступлений открыто заявлял, что евреи – это «воспаленный аппендикс» Европы, который должен быть непременно удален.

Каждый день на закате заключенные снова выходили на пересчет, испытывая судьбу. Сломленных, больных и обезвоженных выносили, и больше их никто не видел. Эдита по-прежнему заботилась о беременной подруге, помогая ей стоять на плацу, и спала рядом, чтобы согреть. Иногда она едва слышно шептала Приске на ухо: «Открой рот» – и клала на стучащие от холода зубы кусочек сырой картофелины или хлебные крошки, и это было «самой вкусной едой в моей жизни». Приска не представляла, откуда Эдита брала спасительные кусочки еды, но уверена, что без них умерла бы.

Днем и ночью женщин донимали вши, пробиравшиеся в каждую трещинку на коже, каждый порез и рану, и размножались они так быстро, что истребить их уже бы не получилось. Охота на блох и вшей занимала людей на несколько часов. Не было ни возможности начисто вымыться, ни какой-то содержательной медицинской помощи, поэтому в расчесанные укусы попадала грязь, и заражения часто имели летальный исход. Остальные жалобы относились к неудобствам среды обитания, жестким постелям и навсегда испорченной плохим питанием коже.

В каждом блоке находилось до 800 женщин; повсюду царил дизентерия, болезни распространялись по беззащитным телам. В качестве умывальников использовались длинные корыта, а по трубам текла подозрительная коричневая жидкость. Ни зубных щеток, ни мыла не было и в помине. Долгожительницы показывали новопривывшим, как можно использовать песок и гравий для отшелушивания, а некоторые промывали раны собственной мочой.

Отхожие места позволялось посещать 1–2 раза в день. Они представляли собой продолговатые бетонные плиты, в каждой по пятьдесят дырок, и все это над одной большой сточной ямой. Женщин постоянно поторапливали, им приходилось подтираться кусками собственной одежды, соломой, на которой они спали, или просто рукой. В этих условиях менструация сохранилась лишь у нескольких заключенных. Приска не переживала ни о чем, она знала, что ребенок жив в ее усыхающем теле.

Под крики «Шевелитесь!» они быстро возвращались обратно в блоки и ждали следующего построения, с трудом вытаскивая увязшие в грязи ноги и пытаясь уберечь ботинки от утопания в болоте.

Каждый раз, выходя из барака, Приска в приступе отчаяния шарила глазами по лагерю, пытаясь найти хотя бы тень любимого Тиборко. Но на глаза попадались только сотни печей, ряды блоков, смотровые башни («аисты») и завитки дыма над печными трубами.

Тибор наказал ей думать о хорошем, но ее окружали бесконечные болота, а горизонт упирался в колючую проволоку, и ни одна травинка не прорастала сквозь желтую грязь. Застоявшийся воздух раскинувшего свои смертельные объятия лагеря был пропитан смертью. Березы покачивались под огромными небесами, но солнечные лучи едва пробивались сквозь тяжелый слой серых туч. Птицы покинули это место, и осталась только звенящая тишина. Где же весь остальной мир?

Приску окружали лишь бесформенные тощие привидения с застывшими лицами. Их привезли на восток, чтобы лишить человеческой жизни и превратить в призраки бывших людей, полубезумных и заранее мертвых. В глазах окружающих не оставалось и тени надежды. Смерть казалась неизбежной, по утрам люди постоянно находили в постелях мертвецов – и пытались скрыть их, чтобы получить дополнительную порцию еды.

Приска бесконечно скучала по дому и зывала к любому проявлению красоты и добра. Она дошла до мысли, что надежды на спасение бесплодны. Девушка страдала от голода и жажды, каждая рана и укус саднили, она с трудом выносила собственный запах. Было сложно поверить, что все это случилось после того, как ее и Тибора забрали из дома. Куда подевалась сладкая жизнь, которую она вела в Злате-Моравце, где она учила подругу Гизку и жадно поглощала сладости на пороге кондитерской? А куда делся тот день, когда они с Тибором ели торт «Захер» в прокуренном кафе Братиславы, в окружении цвета интеллигенции? Или когда она тихо сидела подле него, пока он что-то набрасывал в записной книжке и выпускал ароматные облака дыма своей трубкой? Чудовищный план Гитлера поглотил все ее прошлое, оставив лишь обрывки воспоминаний.

Онемевшая от ужаса, Приска решила оставить всякую надежду, опустить руки, спокойно принять судьбу, а за ней и смерть. Но после потери трех детей воля к жизни и желание произвести на свет этого ребенка взяли верх. Она не представляла, что нужно для этого сделать, но исполнилась намерением еще хотя бы раз увидеть мужа.

Мужчины содержались в отдельных блоках, на противоположной стороне лагеря. Периодически мужчины в полосатых тюремных робах вычищали туалеты или выполняли любую другую работу в разных секторах. На их форме чаще всего был нашит розовый треугольник, что характеризовало их как гомосексуалов, поэтому задача Приски казалась невыполнимой. Она начала бояться, что ее драгоценный журналист и банковский работник уже «вышел вверх по трубе» или был отправлен в другой лагерь. Дни проходили, ее надежда на встречу угасала.

Однажды днем Бог, к которому она усиленно зывала каждую ночь, услышал ее молитвы. Сквозь витки колючей проволоки она заметила Тибора, проходящего вместе с группой других заключенных мимо ее блока. Она немедленно узнала мужа, хотя он очевидно изменился – отошал и совершенно побледнел. Не веря собственным глазам и рискуя получить пулю, она побежала по грязи к проволочному ограждению, чтобы перекинуться с ним хотя бы парой слов, прежде чем их заметят.

Тибор, за несколько недель до этого отметивший свой 30-й день рождения, выглядел вдвое старше. Он был поражен, увидев свою Пири, и успел сказать, что часто молится о ней и

их малыше. «Только ради этого я еще живу!» – выкрикнул он. «Не бойся, я вернусь, мы справимся!» – успела пообещать Приска, прежде чем их разняли и поколотили.

Увидеть Тибора, знать, что он еще дышит, было достаточно, чтобы поднять настроение и боевой дух девушки. А мысль о том, что она сможет снова его увидеть, принесла желанное утешение. Его подбадривающие слова эхом отзывались в ее голове, и лежа той ночью на кровати, зажата между Эдитой и еще одной женщиной, она исполнилась решимости во что бы то ни стало подарить ребенку жизнь. Война ведь наверняка закончится, когда малютка Ханка или Мишко появится на свет?

Незадолго до их отправки в одной из газет, которые они втайне получали от друзей, молодые люди узнали, что война обернулась против немцев. Франция была освобождена, и объединенные советские и американские войска приближаются. Возможно, освобождение было делом нескольких недель, и тогда они с Тиборко и малышом смогут вернуться домой, к прерванной жизни. Прижимая пальцы к животу, она внезапно поняла, когда родится малыш. «Я забеременела 13 июня 1944 года, поэтому точно знала, когда истекают 9 месяцев», – вспоминает она. Он должен был появиться на свет 12 апреля 1945 года. Она запомнила эту дату, и поклялась подарить ему жизнь и сохранить свою ради них. За первые пять лет войны она оставалась относительно невредимой и сейчас должна удержаться. Ведь ее ждал живой и любящий муж.

Она пообещала, что они справятся, – значит так и будет.

На эту надежду Приска уповала вплоть до 10 октября 1944 года, приблизительно две недели спустя после ее прибытия в Аушвиц. Ее и других заключенных вновь выстроили перед Менгеле, вершителем их судеб. Как всегда улыбаясь и помахивая стеклом, он отбирал самых здоровых для лагерных работ. По сравнению с остальными узниками Приска все еще сохраняла ясный взор и выглядела цветущей. В ней была жизнь. Прежде чем она успела что-то понять, Менгеле взмахнул стеклом и ее оттащили в группу, направленную на работы.

Женщинам выдали по плошке супа и куску хлеба, после чего неожиданно посадили в товарные вагоны.

Она отчаянно выкрикивала имя мужа, но створка двери захлопнулась и отрезала мечту снова его увидеть. Огромный черный локомотив выпустил струю пара и со скрипом увез Приску от адского пламени Аушвица в неизвестном направлении.

Рахель

Нацистская машина убийств работала ежедневно, с незначительными вариациями. К Рахель и ее сестрам относились так же, как и к остальным заключенным, попавшим в Аушвиц летом и осенью 1944 года.

Поезд из Лодзи с чудовищным металлическим скрежетом остановился в Биркенау, открылась дверь, и в глаза ударил свет прожекторов. Конечности затекли от вынужденной неподвижности, людей вытолкнули из вагонов. Испуганные заключенные кричали и плакали навзрыд. Прежде чем они успели понять, что происходит, их поделили на группы и повели в душевые, где заставили снять и оставить снаружи всю одежду.

«Они побрили нас, опрыскали дезинфектантом и направили в небольшую комнату. Офицеры ходили среди женщин и разглядывали, выбирая самых здоровых. Не было ни детей, ни матерей. Только молодые здоровые девушки, способные работать».

Они стояли, задрав руки вверх, пока грязные грубые пальцы снимали с них кольца и вырывали плоскогубцами серьги из ушей. «Там, куда ты сейчас отправишься, часы не нужны», – ухмыльнулся проверяющий и снял их. Далее проверили их рты, уши и прочие отверстия, после чего сбрили оставшуюся на теле растительность. Одинаковые обнаженные, лысые и совершенно униженные женщины были определены на работы. Все они были примерно одного возраста, роста и сложения, без видимых недостатков или шрамов. «Мы были похожи на напуганных овец. Я не могла узнать собственную сестру, после того как эсэсовцы нас побрили. Я тогда подумала, что мы перестали быть похожи на людей. На мне

была маленькая подвеска, которую для меня сделал друг. По глупости своей я даже не попыталась ее спрятать, и ее просто сорвали. Они не говорили с нами, вели себя грубо. Нас выгнали наружу, чтобы все могли видеть наш позор», – вспоминает Сала.

Ожидая своей очереди, Рахель наблюдала за тем, как опрятный доктор, которого она впервые увидела во время построения, сдавливая грудь каждой женщины. Все, кто внешне походил на беременных, были выведены из строя. Она подозревала, что носит под сердцем ребенка, но не была уверена. Интуиция подсказывала ей, что сообщить о своей беременности будет фатальной ошибкой. Благопристойная жена Моника, содрогаясь от холода и страха, испытывала нечто вроде стыда перед своим нерожденным чадом за отрицание его существования.

Менгеле прошел мимо, не обратив на нее особенного внимания, и в этот момент Рахель поняла, что не поделилась своими новостями ни с мужем, ни с матерью. А теперь она не могла рассказать этого своим сестрам, потому что подвергла бы их опасности. Среди дрожащих манекенов стояли Сала, Бала и Эстер, и им тоже пришлось пройти унижительную процедуру отбора, вследствие которого всех слабых и недокормленных уводили в неизвестном направлении. Даже после нескольких лет в лодзинском гетто женщин спасала их молодость, позволяя выглядеть более жизнеспособными, чем те, чьи кости туго обтянула кожа.

Заклейменные вечно радостным доктором Менгеле, все четыре сестры были определены на немедленную транспортировку в трудовые лагеря. Кнутами девушек погнали обратно в здание, где им были выданы странные несовпадающие вещи из большой общей кучи тряпья. Как и у всех остальных, кто проходил через эту процедуру, результат оказывался непредсказуемым – размеры и формы не соответствовали никаким соображениям. Среди вещественных доказательств прерванных жизней были детские платья, женские халаты, шляпы с перьями и даже комбинезоны младенцев. Некоторым выдали коктейльные платья с открытой спиной и тяжелые мужские сапоги. Кому-то доставались пижамы и летние блузы. Более везучим досталось нижнее белье или одежда, которую можно использовать в таком качестве, но большинству белья совсем не выдали, что было для людей в новинку. Кто-то шлепал по полу сапогами на несколько размеров больше, другие – черными деревянными башмаками. Но те, кому пришлось втиснуться в туфли на каблучке, вскоре поняли, что это станет их пыткой.

«Мне повезло. Я получила безразмерное черное платье, которое раньше носил инвалид, наверное. Платье было размером с палатку, и у него отстегивалась горловина. Я сразу подумала, что в нем смогу спрятать беременность. Никто не узнает, что происходит под ним. Обувь мне досталась кошмарная, но я продолжала ее носить», – вспоминает свою одежду Рахель.

Сестры по-прежнему старались держаться вместе, даже когда всех женщин разбили на подгруппы. Их выстроили в колонну по пятеро и оставили наблюдать, как других уводят в неизвестном направлении. Польский ветер начинал щипать, предвещая самую холодную зиму в европейской истории, а женщины задавались вопросом, что с ними будет дальше и можно ли сбежать из этого чудовищного места.

К счастью, времени даром никто не терял. Немцы понимали, что проигрывают войну, люди нужны на фронте, а производствам необходима рабочая сила. Как и в гетто, нацисты сознавали, что любой человек крепкого здоровья – даже еврей – может сослужить хорошую службу, прежде чем умрет. Завод, на который отправили девушек, занимался изготовлением боеприпасов для нацистских военно-воздушных сил, которыми немцы очень гордились. Технический прогресс позволял обеим воюющим сторонам наносить сокрушительные удары, но люфтваффе располагали «мессершмиттами», «юнкерсами», «хенкелями», «штуками» и «фокке-вульфами». Гитлер называл свои бомбардировщики «летающей артиллерией». Союзные войска одержали победу в воздушном пространстве Великобритании, Германия начала терять военную мощь. За время взятия Сталинграда немцы потеряли 900 самолетов, еще больше машин было повреждено. Все силы были направлены на помощь производствам.

Не догадываясь о своей судьбе, обесчеловеченные женщины Биркенау наблюдали, как

меркнет свет и температура падает все ниже. Рядом слышался лай собак, крики людей и пулеметные очереди. Перепуганным женщинам приказали стоять молча и не двигаться, а надсмотрщики били тех, кто шатался или просился в уборную.

В конце концов, надзиратели позволили всем сесть в холодную липкую грязь и разлили по мискам мутную жидкость. В качестве посуды им раздали ночные горшки. Соленое варево отвратительно пахло, но, зажимая нос, женщины пытались протолкнуть его в себя, чтобы утолить жажду. «Нам раздали суп, но за неимением ложек мы ели его руками», – рассказывает Рахель, вспоминая, как тело боролось с отвращением и молило о пище.

Дальнейшие четыре часа они просидели в грязи, наблюдая за кроваво-красными отблесками огня печей в ночном небе и стараясь не дышать отвратительным запахом горячей плоти, от которого першило в горле. Один за другим к ним подходили лагерные старожилы, чтобы поизмываться: «Видите эти трубы? Тут людей травят газом. А потом сжигают. Если твою маму отправили налево, то она сейчас там».

Мозг напрочь отказывался принимать эту информацию. Эти слова казались настолько чудовищными, что в них нельзя было поверить. Но потом приходило подозрение, что эти существа с сумасшедшими глазами и шаркающими ногами говорят правду. У всех перехватывало дыхание от мысли, что их семьи отправились в газовую камеру, где их отравят и сожгут. Ошарашенная Рахель внезапно поняла, что если нацисты могут делать подобные вещи с невинными людьми, то такое же отношение ждет и нерожденного ребенка. Живот пронзила острая боль, она с трудом могла дышать.

Ее плохое предчувствие о том, что может случиться, если о беременности узнают, полностью оправдалось. СС наверняка рассчитывали, что среди депортируемых найдутся беременные. Те, кто уже не мог скрыть своего положения, сразу направлялись в газовые камеры, но война обернулась против немцев, и они остро нуждались в любой рабочей силе. Нацисты организовали примитивное оперативное абортирование, которое проводили врачи из числа заключенных. Многие женщины, ложась под нож в условиях такой антисанитарии, расставались там с жизнью. Некоторые, не успев себя раскрыть, теряли детей от недоедания. Тем, кому позволили выносить ребенка, не давали с ним встретиться, морили его голодом или отдавали доктору Менгеле для опытов. В специальном блоке, который он называл «Зоопарк», командующий СС и его команда проводили негласные опыты над близнецами, младенцами, карликами и взрослыми: от стерилизации и кастрации до электрошоковой терапии и ампутации – обычно без анестезии. Акушерки советовали матерям сразу убивать своих детей, чтобы избежать пыток.

Внезапно, в корне меняя свою политику, СС объявило, что аборты прекратятся, а беременным женщинам станут выдавать увеличенный паек и освободят от бесконечных построений. Вскоре приказ отменили, а детей забрали на «германизацию», после чего раздали в бедетные немецкие семьи. Около 300 женщин, находившихся в акушерских блоках, были отправлены в газовые камеры. Дети, которых не отправили в Германию, умерли от голода, холода и болезней. Некоторые были отравлены и сожжены. Кому-то делали инъекции в сердце, а кого-то утопили в ведре.

Рахель не знала всех этих подробностей, но она была уверена в одном: Аушвиц – это фабрика смерти. Шокированная мыслью, что вся их семья уничтожена, Рахель и ее сестры узнали от других узников, что камеры замаскированы под душевые. «Рано или поздно мы присоединимся к своим родным в печах», – холодно добавил кто-то. Несколько часов спустя, когда солдаты СС растолкали их, чтобы вести в душевые, заключенные отчаялись. Люди всхлипывали и слепо шли друг за другом на бойню, положив руку на плечо идущему спереди и уже не заботясь о наготе. Многие узники вслух молились и пытались заключить с Богом сделку, что если они выживут, то станут лучше и посвятят жизнь помощи другим. «Они привели нас в комнату, я увидела душ. В тот момент я решила, что все, сейчас я надышусь газом, нам всем пришел конец. Но из душа полилась вода, мы снова были спасены», – говорит Сала. Еще мокрых, их опрыскали дезинфектантом, вывели из комнаты, выдали тюремные робы, немного хлеба и мыла и направили к железнодорожным путям, по которым все они

прибыли чуть больше суток назад.

Зажегшаяся от маленькой искры надежда разгоралась сильнее по мере того, как холодная вода смывала с кожи страх. Вода означала жизнь. А жизнь здесь означала Arbeit – труд. Если усердно трудиться, то можно выжить. Женщины вновь погрузились в молчаливое повиновение. Рахель и ее сестры держались вместе. Их снова посадили в отвратительные вагоны, которые привезли их в это место, и с пробирающим до костей лязгом дверь за ними захлопнулась.

Сидя в темном вагоне, сестры задыхались от тошнотворного запаха пота, страха и мочи, который не выветривался, а женщины уже не сомневались в своей судьбе «пойти по трубе вверх». Глаза привыкли к темноте, и пассажиры смогли оглядеться – там оказалось около 80 женщин, которые не представляли свою дальнейшую судьбу. Они не видели неба несколько дней и не могли пошевелить конечностями.

Никто не спал. Все страдали. Некоторые умерли.

Они размышляли над тем, что в некотором роде были спасены от воздуха, наполненного человеческим прахом. Дальнейшая судьба никому не была известна, но мало кто осмеливался надеяться на жизнь «после Аушвица» – места, где последний вздох человека был наполнен прахом его родных.

Поезд дернулся и затрясся, женщины с криком прижались друг к другу. Состав пробрался сквозь колючую проволоку, и все, затаив дыхание, ждали. Рельсы вели их прочь из самого страшного места на земле. Сала локтями расчистила себе путь к маленькому окну. Когда поезд набрал скорость, девушка увидела мелькавшие в окне яблоневые сады и обширные поля, на которых люди сажали капусту и морковь как ни в чем не бывало. Перед ней простиралась тысячи гектаров фермерских полей, которые обрабатывали заключенные и немецкие граждане, направленные на развитие сельского хозяйства. Люди в Аушвиц-Биркенау умирали от голода, а сразу за ограждением мир изобиловал свежими продуктами.

Внезапно Сала заметила нечто, что наполнило ее сердце надеждой. В поле работала женщина, один в один похожая на ее мать, Фейгу. Облегчение от того, что их горячо любимая мать жива, вызвало истерику. «Я начала кричать “Мама! Мама!”, а она посмотрела на меня, как на сумасшедшую. Я навсегда запомню ее лицо, она была точь-в-точь наша мать».

Рахель крепко схватила сестру за плечи и ударила по щеке. Поезд прибавил скорости, и девушек вдавило друг в друга. Железная дорога уносила их все дальше от призраков некогда любимых людей.

Анка

Анка и ее подруга Мицка прибыли в Аушвиц-Биркенау в вагоне третьего класса и были откровенно измождены как физически, так и духовно. На протяжении двух дней пути они были прижаты друг к другу и практически не могли пошевелиться и продохнуть в застоявшемся воздухе. Помимо них в вагоне находилось еще множество немых потных тел, а открывать окна было запрещено. Не было ни еды, ни воды, и Анка говорила, что «жажда стала самым страшным из мучений». Еще задолго до того, как поезд начал замедлять свой ход, те, кто послушался приказа держать окна закрытыми, заметили поднимающийся из труб дым. «Тогда мы еще не понимали, что это значит, но впечатление складывалось неприятное... Запах был не похож ни на что, знакомое мне до того момента. Никогда его не забуду. А вид печных труб был настолько подавляющим, что сердце уходило в пятки, хотя мы не знали всех подробностей».

Когда поезд затормозил и двери распахнулись, пассажиры выпрыгивали и падали на землю, будто пьяные. Их встретили побои и крики: «Шевелись! Бегом!» Людей охватила паника – повсюду их окружали безумцы в тюремных робах, которые отбирали багаж, обещая вернуть его позже. Но, конечно, никто ничего не возвращал.

«Лаяли собаки и кричали люди. Совершенный бедлам. Никто не знал, куда идти. Миллион человек суетились на одном месте... по меньшей мере, тысячи. Я не помню, был ли

это день или ночь. Эсэсовцы кричали и раздавали удары дубинками. Это было похоже на конец света. Ты чего-то подсознательно боялся, но еще не знал, чего именно». Отряды капос (надзирателей) быстро отделяли мужчин от женщин, но все люди уже привыкли к подобным разделением в Терезине, так что не придали этому особого значения. «Мы попали в один вагон с молодым человеком, которого я знала с детства. Он сказал: “Лучше нам попрощаться сейчас. Я пойду с мужчинами, ты – с женщинами. Встретимся после войны!” Но больше я его не видела», – говорит Рахель.

«Мужчин и женщин выстроили перед печально знаменитым доктором Менгеле, который разделял их по другим принципам. Я была молода и здорова, поэтому пошла направо. А все женщины старше 40 и с детьми – налево. Это казалось бессмысленным. Но только казалось».

Направо пошли и все терезинские подруги Рахель, после чего их выстроили по пять в ряд и сразу же увели. «Приходилось бежать по грязи... нас окутывал запах, в небе отражались зловещие огни. Впечатление было угнетающим. Но никто и представить себе не мог, насколько все ужасно. Неописуемый кошмар». Колонну погнали в душевые, где уже толпилось множество голых женщин. Всем приказали раздеться и оставить вещи. Приказ сопровождался угрозой, что в случае неповиновения солдаты начнут стрелять. Как и всех остальных, новоприбывших избавили от украшений.

За все годы в Терезине Анке удавалось сохранить свое обручальное и свадебное кольца, которые ей подарил Бернд, сжимая их в руке или пряча под язык. Каким-то образом ей удалось сделать это и сейчас, даже под зорким взглядом надзирателей.

Заклоченных протолкнули в следующую комнату, где они сидели на холодном полу, пока их брили наголо. Анка изо всех сил сдерживала слезы, наблюдая, как шелковистые локоны падают ей на колени. После процедуры все волосы смели в одну калейдоскопичную кучу, в которой еще можно было разглядеть заколки, шпильки и гребни. Побритые, как овцы, женщины чувствовали себя одичалыми. Анка описывает это событие, как одно из самых зверских в ее жизни: «Ты чувствуешь себя не просто голым, а раздавленным... как таракан... Физически тебе не причинили боль, но унизили настолько сильно... ведь это сделано не по собственной воле... мы не могли представить, как будем выглядеть совсем без волос». Когда их снова построили, Мицка, отпустив подругу лишь на пару минут, уже не могла ее найти и кричала: «Анка! Анка! Где ты?»

Анка ответила: «Если ты – Мицка, то я рядом».

«Мы разгуливали голыми, а отовсюду на нас смотрели мужчины – просто унижительно. Нас до смерти пугала неизвестность».

Нагих женщин вывели на дождь и холод для очередной проверки Менгеле. Анка пыталась прикрыть ладонями грудь, сохраняя остатки достоинства. Увидев, что их снова обшаривают в поисках оставшихся драгоценностей, Анка сняла кольца и со слезами на глазах бросила их в грязь под ногами. «Я твердо решила, что немцам они не достанутся. Это разбило мне сердце, но то было мое решение ... Может, позже кто-то и нашел их, но в тот момент кольца были самым дорогим в моей жизни». Анка навсегда потеряла символ любви Бернда, но оставалось ощущение, что она совершает акт протеста. И она намеревалась продолжать свой путь несогласия.

Вытягивая увязавшие в грязи ноги, они последовали в душевые – с облегчением, потому что никто еще не знал другого значения слова «душевые». Вода, вытекавшая вместо газа, была холодной и грязной, не было ничего, чем можно смыть липкий пот. Мокрым женщинам начали бросать одежду из грубой ткани, которая неприятно ложилась на кожу. «Нам выдали какие-то чудовищные тряпки, кому-то повезло с обувью, кому-то нет. Мне вот достались тяжелые деревянные башмаки». Далее их повели к рядам бараков. Во время бега ноздри заполнил странный неприятный запах, который, судя по всему, испускали печные трубы.

Одна из женщин повернулась к Анке и спросила: «Они там мясо жарят, что ли?». Они взглянули на клубы черного дыма, но не смогли ответить. «Мы были в полнейшем смятении, перепуганы, а жизнь превратилась в кошмар наяву».

Их барак был похож на курятник – пол грязный, окон нет, лишь несколько узких щелей

в потолке. Внутри стояли трехэтажные нары без матрасов и покрывал. Здание было переполнено. Казалось, что там уже несколько тысяч женщин, по дюжине на каждой койке. Новоприбывших встретили стоны и мерзкий запах немывтого тела. Никому не сказали, где они будут спать и что им делать дальше.

Одна из терезинских подруг Анки лихорадочно искала среди этих людей знакомые лица, но безуспешно. В конце концов, она спросила у одной из женщин: «Что здесь происходит? Я смогу увидеть своих родителей?» Ответом ей стал дружный истерический хохот, казалось, обезумевших людей. Куда их привезли? В сумасшедший дом? И они тоже сойдут с ума от отчаяния? Одна из женщин завывала: «Ты увидишь, еще как увидишь!» Другая, с сумасшедшей ухмылкой, добавила: «Тупая ты корова! Они уже в печах. Вот нас всех сожгут, тогда и повидаемся!»

Анка была абсолютно уверена, что эти люди выжили из ума. «Но вскоре мы поняли, что они говорят правду. Стало ясно, что там происходит на самом деле... Они жгут людей».

Женщины из Терезина втиснулись на койки, которые смогли найти, пытались держаться вместе. Анка и Мицка нашли себе место между двух дурно пахнущих тел, где с трудом бы втиснулся ребенок. Лежа на жестких досках, девушки обдумывали то, что их жизнь в гетто оказалась роскошью. Многие начинали стонать и плакать, остальные молча страдали от измождения, парализованные страхом от комендантских проверок.

«Капас были такими же заключенными, как и остальные, просто им удалось найти работу получше. Среди них были терпимые, но иногда попадались хуже немцев. То тут, то там появлялась информация. Сложив вместе все новости, мы поняли, что направленных налево отравили газом. Мои родители, сестры, племянник и другие близкие люди отправились в газовые камеры».

Пока Анка пыталась смириться с этой новостью, девушка по имени Ханнелора запела известную немецкую песню. До пришествия Гитлера к власти она была профессиональной певицей и решила песней подбодрить окружающих. По словам Анки, получился совершенно противоположный эффект, и женщины попросили ее прекратить. «Это показалось сумасшествием, потому что было ощущение, что ты не песню слушаешь, а идешь на сожжение».

Спустя несколько часов после их прибытия надсмотрщики внесли грязный котел с маслянистой жидкостью, которую они называли супом. Девушкам выдали одну тарелку на четверых, без столовых приборов. «Мы были настолько шокированы происходящим, что впервые за долгое время даже голода не чувствовали». Еще не догадываясь, как тяжело в этом месте с едой, новые узники несколько дней кряду ее отвергали. Польские женщины бросались на дополнительные порции и выхватывали суп руками из тарелки, как животные.

Лиза Микова, узница из Чехии, прибывшая на одном поезде с Анкой, рассказывала, как это было. «Они спрашивали: “Ты не будешь есть?” Мы в ответ говорили: “Нет, это же ужасно, тарелки немывтые”. Как же они смеялись! “Ну так мы заберем?” Мы видели, как они были голодны, как слизывали с тарелок даже запах. На следующий день был тот же суп, и снова мы сомневались. Польские девушки рассказали нам, что “когда-то тоже нормально ели ножом и вилок”, а это место нормальным не было, и если перестать есть, то сначала потеряешь вес, потом интерес к жизни, а после и саму жизнь. И мы начали есть, хоть это и было отвратительно».

Мало кто спал в первые дни, а если и могли задремать, то их почти сразу будил утренний подъем на построение, куда их выгоняли дубинками. Им приказывали раздеться и часами стоять на холоде, пока их проверяли и перепроверяли без очевидных на то причин, кроме как истязать подольше. Некоторых били и звали «Sau Jud!» («грязная еврейка»). Другим раздавали затрещины. Постоянно кого-то вытаскивали из строя и уводили в неизвестном направлении. «Чтобы добраться туда, нужно было преодолеть огромное болотистое поле, и все это время над тобой возвышались печные трубы. Настоящий ад. Мало-помалу мы начали сознавать, что происходит».

Пока Анка ждала своей очереди жить или умереть, она раздумывала над тем, как хорошо

было иметь обувь, пусть и неудобную. Босые люди тряслись от холода. Никто бы не выжил без обуви, часами стоя в толстом слое холодной грязи. Ее собственные жизненные процессы уже замерли, остались только башмаки, с которых она не спускала глаз. Она обучилась искусству выживания, которое заключалось в том, чтобы держаться невидимой, не поднимать головы, не привлекать внимания, смешавшись с толпой. Среди заключенных были свои группы, которые условно можно было поделить на Запад и Восток – с одной стороны были немцы, австрийцы и чехи, с другой – поляки, румыны и венгры. Вещи часто крали по ночам. В силу постоянного напряжения ссора могла разразиться из-за каждой мелочи, и был риск попасться комендантам.

«С каждым днем ты все лучше узнавал, как нужно выживать. Каждый старался не оскорблять немцев, быть незначительным муравьишкой, чтобы провести день без побоев», – рассказывает Анка. Ей помогало знание немецкого, она понимала команды и могла ответить на некоторые вопросы быстрее остальных, а шестое чувство помогало избежать опасных и лицемерных людей. Она научилась не думать о будущем часе, сфокусировавшись на выживании в нынешнем.

«Конечно, страх вытеснял все остальные чувства, но и с этим можно было справиться. Я снова и снова повторяла слова Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром» – «Я подумаю над этим завтра» – и старалась поступать соответственно».

Следующие десять дней Анка провела в месте, которое она впоследствии звала «сущим адом». Там стирались временные рамки и начинало казаться, что дни превращаются в сотни лет. Она жила от часа к часу, не представляя, что может произойти. «Мы боялись 24 часа в сутки», – вспоминает Анка. Чтобы чем-то заполнить сосущую пустоту в животе, у них был только черствый хлеб и безвкусное кофейное варено по утрам и соленая вода по вечерам. На всей территории лагеря не росло ни одной травинки, которую можно было пожевать. Тысячи человек умирали в Аушвице от голода и болезней. То, что им давали в качестве пайка, вызывало лишь спазмы и диарею, но они не могли просто выйти в туалет, когда захотят. Практически все страдали от дизентерии. «Я предоставлю вам самим вообразить, как это выглядело и пахло. Каждый был в самом отвратительном состоянии, и нельзя было даже вымыться. Я прилагала нечеловеческие усилия, чтобы пережить то время. И сохраняла дух только потому, что была беременна».

Доступ к общественным туалетам, представлявшим собой дырки в бетонном полу, был ограничен, и офицеры СС кричали «Schneller! Scheisse!», били дубинками и подгоняли вилами. Анка говорила, что никогда не видела ничего более унижительного, чем это эсэсовское «развлечение» – колоть женщин в спину, пока они испражняются. «Они так развлекались, не давая спокойно закончить свои дела. Солдаты признавались, что будут издеваться над евреями, что бы те ни делали. Это чудовищно».

Appell, или построение на плацу, возвещалось колокольным звоном и проходило на рассвете и закате, с очередным отбором во время каждого из них. Согласно этой смертельной арифметике, узников было так много, что голые построения могли длиться часами, пока всех пересчитают и занесут в книгу учета. Женщины, ежедневно стоявшие перед курящей медкомиссией, потеряли всякий стыд. «В какой-то момент стало уже неважно, в одежде ты или без нее. Голодных и напуганных людей отправляли налево и направо, а тогда мы уже знали, что это означает... каждый день в 4 утра ты стоял под дождем и ветром, и размышлял, когда же придет твоя очередь. Если бы они узнали, что я беременна, то быстро решили этот вопрос».

Анка прошла, по меньшей мере, 12 таких селекций. «Я думаю, нас не считали за людей. Единственным критерием выбора было “достаточно ли экземпляр здоров для выполнения работы”. И каждый день я задавалась вопросом: смогу ли я это вынести? выдержу ли еще дольше? Каждый думал только о себе, но когда выбор стоит между жизнью и смертью, то выбирают жизнь. Ты не делаешь ничего, чтобы поспособствовать тому или иному решению, но всегда чувствуешь облегчение, что идешь направо, а остальные – налево. И дело не в других людях, а в том, что ты сделал свой выбор в пользу жизни».

Если кого-то не было на построении из-за болезни или смерти, то узники стояли на плацу еще дольше, пока не приведут учет в соответствие с действительностью. Измотанная и ослабевшая Анка, потребляя лишь сотню калорий в день во время беременности, изо всех сил старалась не падать в обморок, как большинство, во время длительных построений по два раза в день. «Тех, кто болел или терял сознание, отправляли прямоком в газовые камеры. Я падала в обмороки из-за беременности и страха, голода и холода, но подруги поддерживали меня... все были так добры... В Аушвице нельзя болеть – тебя либо застрелят, либо отправят дышать газом».

И так она жила день за днем.

Так же, как Приска хотела увидеть Тибора, Анка изнемогала от желания обнять Бернда. У нее осталась только надежда. Надежда, что завтра станет лучше. Надежда, что завтра она не заболит и не потеряет ребенка. Надежда, что она выйдет оттуда живой. А может, и Бернд проходил через те же мучения, когда приехал в Аушвиц? Сидит ли он в таком же бараке на другой стороне лагеря и так же беспокоится за жизнь своей жены?

Анка выяснила, что их отделяет трехметровый цементный забор и километры колючей проволоки. Не было новостей ни о ком из ее родных – родителях, дядях и тетях, бабушках и дедушках. Несмотря на слухи о газовых камерах и печах, возможно, те, кто выглядел более-менее здоровым, остались живы?

Анка не знала, что она в меньшинстве. Из 1,3 миллиона людей, привезенных в Аушвиц, 1,1 миллион был обречен на смерть, включая всю ее семью. Некоторые из них, как она позже узнала, были обмануты обещанием перевести их в «семейный лагерь» (Familienlager) – секцию, созданную СС для проверок Красного Креста летом 1943 года, после инспектирования Терезина. В ходе глобальной нацистской пропаганды многие терезинские семьи попадали в семейный лагерь, где никого не брили наголо и разрешалось оставлять себе личные вещи.

Чешских заключенных заставляли отправлять открытки по почте, чтобы убедить остальных в подходящих условиях жизни. В одной из таких открыток Ольга, проживавшая в Праге двоюродная сестра Анки и Здены, получила от последней открытку, в которой по-немецки были написаны необходимые фразы: «Дорогие мои, я здесь с мужем, сестрами и племянником. У нас все в порядке, чувствуем себя хорошо... Передаю всем привет и целую. Ваша Здена Исидор». Несмотря на огромный риск, девушка написала в строке получателя слово «лехем» (иврит – «хлеб») вместо «Ольга», надеясь, что так сестра догадается, что они голодают. Ольга сразу все поняла и выслала им продукты, но семья так никогда их не получила.

Доктор Россель из Международного Красного Креста нанес незапланированный визит в Аушвиц, но его увели от барачных и полумертвых людей. Вместо инспекции он болтал с молодым офицером СС о зимних видах спорта и перед отъездом пообещал прислать сигареты и некоторые лекарства. Как только Красный Крест перестал наносить визиты, семейный лагерь ликвидировали. Расслабившихся в этой «гавани океана ужаса» терезинских стариков, детей и их родителей снова бросили на произвол судьбы. В ту ночь, 8 марта, произошло самое крупномасштабное убийство чехов – 3 700 человек из 5 000 евреев, которых сожгли в ту ночь. Среди них были и все родственники Анки. Большинство из них пели чешский гимн по дороге к смерти.

Прожив в Биркенау чуть больше недели, Анка окончательно потеряла чувство времени. Она не могла выносить мысли о судьбе своих близких и с трудом заставляла себя думать о будущем ребенке, чье существование ставило под угрозу саму ее жизнь. Думать она могла только о том, как пережить следующий отбор, и старалась как можно меньше дышать пеплом, который кружился над лагерем. Утром 10 октября 1944 года Анка услышала, как Менгеле во время очередного осмотра сказал комиссии: «Хороший материал». И в очередной раз смерть прошла мимо нее. «Мы чувствовали себя скотиной, отправлявшейся на бойню».

В то утро, все еще голая, но с одеждой в руках, Анка с группой прочих женщин были направлены в большое мрачное здание, вместо того, чтобы вернуться в бараки. Все, кто

медлил и сопротивлялся, получали удар дубинкой. Анка размышляла: «Это и есть оно? Нас ведут в камеры? Нас же выбирали для работы». Хотя она понимала, что там их медленно будут изводить рабским трудом вместо относительно быстрой смерти от газа.

В незнакомом здании им приказали принять душ. Молящихся и перепуганных женщин затолкнули в душевые, и у каждой сердце замерло от отчаяния. Они не могли поверить глазам, когда из леек над головой полилась вода, а не газ. «Вода! Жизнь!» – выкрикивали отовсюду. Немного чище, чем обычно, они вышли на получение смены одежды и хлеба с колбасой, после чего отправились на железнодорожную станцию. Их рассадили по грузовым вагонам и заперли, после чего поезд унес их от огня, серы, кислой грязи и тошнотворного запаха Аушвица.

Анка разглядывала красно-оранжевое зарево над лагерем сквозь щель в стенке вагона. Она не представляла, куда их везут, но впервые за несколько недель она смогла полноценно выдохнуть. «Мы знали, что хуже быть не может, поэтому были взволнованы и рады... Ощущение, что ты покидаешь Аушвиц живым – просто неопишимо! Будто мы в раю».

По словам Анки, потерять Биркенау из виду было одним из самых приятных моментов в ее жизни – так же, как для Приски и Рахель. Девушки еще не знали, что им предстоит встретиться с самыми большими угрозами для них самих и жизни будущих детей – голодом, истощением и холодом.

Фрайберг

Местом назначения поездов с тремя будущими матерями был Фрайберг – нацистский трудовой лагерь в саксонском городе, в 35 километрах на юго-запад от Дрездена. На территории лагеря находился военный завод.

Рахель Фридман, 25 лет, была зарегистрирована как польская еврейка Рахаела Фридман (№ 53485) и прибыла во Фрайберг первой из трех женщин, на поезде, который выехал из Аушвица 31 августа 1944 года. В числе 249 других польских евреев были ее сестры Сала, Бала и Эстер, все еще шокированные потерей остальной семьи сразу после прибытия в Аушвиц из Лодзи.

Приска Левенбейнова (№ 54194), 28 лет, была зарегистрирована как «SJ» – словацкая еврейка и прибыла 12 октября 1944 года. На том же поезде прибыли еще пять тысяч чешских, немецких, словацких, датских, югославских, итальянских, польских, венгерских, русских и американских евреев и некоторые женщины, не имеющие гражданства. Новая подруга Приски, Эдита, пообещавшая Тибору ухаживать за его женой, по-прежнему была верна своему обещанию. Приска была на том же поезде, что и 27-летняя Анка (№ 54243), зарегистрированная как чешская еврейка Ханна Натан, с подругой Мицкой и несколькими терезинскими знакомыми.

Еще одна транспортировка польских евреев из Биркенау была осуществлена 22 сентября. Каждого пассажира того поезда снабдили личным номером, к чему немцы отнеслись с большим педантизмом – именно так они координировали совместную работу Аушвица и Флоссенбюрга в Баварии, контролирующего завод во Фрайберге. Несмотря на то, что пассажиры были обезличены, нацисты не делали татуировок с личными номерами никому из тысячи женщин в возрасте от 14 до 55 лет, прибывших на заброшенную фабрику по изготовлению фарфора. Аушвиц был единственным лагерем, где в 1941 году появилась данная практика. Те, кого планировали сразу направить в газовые камеры, не обозначались номерами, и это еще больше пугало неотмеченных людей.

«Мы замечали, что у всех остальных есть татуировки, и я не могла найти логичного объяснения, почему их не делают нам, кроме двух вариантов – мы либо скоро отправимся на смерть, либо нас увезут в Германию на работы, а там в этом уже нет необходимости».

Путь из Аушвица занял две ночи и три дня, окон и дверей не было, запасы воды и еды ничтожно малы. Пассажиры определяли время суток, ориентируясь по маленькому зарешеченному окну под потолком. Они прижимались друг к другу или, сидя в углу,

притягивали колени к груди. Ведром пользовались по очереди, смирившись с унижением. Условия в вагонах различались: две женщины были обеспечены лагерными кофе, хлебом и супом с грязной кухни поезда, а вот Анке ничего не досталось.

В конце концов, ее поезд прибыл на товарную станцию Фрайберга и выплюнул свой задыхающийся груз, после чего вагоны очистили для дальнейших транспортировок. «Мы выбирались из вагонов полумертвые, оголодавшие, с ужасной жаждой, но все еще живые, – говорит Анка. – Жажда сводила с ума, просто невообразимо... из всех страшных пыток – голода, холода и жажды – самой страшной всегда была последняя. Все остальное казалось вполне переносимым, но от жажды у тебя пересыхало во рту, оставалось ощущение грязи, и чем дольше это продолжалось, тем становилось хуже... просто отвратительно... Что бы только человек ни отдал за глоток воды! Когда мы прибыли на станцию в Германии и нам принесли какую-то жидкость, она казалась амброзией – восхитительно. Мы были уже не в Аушвице, а в цивилизованной стране».

Грязные, включенные и перепуганные женщины уставились в чистое небо без печных труб и клубящегося дыма. Пока они находились в этом оцепенении, их провели по Банхофштрассе в средневековый город. 14-летняя Гerti Тауссиг из Вены запомнила это на всю жизнь: «Там было так безмятежно, на улице не видно ни единой души. Складывалось ощущение, что теперь все наладится. Но мы ошибались». Приска добавляет, что они «были ошеломлены, проходя мимо зеленеющего парка и вдыхая запах деревьев».

Во Фрайберге, находящемся у подножья Рудных гор между Богемией и Саксонией, было множество рудников и университет металлургии, основанный в XVIII веке. Единственными евреями, оставшимися в этом городе, были супруги арийцев, которые работали в шахтах и в оптической промышленности. Мимо Фрайберга проходили поезда из гетто в лагеря и обратно. Некоторые шли в Аушвиц, другие – в Эдеран и Хайнихен, расположенные в Саксонии. Многие из них останавливались во Фрайберге, чтобы сдать человеческий груз, определенный на рабский труд в шахтах.

Немногие из 35-тысячного населения города пытались помочь несчастным заключенным, и совсем никто не помог женщинам из Аушвица, когда те неровным строем шли по улицам города. Сала, сестра Рахель, догадывается, почему так случилось: «Если они и заметили нас издалека, то, скорее всего, подумали, что мы из сумасшедшего дома терпимости, убийцы или преступницы. Им было страшно на нас смотреть... меньше всего мы походили на нормальных людей – босые или в деревянных башмаках, в странном тряпье». Рахель думает иначе: «Люди видели в нас цирковых животных».

Решение изготавливать детали аэропланов на заводе Фрайберга было принято немецким правительством совместно с главами СС в 1943 году. Помимо потерянных Германией самолетов, бомбардировки во время «Большой недели» в феврале 1944 года уничтожили многие авиационные предприятия. Более 10 000 тонн бомб было сброшено союзными войсками на немецкие города во время 3 500 вылетов – такие серьезные потери в авиации означали, что преимущество теперь на стороне союзных войск. Любое военное производство нужно было перенести в подземные бункеры или места, не ассоциируемые с военными действиями.

Фрайберг был именно таким местом. 7 октября 1944 года пятьсот американских бомбардировщиков, направленные разрушить нефтеперерабатывающие заводы в чешском индустриальном районе Мост, встретили на своем пути низкие тучи и искали альтернативную цель. Тогда они заметили Фрайберг, его перегруженные железнодорожные пути, раскинувшиеся заводы и сбросили на него 60 тонн бомб, которые уничтожили 2 000 человек и сотни домов. Меньше, чем за неделю, используя рабский труд заключенных, все обломки убрали, рельсы восстановили, и по ним проществовали поезда с Анкой, Приской и тысячами других узников.

Большая оштукатуренная Фрайбергская фарфоровая фабрика на Фрауенштайнштрассе была перестроена в 1906 году для производства электроизоляторов и промышленных труб. Заводом владела компания KahlaAG, но в 1930 году он был закрыт в связи с экономическим

кризисом, и его владелец-еврей покончил жизнь самоубийством после «Хрустальной ночи». Здание пустовало на протяжении 10 лет, после чего его стали использовать в качестве склада боеприпасов и временных солдатских казарм. Когда было принято решение запустить на заводе производство авиадеталей, мужчины выехали из здания и заселились женщины.

Потсдамская компания Arado-Flugzeugwerke заключила договор с Министерством вооружений и боеприпасов на производство хвостовых килей, колес, крыльев и прочих деталей для самолетов Arado. В частности, детали были необходимы для модели Ar 234, первого в мире бомбардировщика с реактивным двигателем, который славился своей быстротой и маневренностью. Этот самолет был жизненно необходим для нацистской Jägerprogramm (миссия «Охотник»), в ходе которой полагалось вернуть господство в воздушном пространстве. Arado, под кодовым названием Freia GmbH, согласились платить СС по 4 фунта в день за каждого работника, за вычетом 70 пфеннигов на «общественные потребности». За «наемный» труд только на этой фабрике СС получали 100 000 рейхсмарок в месяц, что соответствует нынешним 30 000 фунтов.

Большинство заключенных работали на главной фабрике под руководством Freia, но были и те, кто отправился на близлежащий завод Hildebrand по изготовлению амуниции и оптики для самолетов и подводных лодок. Все процессы регулировали немецкие специалисты, двадцать семь офицеров СС и двадцать восемь надзирательниц. Во главе всего лагеря стоял унтершарфюрер СС Рихард Бэк, которого заключенные между собой прозвали «Шара».

Женщины были среди 3 000 работников, включавших итальянских военнопленных и заключенных из России, Польши, Бельгии, Франции и Украины, задействованных на заводах и шахтах Фрайберга. Итальянцы попали туда в наказание за «вероломное предательство» своей страны. Так называемые «восточные работники», насильственно завербованные на оккупированных территориях, считались недолюдьми (Untermensch) среди нацистов и отношение к ним было соответствующим. Также там были Volksdeutsche, урожденные немцы, националисты, работающие по контракту.

Несмотря на то, что война дошла до критической точки, американцы были у линии Зигфрида, а русские захватили инициативу, в лагере продолжали планировать строительство женских барачков в полутора километрах от завода, рядом с серебряным рудником. На время строительства женщин расселили на освободившемся верхнем этаже кирпичного производственного здания.

Когда прибыл поезд Рахель, завод еще не функционировал. Не было ни станков, ни материалов, поэтому узников просто закрыли в переполненном помещении. Единственная возможность выпрямить ноги была во время привычного построения, на котором нацисты все еще настаивали, утренняя и вечерняя, в самую мерзкую погоду, но женщины молча стояли и ждали окончания учета. Все равно, говорили они себе, тут лучше, чем в Аушвице.

Спать тоже было куда удобней; их расположили в комнатах по 90 человек, по двое на каждом уровне трехъярусной кровати. У них даже были подушки и покрывала. Функционировала душевая с холодной водой (которая не всегда текла) и уборная без туалетной бумаги. Вместо нее они использовали куски одежды, картон и старые газеты – все, что смогли найти. Особенно они любили использовать свежие выпуски газет с фотографиями Гитлера.

Заключенным сообщили, что они будут работать сменами по 12–14 часов: когда одна смена спит – вторая работает, и наоборот. Накануне запуска производства разразилась эпидемия скарлатины и всех оставили на недельный карантин. Немцы назначили врачей из числа заключенных, 42-летнюю Александру Ладищикову и 32-летнюю чешскую еврейку Эдиту Маутнерову, которая позже сыграла важную роль в жизни всех девушек.

Как только карантин кончился, они приступили к работе. С момента прибытия из Аушвица прошло две недели. Первая смена просыпалась в 3 часа утра, в 4.30 происходил сбор и построение, а работа начиналась в 6.30 с кратким перерывом в полдень. Пока не привезли станки, работа казалась несложной. Женщины занимались мелкими деталями. Дни тянулись бесконечно долго, девушки постепенно теряли волю к жизни. «Все были расстроены, нам

было необходимо друг друга подбадривать... Главным испытанием было стоять на протяжении всей смены и ни с кем не разговаривать».

К тому времени, как пришли последующие поезда из лагерей, работа была четко организована и всех новоприбывших сразу направляли на рабочие места. «Нас провели на завод на холме и сразу заставили приступить», – говорит Анка, которой в первую очередь показали, как ставить заклепки на хвостовой киль. Детали были тяжелыми, их сложно было удержать, но на заводе было тепло и сухо, за что заключенные были бесконечно благодарны. «Я ни разу в жизни не видела склепывающую машину, как и никто из моих друзей. Несложно догадаться, что ни о каком мастерстве речи не шло. Мы работали по 14 часов в сутки, офицеры к нам придирались, но вокруг не было газовых камер, и это единственное, что имело значение».

«Мы взялись за работу, и поэтому немцы проиграли войну!» – говорит Сала. А Приска добавляет: «Мы сделали столько ошибок, что ни на одном самолете этой фабрики нельзя было лететь!»

Женщины работали парами на неотопливаемых цокольном и первом этажах. Стоя в неудобной обуви на холодном бетоне, они по очереди брали клепальные машины и дрели и работали над крыльями, которые лежали на опорах и подмостках. Другие занимались сваркой, обтачиванием, полировкой, лакировкой, а следующие сортировали детали или шлифовали алюминиевые листы. Для всех этих женщин с прекрасным образованием, не знавших физического труда, работа была изнурительной как морально, так и физически, руки уставали от плеч до кончиков пальцев и впоследствии болели днем и ночью. Вокруг царил непрекращающийся шум пневматических орудий и дрелей, воздух наполнялся металлической пылью.

Рахель со своей сестрой Балой была определена на завод Hildebrand, который 24 часа в сутки производил пропеллеры и мелкие детали самолетов. «Нам сказали, что если хоть она деталь покинет завод в ненадлежащем виде, то виноватого повесят у всех на глазах».

На заводе Freia на каждом этаже было по одному офицеру СС и группе женщин-надсмотрщиц, одна половина которых была злобной, другая – безразличной. Ежедневно выносились наказания, узники постоянно терпели побои. Однажды надсмотрщица с размаху ударила Приску по лицу за небольшую провинность, но можно сказать, что ей повезло. Анку избил надсмотрщица, которой едва было 20 лет. «Я была беременной, в тряпье, лысая, выглядела очень странно... она просто подошла и ударила меня. Не сказать, что было больно. Это было вне контекста». Анке хотелось кричать от «вопиющей несправедливости», потому что любой может подойти и просто так тебя ударить, а отплатить тем же было нельзя. «Та ситуация задела меня за живое больше, чем многие другие события».

Гражданские мастера, работавшие наряду с заключенными, редко говорили что-то, кроме приказов. Если они и пытались говорить, то использовали саксонский диалект, который был непонятен даже тем, кто знал немецкий. Некоторые из них служили в вермахте, но были либо слишком стары, либо имели контузии, поэтому остались в тылу. Все были довольны заниматься этой работой, лишь бы не идти на фронт. «Не думаю, что они понимали, кто мы и откуда, но ни один из них за все время ни разу не заговорил и не помог мне, – вспоминает Анка, находившаяся в паре со своей подругой Мицкой. – Никто не спрашивал, откуда мы и что с нами случилось. Никто не хотел осознавать происходящее. Они видели нас и отношение к нам надзирателей, но ни один не протянул кусок хлеба».

Одна из выживших, Лиза Микова, вспоминает случай, произошедший с ее подругой, фармацевтом по образованию. Старший работник ее цеха, Рауш, показывал все на пальцах. Однажды она неправильно его поняла и подала не ту деталь. Он швырнул деталь в стену, а потом ударил и девушку. Она ответила ему на чистом немецком: «Если вы скажете мне, что вам нужно, я это и подам». Рауш уставился на нее в изумлении: «Ты говоришь по-немецки?» – «Конечно. А вы что о нас думаете? Мы здесь все врачи, преподаватели, интеллигентные люди». – «Нам сказали, что вы преступницы и шлюхи, поэтому вас и побрили». – «Нет. Мы еврейки». – «Но ведь евреи – черные!» – воскликнул мастер, выражая распространенное

нацистской пропагандой суждение.

После этого Рауш относился к ней с большим уважением. Но больше никто. Некоторые из охранников, узнав, что заключенные не преступницы и не проститутки, решили в это не верить. Разжиревшие чудовища, чья шея наплывала на воротник, а пуговицы рубашки едва не лопались, открыто потешались над этими новостями. Горбун по фамилии Лоффман из числа надсмотрщиков, окончивший с отличием школу гестапо и часто бросавший в женщин молотками во время своей смены, открыто заявил одной из девушек: «Это ты-то учительница? Да ты дерьма кусок!» Другие охранники были еще большими садистами и избивали женщин инструментами, хлестали веревками и пряжками. Угрюмый унтершарфюрер Бэк по прозвищу «Шара» раздражался на все подряд и мог поколотить любую женщину, которая ему не понравилась.

Но надсмотрщицы переходили все границы жестокости. Они не только били и хлестали кнутами, но и придумывали изощренные наказания, которые будут страшны именно по-женски. Они запрещали ходить в туалет, приказывали другим заключенным сбривать у кого-нибудь остатки волос или выбривать голову полосами. Одна особенно жестокая надзирательница, чтобы напугать заключенных, выстрелила из пистолета и попала одной из девушек в ногу. После ранения началось заражение и развилась гангрена.

Заключенные работали неделю ночных смен, неделю дневных, без отдыха. Иногда им позволяли мыться и стирать одежду. Раз в месяц избранные заключенные, работавшие в непосредственной близости к немецким представителям, отправлялись в Arbeitshaus (рабочий дом) XVII века, где помогали нищим. Это считалось роскошью, там был настоящий душ.

Для всех женщин рабский труд был невыносим из-за плохого питания. Это сильно сказывалось на физическом самочувствии. Многие падали в обморок, что существенно затормаживало производство, их били и пинали, чтобы вернуть в чувство. Узница Клара Лефова говорит, что существовало два основных правила: «Нельзя признаваться, что ты болен и что ты чего-то не можешь». Не паниковали они и когда слышали рев сирен: «Опасность быть убитым или получить ранение во время бомбардировки казалась не такой страшной, как жить под дулом пистолета СС». Втайне они приветствовали каждый союзный самолет и смеялись над каждым залпом зенитных артиллерийских снарядов, расположенных на близлежащих крышах. Если кто-то замечал подбитый американский или британский самолет, то «остаток дня был испорчен».

Несмотря на то, что труд каждого работника оплачивался в кассу СС, заключенным продолжали выдавать еду в ничтожном количестве и самого низкого качества. Ее часто описывали как «горячую мерзость». Преимущество было в том, что у каждой была своя миска, кружка и ложка, а это означало, что больше не придется есть руками, в которые глубоко впиталась грязь. Паек был размером с тот, что выдавали в Аушвице – прогорклое темное варево и кусок хлеба по утрам, подозрительно пахнущий суп из свеклы или тыквы на обед, и все это они ели сидя на полу. Клара Лефова вспоминает: «Так называемый суп из очисток. Иногда он был гуще, иногда водянистей. По длинному столу прогуливался наш немецкий Lagerführer (комендант лагеря), не позволяя никому туда присесть. Наготове он держал ремень с пряжкой, чтобы в случае необходимости сразу ударить». Также они научились вовремя закрывать глаза, потому что потеря даже одного глаза – это прямая дорога в Аушвиц и газовые камеры.

По вечерам им выдавали 400 граммов кофе и хлеб. Изредка узникам перепадали такие радости, как тонкий ломтик салами, ложка варенья или кусочек маргарина. Часто они не знали, стоит ли им съесть этот кусок или потратить на уход за своей потрескавшейся кожей. Анка вспоминает, что некоторые женщины были настолько дисциплинированы, что свою еду делили на аккуратные порции и растягивали на весь день. «А я съедала все за раз и потом 24 часа ходила голодная».

Из-за беременности тело Приски требовало сырой лук, и иногда ей приходилось обменивать на него целый кусок хлеба. Ей повезло больше остальных, потому что ее

защитница Эдита, которой удавалось делать запасы, подкупила старого вермахтовского охранника и тот приносил ей еду. Мужчину звали «Смелый дядюшка Вилли», и он казался единственным, под чьей униформой бьется человеческое сердце. Он то и дело рисковал своей работой и жизнью ради тех, кто трудился под его началом. Благодаря его стараниям Эдита могла продолжать подкармливать свою беременную подругу, пока никто не видит.

Герти Тауссиг рассказывает, что «все точно знали, кому из женщин удалось пронести золото и брильянты глубоко внутри себя, такие выглядели лучше остальных. Но мы ни за что не выдали бы их секрет». Несмотря на дополнительный паек, голод тяжело сказывался на беременных женщинах и становился навязчивой идеей. Он был их постоянным спутником, как и растущие во чреве дети.

Анка ни разу не позволила себе мысль о том, что она не выживет. «Я от рождения благословлена стойким духом, что всегда было мне на пользу... Я смотрела только вперед и никогда – назад... Я знала, что справлюсь, хотя это казалось наивным и неразумным, но я жила этой мыслью... даже умирая от голода».

Рахель, которую тоже не обошли эти мучения, вспоминает: «Мы приходили с работы уставшие и голодные, и если кому-то удавалось сохранить кусок хлеба, то мы его обязательно делили». Однажды она нашла немного сырого картофеля и долго сосала его, как карамельный леденец. В другой раз она нашла подгнивший кочан капусты в грязи, и, отдавая себе отчет в том, что ее могут пристрелить, если заметят, все же его забрала. Капуста мерзко пахла и так прогнила, что можно было сквозь нее пропустить пальцы, но Рахель все съела и была уверена, что ничего вкуснее в жизни не пробовала.

Все свободное время девушки проводили в разговорах о еде. «И какой еде! – говорит Анка. – Не одно и не два яйца, а десять на торт, 4 кило масла и кило шоколада. Это был единственный способ справиться с собой. Чем богаче торт, тем лучше. Это приносило что-то вроде удовлетворения. Мы делились друг с другом фантазиями о бананах в шоколаде и джеме. Фантазия помогала, даже когда мы были совсем истощены. Честно говоря, не знаю, помогали эти разговоры на самом деле или нет, но перестать думать об этом было невозможно». На деле же вместо тортов их кормили отвратительной жижей и хлебом. «В любом случае, нам подходило все, что давали, и этого всегда было мало».

В конце смены девушки возвращались на свои спальные места на верхнем этаже фабрики. Женщины оставались довольны тем, что они работают в крепком кирпичном здании, а не в обшарпанной лачуге, хотя первым, что они заметили, познакомившись с местом жительства, был запах постельных клопов. Надзиратели обвинили женщин в появлении паразитов, но, вероятно, их здесь оставили предыдущие жильцы. «У этих маленьких жучков был особый запах, чуть сладковатый. Это ужасно неприятно. Их расплодилось огромное множество, жуки сыпались с потолка, поэтому что бы ты ни ел, сначала в рот попадали они. Мы не обращали особенного внимания, потому что постельные клопы живут только в тепле, но если их раздавить – они ужасно воняют».

У женщин не было доступа к часам и календарям, поэтому даты они знали лишь приблизительно и не имели представления о трагических событиях, развернувшихся по всему миру. Никто не заботился о сообщении им новостей, они монотонно работали на неветилируемой фабрике, не видя дневного света. Даже редкие офицеры вермахта, проявлявшие к девушкам благосклонность, мало что рассказывали. Не дошли и новости о том, что *Sonderkommando* в Биркенау взорвали крематорий № 4 в октябре 1944-го, но немецкие рабочие вскользь упомянули о развернувшейся Арденнской операции.

На заводе не прекращалась повседневная рутина. Женщины, с ноющими мускулами, больными ногами и зубами, день и ночь вели свои моральные битвы и изо всех сил старались выжить. Некоторые не смогли вынести изнурительного существования и сошли с ума, за что были отправлены в газовые камеры. «Мы работали, как ломовые лошади, стоя днями напролет у станков, лылые, в тряпье. Мы ели, молчали и занимались своим делом», – говорит одна из заключенных. «Одежду мы стирали и надевали еще мокрую. Времени ни на что не оставалось». Прогнившие десны болели и кровоточили, высохшая кожа глубоко трескалась, и

любая рана могла оказаться смертельной. Ни у одной из женщин не было менструации, потому что тела чувствовали себя мертвыми, а моральных сил не оставалось на планирование каких-то мятежей. «Мы ничего не саботировали, находясь во Фрайберге. Каждая пугалась собственной тени. Мы не умели дать сдачи. Стоило спросить: “Куда вы меня ведете и зачем?”, как начинали сыпаться удары или сразу стреляли. Поэтому все боялись слово произнести».

На фабрике работали образованные, но неумелые работники, поэтому процесс шел мучительно долго. Когда смена Клары Лефовой закончила к Рождеству свое первое крыло, все пришли в большое возбуждение. Заключенным пообещали – но не сдержали обещание – больше мыльного порошка, хлеб и сыр по окончании работы. «Немецкие рабочие были невероятно рады. Они подвязали крыло, подняли его к потолку и приготовились праздновать, но одна из веревок оборвалась, крыло упало и сильно повредилось. Тогда пришла наша очередь праздновать», – говорит Клара. Некоторым женщинам действительно выдали дополнительный паек на Рождество и возможность «купить» немного поваренной соли, но большинство получило свои обычные порции.

В канун Нового года Анка, находясь на шестом месяце беременности и все еще скрывая это под мешковатым платьем, уронила металлический верстак и глубоко порезала ногу. К счастью, кость не повредилась. «Первой моей мыслью было: “Ребенок! Что будет с ребенком?” Меня отправили в местный медпункт, где ногу забинтовали и оставили на какое-то время. Там было тепло и не приходилось работать. Еды давали не больше обычного, но я могла направить все свои силы на заживление раны».

Находясь в лазарете, Анка изо всех сил старалась выглядеть бодрой и здоровой, чтобы ее не отправили обратно в Аушвиц, ведь она находилась в месте, где единственной альтернативой работе была смерть. Некоторые женщины даже не знали о существовании лазарета. Другие знали, но представляли его себе как первую ступень к плахе, поэтому избегали обращаться туда и сами обрабатывали раны. «Когда ты болел, ты либо работал, либо умирал. Многие лечили кожу собственной уриной, это было единственным подручным средством. Именно оно помогло моей подруге справиться с пиодермией, во время которой ее рука сочилась гноем. Однажды подо мной сломалась койка, и я какое-то время лежала парализованная. Врач не пришел, но я выжила», – вспоминает Герти Тауссиг.

Анка никогда всерьез не задумывалась над тем, что внутри нее растет человек. Возможность подумать об этом появилась, когда она лежала в медпункте. Он не толкался, как Дан, но она чувствовала, что ребенок все еще жив. Вспоминая романтические ночи с Берндом в их терезинском укрытии, она смогла рассчитать, что ребенок появится к концу апреля. Тогда же она задумалась о том, что они будут делать, если выживут. Не в силах спрятать свое положение от доктора Маутерновой, чешского педиатра, которая заботилась о ней, Анка начала доверять ей свои страхи. «Я говорила такие глупости: “А что если ребенок родится, пока война не кончится, и его отдадут родителям-немцам? Я смогу его потом найти?” Я не думала, что его или меня могут убить. Очень часто я обсуждала с ней этот вопрос, а она терпеливо убеждала меня, что я обязательно его найду».

Анка вернулась на завод, но на «облегченные» условия работы. По 14 часов в день она мыла полы во всем здании, каждый этаж и каждую лестницу.

Работа была монотонной, но лучшего занятия там для беременной женщины было не придумать. Судя по всему, ее стражи не замечали беременности, в противном случае ее давно бы отправили в газовые камеры.

Рахель повезло с ее чешским мастером. «Когда он заметил мой живот, то разрешил сидя проверять заклепки на крыльях. Я сильно потеряла вес, но меня не тошнило по утрам. Я так хотела спасти ребенка, что все остальное не имело никакого значения».

К январю были готовы новые бараки для евреев, в двух километрах от завода, на улице Шахтвег района Хаммерберг. Стоило температуре упасть, как женщин выгнали из теплых кроватей с клопами в холодные новые бараки. Пробираясь сквозь метель, они достигли запорошенных снегом зданий, окруженных колючей проволокой. Бараки пахли непросушенной древесиной и свежим цементом, отопления не было. С потолка сочилась вода,

вымачивая солому в матрасах. Из-за низких потолков кровати были двухъярусные, но никто не знал, что хуже – промокать на верхних полках или на влажных нижних.

Душевые находились в отдельном здании и первое время не функционировали, поэтому мыться оставалось только из уличного крана, вода в котором замерзала. В бараках были печки и небольшой запас угля, но надсмотрщицы его разворовали, чтобы поддерживать тепло в своих комнатах, и на окнах каждую ночь нарастал толстый слой льда. В том же месте были выстроены отдельные бараки для русских, украинок, итальянок, полячек, француженок и бельгиек; женщины могли видеть друг друга сквозь витки колючей проволоки. На фабрике в качестве электриков и механиков работали мужчины, лица примелькались, и это можно было использовать для общения.

Рискуя жизнью, люди передавали записки, оборачивая их в камни и перебрасывая через забор. Они обменивались новостями о прогрессе в военных действиях, завязались даже кое-какие отношения. Приску как полиглота попросили перевести любовное письмо с французского на словацкий, хотя это было преступлением, за которое не отделаешься простым выговором или пощечиной. Она с удовольствием взялась за перевод, вспоминая их с Тибором любовные письма, и в памяти воскресло мгновение, когда она увидела его сквозь колючую проволоку Аушвица.

Однажды офицер СС заметил ее пишущей на кусочке бумаги огрызком карандаша. То был ответ девушки, влюбившейся в бельгийца. Заметив стража, Приска смяла любовное письмо и проглотила. За это ее избили, долго допрашивали, но она ничего не сказала.

Немецкая компания рассчитывала, что рабочие останутся живы хотя бы до конца войны, поэтому заключенных снабдили теплыми вещами, в том числе чулками и деревянными башмаками, которые громко стучали при ходьбе. Их оказалось недостаточно, поэтому некоторые женщины довольствовались тем, что им бросили в Аушвице. Деревянные башмаки всегда были неподходящего размера и натирали, а в мозоли могла попасть инфекция. Башмаки сваливались и скользили на льду. Они быстро заполнялись водой и снегом и никогда не просыхали.

Дополнительное неудобство деревянных башмаков было в том, что они беспощадно стучали по мощным гранитом дорогам, отбивая и без того больные кости. А на контрасте с этим рядом вышагивали эсэсовцы, обутые в высокие полированные сапоги, поторапливая: «Левой, два, три, четыре!..»

Клара Лефова вспоминает: «Жители улицы, по которой мы ходили на завод, были недовольны шумом в пять утра и даже отправляли жалобы руководству. Представьте себе, как пятьсот человек в деревянных башмаках маршируют по граниту. В кромешной темноте. Свет включать запрещалось. А потом в шесть утра смена уходила обратно по той же улице и снова шум. Можно было попробовать поспать в утренние часы, но мимо пролетали британские самолеты. Нам было все равно, мы в любом случае не спали».

Несмотря на новую обувь, женщины все еще заворачивались в свои куцые тряпки, которые к тому моменту уже разваливались и приходилось закреплять их веревками и скрепками. Большинство все так же не имело нижнего белья и носков. Если удавалось найти какой-нибудь материал, девушки обматывали им голову и шею, кое-как защищаясь от завывающих ветров. Эту же ткань использовали, чтобы подложить в обувь или замотать обмороженные пальцы ног. Это в том случае, если охранники не отбирали ткань сразу.

Дорога к фабрике и обратно превратилась в пытку, особенно из-за того, что все конечности непрестанно болели от работы и обморожения. Анка вспоминает эти моменты: «Дорога через город была долгой, по пути в нас плевали и выкрикивали оскорбления. А мы шли по этому холоду, без пальто, без чулок... Ужасно». Другая выжившая женщина, Чавна Ливни, вспоминает: «Мы проделывали один и тот же путь в темноте изо дня в день, улицы пустовали. Со временем я запомнила каждый камень на пути, каждый закоулок, из которого ветер дует сильнее. И обратно – снова по темноте, в заледеневшую лачугу с нетопленной печью». Когда пришла зима, дождь превратился в снег, и замерзшие оголодавшие девушки пробирались сквозь слякоть. Рядом с ними шагали офицеры, закутанные в шинели до колена,

в фуражках, на плече покоилась винтовка, а руки в перчатках были спрятаны в карманы.

Благодарный немец, под началом которого работала Рахель, втайне передал ей мягкую хлопковую ткань, которой протирали крылья. На ткани стояло клеймо FreibergKZ. Кто-то смог достать нитки и иголку, и Рахель сшила им с Балой бюстгалтеры. Тот же добрый человек давал им немного еды и башмаки, потому что у них обуви не было вообще. «Он объяснил это тем, что мы можем порезать ноги металлической стружкой и заработать заражение, но мы были уверены – он сделал это, чтобы нам было проще ходить под дождем и снегом».

Леопольдина Вагнер, переводчица из Австрии, нанятая для общения с итальянскими узниками, была одной из тех немногих, кто рисковал жизнью ради заключенных. Она говорила: «У меня содрогалось сердце при виде всех этих женщин, обритых наголо, без теплой одежды в 18-градусный мороз, без носков, в башмаках на окровавленных ногах». Ей было стыдно, что она замужем за немцем. Было страшно видеть измученных и униженных людей, чьи ноги сочились гноем и кровью. Когда она узнала, что единственная их пища – это чудовищный суп, то старалась подsunуть свой кусок хлеба каждому входящему в ее кабинет заключенному. Она отдала свою майку заключенной, у которой не было нижнего белья.

На следующий день офицер СС принес майку обратно и спросил, кому она принадлежит. Девушка испуганно призналась. «Если тебе есть что отдать, то отдавай немцам. Иначе твое имя из фрау Вагнер превратится в тысяча какой-нибудь», – холодно произнес офицер.

Перед лицом такой угрозы Леопольдина Вагнер была слишком напугана, чтобы снова рисковать: «Я пришла в ужас. Ели ты не воешь с волками, то ты одной ногой уже в концлагере». Однако она все же пошла на контакт с молодой венгерской еврейкой по имени Илона, которая, как оказалось, была пианисткой в довоенное время. Фрау Вагнер решила помочь девушке сбежать. «Я постоянно повторяла адрес своей сестры в Австрии, чтобы она выучила его наизусть. Идея заключалась в том, чтобы скрыться в монастыре». С помощью местного католического священника Леопольдина спрятала монашеское одеяние в исповедальне церкви Святого Иоанна в старой части города. Договор был таков, что Илона сбежит от своих надзирателей в следующий раз, когда они пойдут мыться в Arbeitshaus. «Я не знаю, что с ней стало. Но облачение из исповедальни исчезло».

Другие местные жители, такие как семнадцатилетняя Христа Штольцель, работавшие в офисе фабрики, также сочувствовали заключенным. Девушка прятала в урны хлеб и пирог, которые носила с собой на обед, чтобы среди ночи его заметили девушки-уборщицы. Такой поступок считался преступлением, ей грозила смертельная опасность, но желание помочь пересилило страх. Другие тоже делали нечто подобное: старший мастер прятал бинты для перевязки ран, а иногда и конфеты за опорами, на которых держались крылья самолета.

Но большинство ничего не делали – неизвестно, из страха или безразличия. Фрау Вагнер говорила, что местные жители «предпочитают молчать» о лагере. Все знали, что на Хаммерберге стоят бараки, но кто в них живет и мучается – знать не хотели. Стороннего вмешательства нескольких доброжелателей было недостаточно, и тяжелое положение женщин-заключенных лишь усугублялось. Узники спали по трое и больше, под тонким покрывалом, но все равно мерзли, руки и ноги коченели. Холод был постоянным спутником голода, и чем больше ты тратил энергии на то, чтобы согреться, тем сильнее становился голод. Постепенно начали разрушаться душа и тело.

Женщины падали духом, когда видели местных жителей, спокойно занимавшихся повседневными делами. Они смотрели, как дети лепят снеговика и выходят в школу в пальто, шапочках и шарфиках, как мужчины уходят на работу, а жены машут им вслед. «Мы видели, как люди смотрят на нас из окон своих теплых жилищ. Вокруг было до 20 надзирателей, передать нам что-то было практически невозможно, но они даже не пытались. Им было все равно», – вспоминает Лиза Микова.

Герти Тауссиг, которой на тот момент было 14 лет, знала, что ее родителей отравили в Аушвице. «Наблюдать, как полноценные семьи садятся за стол, едят, смеются и живут обычной жизнью, причиняло мне боль. Никто не проявил к нам заботы. Ни единая душа. Мы были призраками. Никто из нас не надеялся уже выжить и вновь заниматься такими же

обыденными вещами».

Однажды 22-летняя немецкая заключенная Ханнелора Кон заметила что-то по дороге на фабрику и остановилась посреди улицы, тем самым затормозив весь строй. Ее мать, светловолосая арийка из Берлина, стояла на углу дома и смотрела, как мимо проходит ее дочь. Один из немецких старших мастеров на заводе по просьбе девушки тайно написал ее родителям, что она жива и находится здесь. «Ее мать переехала во Фрайберг, чтобы просто смотреть два раза в день, как дочь проходит мимо, – вспоминает Эстер Бауэр, которая провела с Ханнелорой почти всю жизнь. – Ее мать каждое утро стояла у ворот, когда мы приходили на работу. Они не могли разговаривать, но Ханнелора знала, что мама рядом».

Герти Тауссиг тоже помнит эту сцену: «Каково матери было видеть ее истощенную дочь и не иметь возможности даже помахать ей». Каждый день на протяжении долгих недель женщина стояла на этом углу, и все, кто ее видел, чувствовали себя лучше.

Заходя в здание фабрики, все могли немного отогреться и прийти в себя, хотя руки беспощадно болели, пока оттаивали. Если на их пути домой или во время вечернего построения шел дождь или снег, то заключенным ничего не оставалось, кроме как лечь спать в сырой одежде. Вода в кранах общественных душевых замерзла. На всех было одно полотенце и маленький кусочек мыла, если повезет. Не было ни зубных щеток, ни расчесок, а волосы отросли и спутались, голова чесалась. У некоторых волосы отрастали уже седыми.

День за днем, без передышки, полуживые узники вынуждены были сражаться с судьбой за право существования. Приска, Рахель и Анка жили в разных бараках, работали в разные смены в разных зданиях и не знали о существовании людей в похожем положении. Каждая из них размышляла о том, сколько времени отведено до того, как откроется правда. Они были не одни. Чешская подруга Лизы Миковой, которой также удавалось скрыть беременность, родила в этих условиях. «Это случилось февральской ночью в бараке Фрайберга. Эсэсовцы убили ребенка. Они забрали младенца, а после она узнала, что он убит». Еще двух женщин, заподозренных в беременности, отправили обратно в Аушвиц.

Их судьба неизвестна, но «их внешний вид едва ли удовлетворил бы доктора Менгеле», – считает Руфь Уппер, проживавшая с мужем в терезинском гетто в то же время, что и Анка. Во время депортаций в 1943 году она была беременна и просила сделать аборт – в тот момент они были под запретом. Руфь отправили в Аушвиц, где ей удалось скрыть свое положение от доктора Менгеле. Позже она убедила одну из надсмотрщиц внести ее имя в список транспортируемых в трудовые лагеря.

Когда подошел срок, ее беременность была замечена во время работ в нефтедобывающей промышленности. Девушку вернули в Аушвиц в августе 1944 года. Менгеле выяснил, как ей удалось уходить незамеченной, и сказал: «Сначала родишь, а потом посмотрим». Через несколько часов после рождения дочери «Ангел смерти» заявил, что хочет узнать, сколько ребенок продержится без еды. Он отдал приказ перебинтовать грудь женщины, чтобы она не могла кормить ребенка. На протяжении восьми дней, с сильнейшим жаром и разбухшей от молока грудью, она беспомощно лежала рядом с дочерью, а Менгеле ежедневно их навещал. Ребенок был уже полумертвым, когда Руфь добыла инъекцию морфина через врача из числа заключенных. Смерть ребенка спасла ее жизнь – девушку отправили в другой трудовой лагерь, где она в итоге осталась жива.

Все три матери во Фрайберге могли бы оказаться на том же месте, если бы кто-то заметил их беременность и их отправили обратно к Менгеле. Не было гарантии пережить даже Фрайберг, когда в последующие месяцы начали умирать заключенные. Сначала это была словацкая девушка, погибшая от сепсиса, полученного после месяца работы на заводе. Ее похоронили в один день с 30-летней немкой, погибшей от скарлатины. За этими двумя последовали еще семь смертей – то были молоденькие девочки и взрослые женщины, умиравшие от пневмонии, болезней сердца, легких и многого другого. Всех их кремировали и похоронили на местном кладбище.

Приска, оголодавшая и изможденная, как и все остальные узники, не позволяла мыслям о смерти подтачивать собственное сознание. Подбадривая себя надеждой на то, что Тибор еще

жив, заставляя себя думать о хорошем, девушка рассматривала рисунок инея на стеклах барака. Она была одной из немногих, кто поднимал голову, чтобы рассмотреть блеск снега или изморозь, покрывшую деревья, как сахарная пудра. Она пообещала Тибору, что они с ребенком выживут, а он ответил, что ради этого он и сам жив. «Я полностью сфокусировалась на муже и ребенке. И не пыталась ни с кем сблизиться... Я так надеялась, что Тибор встретит меня дома, когда я вернусь».

Чем ниже опускалась температура, тем сильнее женщины падали духом, приходили в отчаяние и чувствовали себя брошенными. Все боялись, что холодная зима усугубит и без того невыносимые условия. Лишенные удовлетворения самых основных человеческих потребностей, заключенные худели все сильнее. Их и без того разбитые тела и души грызли блохи, клопы и их собственный моральный упадок. В голове не оставалось места для мыслей, кроме как о еде и выживании в следующий день. «Я не помню ни одного сна. Выживание отнимало все свободное время», – вспоминает Анка.

Для нее и Рахель, проживших в гетто несколько лет до прибытия в лагерь, заключение казалось бесконечным. Что станет с ними и их детьми? Где Бернд и Моник? Живы ли они до сих пор? Анка могла доверить Мицке свои терзания, но даже она могла быть в опасности за одно лишь знание о беременности подруги. Рахель работала вместе с Балой, но не доверила эту тайну ни одной из трех своих сестер, чтобы не подвергать их риску.

Сале и Эстер достались работы в секретариате завода, что означало лучшее питание, одежду и относительный комфорт. «Мы начали собирать самолеты, но офицер СС подошел ко мне и спросил на немецком: “Где твоя сестра?” Мы всегда были с ней вместе, но я испуганно уставилась на него, соображая, откуда он узнал, что мы сестры. Офицер приказал следовать за ним на другой конец фабрики. Он продолжал говорить со мной на немецком: “Умеешь читать и писать?” Он оставил нас в офисе с планами самолетов, и мы были в безопасности там все восемь месяцев. Нам очень повезло. Работа была не тяжелой, у нас бывали выходные по воскресеньям. Когда начиналась бомбардировка, они брали нас с собой в бункер. В той части завода было холодно, но мы оборачивались газетами, это помогало».

После рабочей смены в секретариате Сала и Эстер присоединялись к остальным девушкам на пути домой, где встречали Рахель и Балу и старались друг друга приободрить. «Нам помогало то, что мы делились переживаниями. Особенно это важно было для женщин, которые находились на грани. Мы говорили, что завтра все наладится. Всегда завтра», – говорит Сала.

Женщины, несмотря на голод, продолжали создавать воображаемые пиры и проговаривать рецепты. Распространенной игрой было «пригласить» друзей додумывать еду и якобы общаться во время ее приготовления, а потом набивать капризные животы причудливыми блюдами. Другой такой игрой было «что съесть первым делом, когда вернешься с войны» – это волшебное, мистическое место под названием «потом» никто не мог с точностью определить. Извечным победителем в этой игре был толстый кусок хлеба с маслом, но девочки помоложе чаще выбирали сладости. Самое большое количество голосов часто зарабатывал картофель, приготовленный всеми возможными способами (особенно любили жареный).

Те, кому до этого всю жизнь готовили матери или служанка, говорили, что готовить научились именно во Фрайберге, просто слушая список ингредиентов изысканных блюд, которые помогали отвлечься. Часто это развлечение принимало формы самоистязания, слишком сильно напоминая о матерях и бабушках, уютной жизни «до», семейных ритуалах: соблазнительный запах свежеспеченного хлеба, аромат свежего кофе, запах и ощущение от лавандового мыла. Взглянув на свои покрытые сажей руки, девушки почти смеялись.

«Внезапно мы говорили: “Все, хватит об этом!”», но через полчаса начинали сначала. На еде сходились все наши мысли – постоянно. Мы всецело были поглощены этими мыслями. Мы скучали по мясу и пельменям, таким обычным вещам, как бутерброд с ветчиной. Я часто говорила, что если бы я могла поесть картошки с хлебом, то больше бы никогда ничего не просила», – говорит Лиза Микова.

Однажды Герти Тауссиг нашла целую сырую картофелину и поделила ее с лучшей подружкой. «Мы порезали ее тонкими кольцами и сразу съели. Казалось, ничего вкуснее я в жизни не пробовала. Я сказала себе тогда: “Если выживу, только этим и буду питаться”. Картофелина очень быстро кончилась».

Помимо потери веса, плохое питание сказывалось на всех аспектах женского здоровья, но они не получали ни лечения, ни даже сочувствия. Клара Лефова страдала от зубной инфекции. «Сначала никто и внимания не обратил, но через несколько дней лицо опухло и затвердело, так что я не могла открыть глаза. Комендант лагеря привез меня к городскому дантисту. Я должна была идти впереди него, а он сзади подгонял меня штык-ружьем. Наблюдавшие за нами думали, что был пойман самый серьезный шпион на свете». Дантисту было приказано делать все необходимое и не тратить время на анестезию, потому что Клара была заключенной. Офицер СС хотел оставаться рядом и наблюдать, но врач прогнал его, объяснив, что там слишком мало места для работы. «Я вошла в кабинет, там было тепло, а врач был вежлив. Из глаз сами собой покатались слезы. Он спросил меня, плачу ли я от боли. Я честно ответила: “Нет, слезы от того, что со мной давно не обращались, как с человеком”. Он использовал новокаин, но попросил сказать шарфюреру, если тот спросит, что было очень больно. Я все поняла. Он позволил мне просидеть там больше часа. Я наслаждалась каждой минутой и с удовольствием пришла к нему через неделю на ненужную проверку».

Такое сочувствие было редкостью, и большинство изо дня в день ожидали смерти. Изначально казалось, что ничего страшнее Аушвица нет, но потом они поняли, что и во Фрайберге нужно изо всех сил стараться, чтобы выжить. «Мы обречены на смерть, – говорили некоторые женщины, – но так хотели жить!» День за днем их никто не спасал, и уже стоял вопрос не «если», а «когда» они умрут. Если не от голода и рук надсмотрщиков, то от непрекращающихся бомбардировок.

На заводе была полная женская смена, включая Приску, Анку и Рахель, когда британские самолеты начали бомбардировку Дрездена, в 40 километрах от Фрайберга. Серия налетов была спланирована с 13 по 15 февраля 1945 года воздушным маршалом Артуром Харрисом. Большинство жителей Дрездена были уверены, что на город не будут сбрасывать бомбы из-за его культурного и исторического статуса. Мало кто знал, что на шестую зиму войны город был избран нацистами в качестве ключевой локации на линии защиты, пролежавшей от Праги до Гамбурга, что ставило город под прицел союзных войск.

Прошло 6 лет с тех пор, как Гитлер отдал приказ о стратегической бомбардировке таких польских городов, как Велюнь и Варшава, предшествовавшей опустошительным рейдам в Голландии, и 4 года с момента осуществления блицкрига, который унес жизни 20 000 человек с сентября 1940 по май 1941. «Блиц» на британскую столицу длился 76 ночей и разрушил более миллиона домов. Практически в то же время порт Ливерпуля и прилегающие территории подверглись серии бомбардировок с августа 1940 по май 1941, во время которых было убито 4 000 человек. Британский город Ковентри стал целью 18 рейдов операции «Mondscheinsonate» (Лунная соната); самая разрушительная бомбардировка состоялась 14 ноября 1940 года. Более 500 немецких бомбардировщиков атаковали город той ночью пятью сотнями тонн фугасных бомб и зажигательных смесей с целью разрушить фабрики. Было сметено более 4 000 домов – две трети города. Сотни людей погибли, больше тысячи получили ранения, и это в дополнение к тем, кто попал под предыдущие бомбардировки. В последующие годы продолжающиеся налеты отнимут жизни в общей сложности 1 236 человек.

Союзные войска отомстили за эти атаки во время налетов на Германию, оккупированную Польшу, Гамбург и Берлин, Пфорцхайм, Свиноуйсьце и Дармштадт, и в большинстве случаев с такими же чудовищными потерями. Дрезден, известный шедеврами архитектуры в стиле рококо и барокко, был очень противоречивой целью. Первые бомбы упали на город после пятичасового полета из Линкольншира бомбардировщиков «Ланкастер», это случилось приблизительно в 10 часов утра 13 февраля 1944 года. Всех жителей оповестили об опасности атаки с воздуха. СС заперли большинство своих узников, включая Приску, Анку и Рахель, на

верхнем этаже завода, который вполне мог стать целью бомбардировок. Потом им удалось спрятаться в подвалах вместе с заводскими мастерами и гражданскими.

Женщинам приказали завесить окна и убрать все источники света, чтобы их не заметили, но те не послушались, не удержавшись от соблазна посмотреть на 700 бомбардировщиков, пролетающих почти над головой. Иногда они видели, как самолет кружит над фабрикой будто бы в пробном заходе, и думали, что следующая бомба может быть адресована им. «Мы бы и хотели, чтобы на нас сбросили бомбу, тогда бы завод не работал над этим военным проектом. Но этого не произошло», – говорит Анка.

Рахель тоже помнит те ночи бомбардировок Дрездена, когда девушки кричали: «Летите сюда! Летите и взорвите нас! Все равно умирать!» «Мы уже были уверены, что никто из нас не выживет. Это был вопрос времени. И только когда начали бомбить Дрезден, мы поняли, что еще можем спастись».

Сторожа, выставленные у двери, чтобы девушки не пытались сбежать, жаловались, что должны идти на такой риск. «Нам приказали не выглядывать из окон и не делать знаков, привлекающих внимание пилотов. А мы веселились, и это их страшно бесило», – говорит Лиза Микова.

Столица Саксонии была достаточно далеко, но ночное небо озарялось всполохами огня, уничтожающих город. За время бомбардировки погибло 25 000 жителей Дрездена, а небо горело красным светом от огненного смерча, подчистую уничтожившего 6 квадратных километров города. «Это было самым восхитительным представлением, что мне приходилось наблюдать – мы видели бомбы, вспышки, отражавшиеся в небе, и изо всех сил проклинали немцев. Это было... неподражаемо. Мы испытали удовлетворение. После войны все плохо говорили о Харрисе, но для меня он был святым».

На следующий день прибыл старший мастер и сообщил, что от старого города не осталось камня на камне, досталось каждой семье. Герти Тауссиг ответила, что «ей не жаль людей, которые голосовали за Гитлера. Жаль архитектуру». Рахель вспоминала разговор с одной из охранниц: «Та сказала мне, что все они были очень расстроены. Ведь это их город и их люди. Заключение предупредили, что если кто-то будет веселиться по этому поводу или хотя бы просто посмотрит в окно, то сразу получит пулю». Рахель как можно скорее распространила эту новость, чтобы заключенные поубавили свой восторг.

Первая атака на Дрезден произошла в ночную смену. Самолеты прилетели и на следующий день – и сбросили на город 700 тонн бомб. На третий день атаковали окрестности и нефтеперерабатывающее производство. «Боевые действия можно было читать по огненному зареву. Все чудовищно горело. Честно признаться, мы не испытывали жалости. Мы думали: “А как же наши родители и мужья? Кто все это начал?” Мы не сжалились, даже понимая, что там погибают женщины и дети. На следующий день надзиратели приходили в ярость и отрывались на нас – раздавали пинки, удары, не пускали в уборную».

Внезапное бегство людей со всеми вещами из Фрайберга в Дрезден подарило девушкам на фабрике надежду. Над головой было так много союзных бомбардировщиков, что снова можно было думать о спасении. Они не возражали, когда их отправили на улицы расчищать завалы. Было приятно видеть все эти разрушения. Рахель расстраивало, что британцы не разрушили железную дорогу: «Почему они не разбомбили пути и сами поезда? Тогда больше никого бы не отправили в концлагерь!»

К 31 марта 1945 года дальнейшие налеты союзных войск разрушили пути поставок материалов на завод. Не осталось больше топлива для станков, а электропроводка пришла в негодность. Все работы были остановлены. Несогласные терять работу офицеры приказывали заключенным «продолжать работать», и те начали делать из металлических пластин ножики, которыми срезали самую вкусную еду на свете – траву. Наступила весна, растаял снег, и можно было в любой момент нагнуться и схватить траву по пути к фабрике. Другие заключенные делали себе алюминиевые расчески. Несмотря на то, что некоторых после Аушвица снова побрили, клочки волос успели отрасти, а аксессуары напоминали о некогда цивилизованной жизни.

Герти Тауссиг была знакома с девушкой, которая стала одержима своей расческой и все время носила ее при себе в страхе, что кто-то ее украдет. Во время построения надсмотрщик заметил расческу в руке девушки и отобрал. «Зачем тебе это?» – рявкнул он. «Вычесывать свои прекрасные локоны», – ответила девушка и провела рукой по пушке, который едва покрывал голову. В этот момент даже охранник не удержался от смеха, но расческу не отдал.

На одном из утренних построений, которые всегда проходили в ненужной суете, Приска – на девятом месяце беременности и совершенно ослабевшая – поздно встала в строй. Она двигалась медленно из-за опухших лодыжек и на трясущихся ногах, охранник остановил ее вопросом: «Почему ты опаздываешь?» Приска чуть улыбнулась: «Мое опоздание вряд ли разрушит рейх».

В ответ на ее высокомерие солдат ударил ее, она упала и свернулась клубком, защищая живот. Побой могли кончиться для них смертью. Когда надзиратель остановился, к ней бросились девушки, чтобы помочь подняться. Приска чувствовала во рту привкус крови, но постаралась улыбнуться: «Все в порядке, пусть лучше так, чем пристрелят». Утвердившись в своей вере, девушка прошептала своему ребенку: «Я знала, что ты выживешь».

Весна прогоняла зимний воздух, женщины уже слышали пение птиц и видели зеленеющие кроны деревьев. Пошел шестой год жизни под нацистским каблуком, заключенные размышляли о дальнейшем развитии событий. Большинство из старших специалистов отправились на фронт, и когда девушкам приказали разбирать станки для перевозки на другой завод, они не знали, бояться им или радоваться. Слухи быстро разлетелись. Их «ликвидируют»? Пристрелят, прежде чем эсэсовцы уйдут? Или их отправят вместе с оборудованием? Больше всего они боялись попасть обратно в Аушвиц. Им было неизвестно, что русские освободили лагерь в январе, вместе с Трешлиной, Белжецом и Собибором.

Узники сдали инструменты, после чего их заперли в бараках. Некоторым приказали делать бессмысленные вещи (например, перетаскивать камни с места на место), просто чтобы создать видимость занятости. Так как они больше не работали, рейх сократил их паек. Заключенным выдавалось 200 граммов хлеба каждый день и половина порции безвкусного супа. «Они аргументировали это тем, что если ты не работаешь, то и есть тебе особенно не надо. Хлеб все еще давали каждый день, а вот суп уже раз в два дня. Это было жестоко. Мы уверились в мысли, что нас убьют», – говорит Лиза Микова.

Помимо веса, который женщины потеряли за все это время, они начали терять мышечную массу и окончательно ослабли. Серая кожа, туго натянутая на кости, шелушилась и покрывалась волдырями. Они тяжело и прерывисто дышали. Руки и ноги опухли, и было почти невозможно ходить. Температура тела снизилась, они постоянно дрожали от холода и боялись любой инфекции. Но на протяжении всего пребывания в лагерях женщины держались вместе и подбадривали друг друга. У Приски были Эдита и Магда Грегорова, жена знаменитого словацкого актера Мартина Грегора. С Рахель были сестры, у Анки – Мицка и другие пражские подруги, в том числе Клара Лефова и Лиза Микова. «Когда мы вместе работали у станков днями напролет, то цитировали поэзию и много разговаривали, пока офицеры не начинали кричать: “Не болтать!” Мы пытались и в бараках говорить, вспоминать фильмы, книги, истории из жизни. Иногда это помогало, но часто люди начинали плакать со словами: “Заткнитесь, пожалуйста, слишком домой хочется”. В то время действительно было ужасно тяжело думать о доме».

Так они прождали несколько следующих дней, пока немцы суетились и думали, как поступить. У женщин по-прежнему не было никакой связи с внешним миром, так что они не знали ни о Рурской операции, которую выигрывали союзные войска, ни о взятии Кельна и Гданьска. Не знали они и о развернувшейся пропаганде союзных войск, которые забрасывали Германию и Австрию листовками, где говорилось, что Гитлер проиграл войну. Женщины были безнадежно голодны и напуганы. Никто не представлял, что произойдет дальше, но напряжение росло и начинались ссоры.

В апреле 1945 года во время утреннего умывания одна из женщин заметила, что Приска

беременна, и впала в истерику. Эта женщина на протяжении всей войны умудрялась сохранять фамильные бриллианты и была в ужасе от мысли, что их найдут, особенно если это будут солдаты. «Ты нас всех убьешь! Наша смерть будет на твоей совести!» Она настолько перевозбудилась, что на крик сбежалась охрана. «Она беременна!» – закричала женщина, тыча пальцем в Приску.

Девушка замерла, сердце ухнуло.

«Это правда? – спросила одна из надсмотрщиц, скептически оглядев отощавшую Приску, которая весила чуть больше 30 килограммов. – Ты беременна?»

«Да», – прошептала Приска, готовясь получить пулю.

Охранницы посмотрели друг на друга и закачали головами от недоверия. Возникла длительная пауза. Одна из охранниц спросила: «Когда рожать?» – «Скоро. Очень скоро».

Охранницы ушли, чтобы посоветоваться, а Приска легла на свою койку. Новость о ее положении быстро разлетелась среди работниц, которые стали ее заверять, что все обойдется. Проходили дни, все вернулись к своей рутине. Однажды к Приске подошла надзирательница и тихо спросила: «Что тебе нужно?»

К тому моменту самым страшным испытанием была боль в ногах, которые отекали, запекались в крови и гное. Она едва могла ими шевелить. «Я бы не отказалась от теплой ванночки для ног». К ее удивлению, принесли горячую воду. Под завистливые взгляды других заключенных она сидела в своей драной одежде, полной вшей и прочей живности, расслабляя ноги в импровизированном спа, «как королева». Вода была очень горячей, настоящее блаженство!

«Люди были добры ко мне, испытывали жалость, потому что никто не верил, что ребенок родится живым или просто нормальным». Она понимала, что неожиданная смена настроений среди надсмотрщиков была корыстной, но принимала их заботу. «У нас с мужем были такие прекрасные отношения, я хотела этого ребенка вопреки всему».

Беременность Анки тоже была раскрыта к тому моменту, но не чешским врачом, которая была достойна доверия, а другими заключенными, заметившими живот сбоку. «Я с каждым днем становилась все тоньше и тоньше, а живот рос и рос. Некоторые охранники это заметили. Если бы о беременности узнали раньше 18 января, меня бы отправили в Аушвиц, но тогда он был уже разрушен. Меня больше некуда было ссылать. Тогда я этого еще не знала. Мне пришлось признать свою беременность, когда меня спросили. Я не могла этого отрицать, а им некуда было меня отправить».

Анка была болезненно худой, но грудь росла и наливалась молоком, становилась тяжелее и доставляла неудобства, особенно во время марша два раза в день. Мицка нашла нитку и иголку и сшила из кусочков ткани бюстгальтер. Это была любительская попытка, выглядел он необычно, но Анка была так благодарна за поддержку, что носила его до самого конца войны.

Беременность Рахель, которую она скрывала от сестер все девять месяцев, тоже была раскрыта одной из заключенных. «Ты знаешь, что Рахель беременна?» – спросили у Балы.

«Нет! Ты с ума сошла? Я же с ней на одной кровати сплю!»

«Быть того не может!» – воскликнули в унисон Эстер и Сала. Они работали в разные смены и в разных зданиях, но все же видели Рахель в бараке и ничего не замечали. Когда сестры убедились в том, что это правда, они перепугались, потому что Рахель совершенно обессилела и проводила почти все время в медпункте. «Мы долго не могли поверить, ведь это просто ужасно – жить беременной в таком месте!» – говорит Сала.

«Для меня не нашлось ни единой лишней крошки, и никто не мог мне помочь», – говорит Рахель. Она старалась не думать о том, что может случиться с ней и ребенком.

Несколько дней спустя немец, работавший с Салой, подарил ей апельсин. «Они боялись нам помогать, но, несмотря на это, он все же принес мне прекрасный фрукт. Я уже давно не видела и не нюхала ничего вкуснее. Хотелось, конечно, оставить его себе, но я спрятала апельсин в платье и принесла для Рахель и малыша. Им было нужнее».

К тому моменту уже почти никто не работал и все собирались в бараках, оцепеневшие от постоянного голода. Они могли слышать артобстрел и знали, что союзные войска уже

близко, но все еще неясно было, начнут ли эсэсовцы паниковать и убивать всех подряд. Некоторым было уже все равно.

На следующий день после ванночки для ног, 12 апреля 1945 года – день, который она давно вычислила – у Приски Левенбейновой начались схватки. Она закричала, потому что казалось, что ее разрывает на части. Ей помогли добраться до лазарета и положили на деревянную скамью. Девушка сражалась с болью рождения первого ребенка, которого она смогла выносить, а доктор Маутернова делала все возможное в условиях отсутствия обезболивающего и стерильных инструментов.

Каждый раз, когда Приска поднимала голову, чтобы набраться сил и справиться со следующим спазмом, она видела больше 30 наблюдателей, столпившихся в дверях. Там были и офицеры СС, и старшие мастера, и даже староста лагеря. Некоторые делали ставки на пол будущего ребенка. «Они говорили, что если будет девочка, то война скоро кончится, а если мальчик – то будет продолжаться еще долго».

Пока они препирались насчет пола ребенка, Приска переживала приступы ни с чем не сравнимой боли. После нескольких часов мучений, в 15.50, Приска родила дочь. Девочка была тощей и бледной, как мать, а количество крови, которую Приска потеряла во время родов, почти убило ее.

«Это девочка! Девочка! – счастливо закричали немцы. – Война скоро кончится!» Один из сторожей воскликнул: «Это сам дьявол!».

Ребенок, вопреки всему проживший девять месяцев в истощенном чреве Приски, появился на свет, прижимая измазанные в крови кулачки к голове, и на мгновение даже Приске показалось, что это рога. Наблюдающие пришли в ужас, а Приска была измождена сильнее прежнего. Она была рада, что наконец-то родила, но боялась, что ребенок родится неполноценным. Голова девочки была намного больше остального тела, но так казалось потому, что тело было совсем маленьким и хрупким – ребенок весил полтора килограмма. Приска поняла, что с ребенком все в порядке, и пожалела, что Тибора нет рядом, чтобы разделить это радостное событие, а потом уже испугалась того, что теперь с ними сделают.

До этого момента дочь была надежно спрятана в ее утробе. А теперь это был требовательный, незащитный, голый ребенок – в окружении нацистов. Девочка была слишком слаба, чтобы кричать, и едва шевелила руками и ногами. Когда врач наконец отрезала пуповину и запеленала ребенка во все, что только смогла найти, Приска наконец смогла впервые взять на руки свою новорожденную дочь. У ребенка едва ли был подкожный жир и мускулы, поэтому кожа на ее ножках висела, как носки. Тощее личико было таким сморщенным, что ребенок был «страшен как смертный грех», но глаза были большими и синими, как у ее отца.

«Моя Ханка», – произнесла Приска, и на ее глазах выступили слезы, когда она вспомнила их с Тибором разговор в темном вагоне, направляющемся в Аушвиц: Ханка – если девочка, Мишко – если мальчик. Она взглянула на круглую головку ребенка, и губы сами собой растянулись в улыбке.

«Думай только о хорошем», – сказал Тибор, прежде чем они расстались на вокзале Аушвиц II-Биркенау. Эти слова остались навсегда в ее сердце. Во Фрайберге Приска решила, что если будет по дороге на фабрику и обратно смотреть только на красивых детей, то ее ребенок не только выживет, но и будет красивым. В то время, как все остальные заключенные смотрели под ноги, она жадно выхватывала глазами образы светловолосых малышек с голубыми глазами. Приска молилась, чтобы у ребенка был не еврейский нос, а слегка курносый, чтобы он унаследовал больше от польской внешности отца.

И это сработало. Ханка оказалась именно такой, как хотела мать. Зачатая с любовью в семейном гнездышке в Братиславе, малышка пережила нацистскую оккупацию, все невзгоды Аушвица, чудовищную зиму, шесть месяцев шума, насилия, голода и тяжелого труда и появилась на свет в разбитой войной Европе. Своим рождением она давала надежду на лучшую жизнь обеим сторонам конфликта. «Это был самый красивый ребенок, которого я видела, – сказала Приска о маленьком мешочке костей, обтянутых кожей. – Мы через многое

прошли и все еще живы!» Она понимала, что не справилась бы без заботы Эдиты, которая была рядом на протяжении всего этого долгого и трудного пути, и поэтому девочку назвали Ханна Эдита Левенбейн, сокращенно «Хана» или «Ханка».

Боль во время схваток и потеря крови забрали почти все силы, что оставались у Приски, и она почти без сознания откинулась на стол. Ребенок был невесомым, подкожного жира почти не было, а значит девочке грозила гипотермия. Доктор Маутернова не могла предложить большей медицинской помощи, поэтому не была уверена, выживут ли мать и дитя. Следующие 24 часа Приска и Ханка проспали, а иногда просыпаясь, мать поднимала пальцем кончик носа дочери, чтобы он рос еще более вздернутым.

Война была близка к завершению как никогда, последовали некоторые облегченные правила жизни, и к новоявленной матери пустили подруг, а Эдита расплакалась, узнав, что ребенка назвали в ее честь. Женщины сложили запасы варенья, разбавили водой, чтобы покормить ребенка, и принесли в самой чистой кружке, что могли найти. Они нашли мягкую хлопковую ткань с клеймом KZ Freiberg и сшили Хане кофточку с расшитой, как у Питера Пена, горловиной и чепчик с синей каймой и розовыми цветочками. Эти вещи Приска сохранит навсегда.

Ее посетительницы сказали, что Франклин Рузвельт скончался от обширного кровоизлияния в мозг в тот же день, когда она родила. Американскому президенту, пришедшему к власти в одно время с Гитлером, было 63 года. Одна из заключенных услышала, как охранники сообщают друг другу эти «хорошие новости». Все боялись, как бы война не затянулась.

На второй день жизни, недокормленная Хана «набросилась» на материнскую грудь. «Она буквально все выпила, хотя это было не молоко, а скорее вода. Хана была прекрасным ребенком. Попила и засыпала». Какая бы ни была еда у Приски, она отдавала ее ребенку, что еще сильнее истощало мать, а Ханка даже после кормления оставалась бледной, вялой и жалобно хныкала.

Приска проснулась среди ночи 14 апреля, 36 часов спустя после родов, потому что ее тряс унтершарфюрер, чтобы сказать, что в течение часа нужно быть готовыми к эвакуации. Это означало, что их с ребенком не застрелили во сне, не бросили умирать в лазарете одних, а значит есть еще шансы. «Советские войска пришли освободить город, и немцы пытались сбежать и забрать нас с собой».

Нацисты эвакуировали лагерь за лагерь по всей Европе с декабря 1944 года. Понимая, что они проигрывают войну в ходе боевых действий, немцы решили не проигрывать у евреев и продолжить их истребление. Тысячи людей отравили и сожгли, кого-то расстреляли перед тем, как эвакуировать лагерь, но были и такие, кому была приготовлена иная судьба. Высокие нацистские чины были уверены, что вне зависимости от исхода войны им пригодится рабский труд для восстановления рейха. Гитлер и Гиммлер планировали отход высших чинов командования в Alpenfestung— «альпийскую крепость». Она должна была находиться на территории, простирающейся от Баварии через западную Австрию до северной Италии.

Заключенные могли понадобиться для защиты региона, и было принято решение перевезти всех, переживших лагерь, на юг рейха. Людей, с которыми нацисты собирались разделаться позже, отправляли на поездах, но многие станции и пути были разбиты, потому что они отправились пешком. Столь длительный переход посреди холодной зимы ускорял «отбор», где выживали только сильнейшие.

За последние шесть месяцев войны 300 000 из 700 000 выживших в концлагерях узников были обречены на смерть. В январе из Аушвица вышли 60 000 узников, чтобы проделать путь в 40 километров до железнодорожной станции, которая доставит их вглубь Германии, но в пути от голода, обморожения и усталости погибло 15 000 из них. В дальнейшем люди умирали от тех же невыносимых условий, а самых слабых, по мнению нацистов, расстреляли.

Женщинам фрайбергского лагеря ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Даже Приске, которой ни в коем случае нельзя было двигаться так скоро, а ребенка следовало бы поместить в инкубатор.

Рахель, в таком же плачевном состоянии, вскочила с кровати, чтобы предупредить сестер об эвакуации. «Я была слишком слаба. Я ничего не могла делать, и уж тем более рожать. Но в ту ночь я услышала, что нас уводят. Я должна была действовать и побежала к сестрам, чтобы сказать: “Собирайтесь, мы уезжаем”». Немцы оставались организованными и дисциплинированными до последнего, узникам приказали уничтожить любые свидетельства их пребывания здесь. В последний раз они прошли по городу в колонне по пять. «Они не знали, куда нас вести. Им приказали убрать нас оттуда, потому что русские близко».

Лизу Микову поразила скорость, с которой убирали бараки. «Отъезд был внезапным, и всегда ночью. Они говорили: “Собирай миску, ложку и покрывало”, и мы организованно двинулись в сторону станции. Тогда мы еще не знали, что Аушвица больше нет, и больше всего на свете боялись снова туда попасть». Стояла глубокая ночь, но казалось, что весь город был мобилизован в то время, как советские самолеты угрожающе кружили над головами. Вместе с узниками, уезжавшими на юг, большинство местных жителей хватало самое ценное и бежали на станцию. Неизбежный приход Советской армии пугал их больше британских самолетов.

Приска с ребенком и 35 другими женщинами последними покинули фрайбергский завод. «Мы продвинулись на несколько сот метров под дождем и поняли, что дальше идти не можем. Надсмотрщики посоветовались и приказали нам двигаться вперед, бросив лежать тех, кто упал. Все были убеждены, что мы идем на казнь. Все плакали и прощались», – вспоминает Приска.

Вместо того, чтобы расстрелять на глазах у всего города, СС посадили женщин в военный грузовик и увезли. Малышка Ханна была так слаба, что едва могла плакать и шевелить руками, даже когда кожа начала покрываться волдырями. Чтобы сохранить тепло, Приска спрятала дочь под платьем и изо всех сил прижимала к себе. Женщины в грузовике не представляли, куда они направляются, но некоторые из них подозревали, что их везут на расстрел. Другие, в виду слухов о Хелмно, считали, что их отравят выхлопными газами. Приска прижимала к сердцу дочь и молилась. «Я верующая, поэтому убеждала себя в том, что на все воля Божья. Он знал, где я смогла родить, поэтому помогал мне».

Русские подходили к Фрайбергу с одной стороны, американцы – с другой, времени было катастрофически мало, но грузовик внезапно остановился и долго стоял без очевидных на то причин. В конце концов, мотор снова заревел, и в следующий раз они остановились уже на станции, где были встречены прочими заключенными, с которыми, казалось, попрощались навсегда.

Практически все поезда на территории оккупированной Европы были заняты транспортировкой боеприпасов и отрядов на линию фронта, а поездов для гражданских не было предусмотрено. Единственный оставшийся транспорт, на котором можно было перевезти 990 заключенных женщин и нескольких узников-мужчин, – это полувагоны и вагоны для перевозки скота. В некоторых из них до этого возили антрацит, и там оставался толстый слой сажи высотой по щиколотку. В других возили животных и людей, в третьих – продовольствие. В последних по полу был разлит сок лайма, который жег израненные ноги.

На открытом воздухе было мокро и холодно, а когда женщин рассадили по открытым вагонам, от 60 до 80 человек в каждый, начался дождь со снегом. Им не оставалось ничего, кроме как жаться друг к другу, прикрываясь своими тонкими покрывалами. Придерживая друг друга и приподнимаясь на мыски, они могли видеть происходящее снаружи. Ко всеобщему разочарованию, почти в каждом вагоне находился охранник, который следил за тем, чтобы заключенные не выглядывали из вагона и не пытались сбежать. Поддавшись панике, все начали задаваться вопросом, куда же их везут. Одни кричали, что их везут на подпольные заводы боеприпасов и там похоронят заживо. Другие – что они едут в концлагерь Флоссенбюрга в Баварии (куда направляли многих узников в тот период) и их истребят, как насекомых. Какой толк СС от оголодавших полумертвых женщин, неспособных к тяжелому физическому труду в гранитных карьерах?

Приска сосредоточилась на том, чтобы пережить несколько следующих часов. Изо всех сил она старалась уберечь новорожденную дочь, для чего сжалась на покрытом золой полу и

надвинула чепчик малышке на глаза.

За несколько вагонов от нее находилась Рахель – подходило время родов, и она была настолько слаба, что ее поместили с умирающими. Единственным утешением стало то, что в этом вагоне было меньше людей, чем в остальных, и можно было лечь на пол. Так они и ехали, «как селедки в банке». Никто, кроме ее сестер и нескольких женщин, не знал, что она ждет ребенка. Мало кто был в курсе рождения Ханы. У всех были заботы поважнее, например, остаться в живых.

Анка, «ходячий скелет в тряпье» на девятом месяце беременности, была в одном из полувагонов вместе с Мицкой, которая была едва ли в лучшем состоянии, чем будущая мать. Они были до смерти напуганы и горячо молились о том, чтобы не попасть в конце этой дороги снова в Аушвиц. Когда поезд тронулся на рассвете, они изо всех сил хватались за стены, чтобы удержать равновесие.

Извергая клубы черного дыма, тяжеловесный локомотив увозил свой изможденный груз из осажденной Германии в неизвестном направлении.

Поезд

Никто из находящихся на платформе Фрайберга промозглым утром в апреле 1945 года, вероятно, не обратил внимания на грузовой поезд, плавно отъезжающий от платформы. Как при любом другом отбытии, регулировщик держал неяркий фонарь, начальник станции свистел или взмахивал флагом, чтобы показать, что поезд трогается, машинист открывал регулятор пара, а рабочие закидывали уголь в топку.

Единственным признаком того, что это не обычный поезд для перевозки амуниции или продовольствия, были мелькающие в полувагонах головы самых высоких из узников. Однако перепуганные немцы, снующие по станции в поисках спасения, не замечали этого и уже тем более не знали о существовании ребенка двух дней от роду и еще двоих, которым предстоит родиться в ближайшее время. В любом случае это бы мало их волновало.

В распоряжении Третьего рейха находилось 12 000 локомотивов с грузовыми и пассажирскими вагонами и железная дорога протяженностью в 100 000 километров, которыми владели Deutsche Reichsbahn (Германская имперская железная дорога) и некоторые государственные министерства. Помимо основной задачи по перевозке солдат, топлива и военного оборудования, поезда на всей территории оккупированной Европы исполняли основной приказ Гитлера – Endlösung – окончательное решение еврейского вопроса. Поезда перевозили миллионы людей, обреченных на смерть и рабский труд.

Переполненные вагоны, направленные на удовлетворение запросов требовательных газовых камер, въезжали сквозь огромные деревянные ворота. Это стало излюбленным способом транспортировки «лишнего груза» – так нацисты часто называли заключенных для поддержания своего всеохватывающего мифа. Суть «сельди в банке» заключалась в том, что из вагонов узники могут выбраться только мертвыми. Эти составы заслужили свое звание самого эффективного и самокупаемого средства – один такой поезд перевозил до 1 000 «штук», тем самым отработывая издержки самой поездки.

Немецкие железнодорожники выделяли вагоны третьего класса при перевозке более 400 пассажиров, и цена такого путешествия составляла 1 пфенниг за километр с человека. Эти расходы возмещались из средств заключенных, если у них были ценные вещи, или вычитались из их «зарплат». Дети до 4 лет ехали на смерть бесплатно, дети до 12 лет – за полцены. Конечно же, все билеты были в один конец.

Путешествия, подразумевающие максимум страданий, могли занимать от нескольких часов до нескольких дней. Самым длительным путешествием стала транспортировка из Корфу (Греция) в июне 1944 года: она заняла 18 дней. Когда открылись двери по приезду в Аушвиц, несколько сотен людей были мертвы, остальные умирали, поэтому сразу были отправлены в газовые камеры.

Организация ГИЖД также предоставляла сопровождение для заключенных, однако у

сопровождающих был обратный билет. Когда вагоны были заполнены узниками, сопровождающие занимали свое место в кабине проводника, которая всегда присутствовала в поездах дальнего следования, или в специальных меблированных вагонах. Иногда они передвигались в обычных пассажирских вагонах, прицепленных к основному составу, и лишь немногие из них ехали в вагонах с узниками. Но даже со всеми удобствами мало кто хотел работать проводником. Часто после двенадцатичасовой поездки из Терезина в Аушвиц солдаты падали духом и говорили, что лучше было бы пойти на фронт.

Комендант чешского поезда Адольф Филиппик, сопровождавший узников, пережил нервный срыв и не смог продолжать исполнять обязанности после того, как доставил свой груз. В Колине, в 50 километрах от Праги, машинисты и комендант поезда сломались под давлением тех же обстоятельств и не смогли вернуться к своей «необычной службе». На том поезде они достигли города Чешский Брод, после чего их госпитализировали. В подобных случаях на место машинистов приходили офицеры СС.

Кроме подобных случаев на этом высокоэффективном и кровожадном производстве, остальные грузовые составы продолжали работать без проволочек: прибывали, вычищались, отбывали. В некоторых вагонах имелись металлические кольца и веревки для привязывания скота, которыми пользовались некоторые узники, предпочитая смерть неизвестности. Если бы в тех же вагонах перевозили домашний скот, то условия были бы в разы лучше – в вагоне оказались бы сено и вода, чтобы минимизировать дискомфорт животного. Но таких поблажек врагам рейха не делали.

Мощные *Kriegslocomotiven*, военные поезда, стали символом нацистского доминирования. Именно они перевозили большинство узников. По сути, именно они сделали возможным план Гитлера по «окончательному решению». Под присмотром нацистов работники каждой оккупированной нации водили и заправляли поезда, размахивали флагами и тем самым играли свою роль в деле рейха. Люди, которым угрожали расстрелом за помощь заключенным, не только способствовали эффективности, но и стали невольными подельниками индустрии смерти.

Некоторые государственные деятели пришли в ужас, узнав правду о «специальном грузе», проходящем по их местности, и запретили проезд. К сожалению, для узников это значило либо отправиться обратно в свой лагерь, либо умереть на том же месте. Но большинство поездов все же достигало цели.

Из-за шума мотора машинисты могли не слышать непрекращающиеся крики и мольбы людей, заключенных в вагонах, но они абсолютно точно слышали эти крики во время остановок, когда они пережидали бомбардировку с воздуха или пропускали более важные поезда вперед. Во время многочисленных остановок офицеры СС травили заключенных, предлагая воду и еду в обмен на драгоценности, но на деле просто отбирали вещи, ничего не дав взамен.

Все сотрудники станций и поездов вынуждены были задерживать дыхание из-за невероятной вони мочи и экскрементов, исходящей от вагонов. Они наблюдали, как на каждой остановке выносят тела тех, кто не пережил поездки. Некоторым машинистам платили водкой, чтобы те могли притупить чувства и игнорировать происходящее, частью которого они стали. Другие принимали плату деньгами или просто боялись отказаться. Поезда проезжали мимо множества гражданских по всей Европе – жители оккупированных стран также могли видеть, слышать и чувствовать запах, исходящий от вагонов, и после видеть те же вагоны пустыми на обратном пути. В большинстве случаев люди просто отворачивались, но находились и такие, кто успевал предупредить людей на дальнейшем пути поезда, чтобы те могли забросить в вагоны воду, еду и одеяла.

Существовали организованные группы сопротивления, которые старались прекратить транспортировки. Несмотря на угрозу жизни, партизаны устраивали засады, ломали рельсы, открывали водоспускные краны, воровали уголь и убеждали машинистов пустить поезд под откос. Храбрые партизаны сделали многое для разрушения нацистской машины убийств.

Однако для голодных измученных женщин из Фрайберга никто не сделал ничего

подобного. Когда температура падала ниже нуля, женщины жались друг к другу в попытке согреться. «Мы не могли сидеть на полу одновременно. У немцев не хватало вагонов, потому нас заталкивали до последнего... Апрель в Европе холодный, снежный, дождливый – просто ужасно», – вспоминает Клара Лефова. Брошенные на произвол нацистов, без еды, воды, одежды, предоставленные стихиям, заключенные из Фрайберга ехали туда, откуда нет возврата.

Их путь пролегал через северо-запад оккупированной Судетской области, протекторат Теплице-Шанова в Мост и Хомутов. Весь путь должен был проходить под строгим контролем нацистского управления Богемско-Моравских железных дорог. На всей протяженности дороги сигнальщики давали знаки без промедления открывать ворота составу, несущемуся в сторону смерти по отполированным рельсам. Женщины были бессильны перед тем, что не имело никакого сострадания, и, казалось, нет ни единой возможности спастись. Смерти подобные ночи с клопами сменялись днями, и снова ночами. Конца этому кошмару не было видно.

«Мы не знали места назначения, но все же боялись. В открытых вагонах было холодно, летел снег и дождь, но мы, по крайней мере, могли пить дождевую воду. Часто мы ехали среди ночи, чтобы избежать бомбардировки. По ночам было особенно холодно, тогда-то и умирало большинство людей», – говорит Лиза Микова. Для узников, которые оставались в своем уме, страдания были невыносимыми. После всего пережитого ежедневное напряженное ожидание смерти было особенно тягостным. Неужели они перенесли все эти страдания лишь ради того, чтобы погибнуть во Флоссенбюрге, где лагерем заправляют бандиты? Из 100 000 человек, прибывших во Флоссенбург, треть погибла, включая 3 500 евреев. В лагере процветала жестокость и сексуальная эксплуатация. Заключенные Фрайберга не знали, что Флоссенбург был эвакуирован двумя днями ранее, 16 000 заключенных вынуждены были идти пешком в Дахау, где их ждали газовые камеры. Половина погибла, не достигнув места назначения, остальные умерли от обезвоживания или были отравлены газом.

Союзные самолеты и бомбардировки вокруг поезда, идущего из Фрайберга, нагнетали обстановку, сопровождающие и проверяющие бесконечно отсрочивали прибытие. Женщины беззвучно молились и кутались в тонкие покрывала, пока поезд извивался зигзагом между двух фронтов. «Мы не видели, что находится снаружи. Только то, что наверху. Над нашими головами пролетали советские боевые самолеты и сбрасывали бомбы, уничтожая цель за целью, а у нас не было сил даже взмахнуть рукой. Стражи выпускали нас ненадолго и под строгим надзором. Мы пытались собрать траву, растущую вдоль рельсов, потому что это была единственная еда, помимо куска хлеба, который иногда забрасывали в вагон и из-за которого всегда разгоралась драка», – рассказывает Гертти Тауссиг.

Часто у заключенных было так сухо во рту, что они не способны были проглотить свои хлебные крошки. Вместо этого они сжимали хлеб в руках, а поезд швырял их из стороны в сторону. Из воспоминаний Лизы Миковой: «Мы узнали, что дорога, по которой мы должны были ехать, разрушена и теперь нас везут в другое место. Поезд то и дело останавливался, и мы передавали из вагона тела погибших. Почти каждый день мы видели другие поезда с заключенными в полосатых тюремных робах. Кто-то ехал в ту же сторону, что и мы, кто-то – в противоположную».

Заключенные приподнимали друг друга, чтобы осторожно взглянуть на происходящее снаружи. В какой-то момент они сообщили, что поезд пересек границу с Богемией и Моравией, потому что по ходу движения мелькали названия чешских станций. Как и большинству остальных городов на оккупированных территориях, немцы дали чешским поселениям новые имена, но старые были едва заметны или не до конца стертые. Находящиеся в вагоне чехи были особенно взволнованы тем, что они «дома». Выжившая Хана Фишера из Пльзени вспоминает: «Чувства, которые я испытывала, проезжая по родной стране, трудно описать... Это было осознание того, что мы дома, но должны отправиться в неизвестность, из которой домой не вернемся, скорее всего».

Среди воя сирен и выстрелов зенитных установок можно было слышать крики

«Nazdar!» («Привет!») или «Zústat Naživu!» («Живи!»). Таким образом чехи подбадривали друг друга, и заключенных в вагонах это бесконечно трогало. Мужчины и женщины подбегали к поезду, чтобы бросить туда еду, хотя надсмотрщики угрожали расстрелом. А безрадостная одиссея продолжалась, принося все новые страдания. По мере того, как поезд двигался к месту своего назначения, останавливаясь на каждой станции, Анка молилась, чтобы машинист повернул в сторону Терезина. «Это место казалось раем, недостижимым райским садом... вокруг лил дождь, мы остались без воды и еды, а я была на девятом месяце беременности».

Многие заключенные теряли сознание от подобных условий. Клобы грызли их днем и ночью, и оставалось только чесаться. Потеряв от голода рассудок, многие падали навзничь или спали, тесно прижавшись друг к другу, как в Аушвице. Им приказали взять с собой в поездку миски и ложки, но теперь это казалось злой шуткой. Тела под грязной одеждой испарялись на глазах, а с ними и всякая надежда на выживание.

Всех умерших складывали в одну зловещую кучу белых костей, до момента, когда ими займутся. Они уже не были голодны, а невидящие глаза бесстрастно наблюдали за тем, как снимают обувь с безжизненных ног, прежде чем тела уносили в места, откуда никто не возвращается. Живые узники поддавались отчаянию и не могли пережить следующий день. За первую неделю в вагоне Герти Тауссиг погибло 8 женщин: «Мне было 14 лет, и единственное, о чем я думала: теперь станет чуть больше места для живых. Не было ни церемоний, ни даже молитв, трупы просто оставляли гнить в углу вагона». В одном из районов Протектората с поезда сгрузили больше 100 тел.

Рахель вспоминает, что на каждой сортировочной станции надсмотрщики отправлялись на ближайшую ферму или в магазин и либо выпрашивали для заключенных, либо брали силой то, что хотели. Часто это были куриные яйца, которые они готовили на портативных горелках. Женщины чувствовали запах жареных яиц, но делились нацисты редко.

Еще страшнее голода была жгучая жажда, и узники непрерывно кричали «Wasser! Bitte! Trinken!» («Воды! Пожалуйста! Пить!»), но никто не обращал внимания. Ко всеобщему удивлению, женщина-офицер СС, находившаяся в вагоне Рахель, внезапно начала поить и кормить ее с ложки. Все заподозрили неладное в такой перемене отношения, но Рахель была слишком слаба для подозрений. «Она меня кормила, а я повторяла: “Оставьте меня, у меня нет больше сил”».

Тем временем чудовищная тюрьма на колесах тряслась и кренилась, направляя человеческий груз в направлении нечеловеческих страданий. Некогда прекрасные, образованные молодые девушки, составлявшие сливки европейских обществ, превратились в жалкие призраки самих себя. Одолеваемые паразитами и источающие тошнотворный запах женщины наблюдали, как выпадают их зубы и кожа покрывается шрамами. Месяцами, если не годами, они не видели собственного отражения, но наблюдая вокруг себя узниц со включенными волосами, впавшими щеками и разбитыми губами, девушки могли представить, как они выглядят, и это только укрепляло чувство безнадежности. «Никакой еды. Никаких удобств. Повсюду запекшаяся угольная пыль. Перестаешь чувствовать себя человеком, это чудовищно».

Когда состав подходил к очередной станции, мимо проезжали поезда с солдатами и гражданскими. Узники, дрожа, прижимались друг к другу или безумно металась в поисках клочка травы, а мимо проносились откормленные мужчины, хорошо одетые женщины и дети, которые притворялись, что ничего не замечают. Не менее мучительно было проезжать мимо домов, с кухни которых доносился запах еды – аромат хлеба и мяса, овощей и рыбы – и это сводило заключенных с ума. Они уже давно бросили «пытать» себя обсуждением рецептов. В основном, казалось, каждый замкнул в собственном аду.

Лиза Микова вспоминает, что люди ломались и с трудом разговаривали, потому что не видели конца этому кошмару. А другие, наоборот, говорили слишком много, чтобы остаться в сознании. «Мы спрашивали друг у друга: “Что ты видишь? Расскажи что-нибудь об этом! Ты бывала в этом месте?”» Все переживали чудовищное отчаяние, но старались сохранять стойкость. Вдавленные друг в друга люди продолжали свой путь в темноте. Поезд то и дело

застревал без объективных причин. На каждой станции женщины молили о глотке воды, но эсэсовцы с мертвыми глазами ничего не давали. На одной из остановок женщины прильнули к грязной луже, но надзиратели со скуки начали стрелять, чтобы припугнуть их прежде, чем загнать обратно в вагон. Когда начиналась бомбардировка, немцы останавливали поезд и прятались под вагонами заключенных. И снова женщины молились, чтобы на них сбросили бомбу: «Как здорово было бы сейчас, упади на нас снаряд! Немцы же прямо под нами, их тоже убьет!»

Главной заботой Приски было накормить малышку Хану, но в груди матери не осталось молока. Во время беременности женщина должна потреблять на 500 калорий больше, чем в обычное время. Но во Фрайберге она, как и другие женщины, потребляла 150–300 калорий, и при этом никакого протеина и железа. И это при экстремально низкой температуре, в условиях 14-часовых рабочих смен тяжелого физического труда 7 дней в неделю.

В нескольких вагонах от нее была Рахель – весом не больше 30 килограммов, – которая не могла больше выдерживать вес раздувшегося живота, поэтому она вытянулась на холодном жестком полу среди скелетообразных каркасов вагона. Приближался срок родов, а еще ближе казалась смерть, и, несмотря на заботу, проявленную надзирателем, девушка не могла и помыслить, что ей удастся родить. Помимо собственных забот, рядом с ней оказалась выжившая из ума женщина, которая добавила неудобств – она считала, что у нее больные отекающие ноги, которые нужно держать приподнятыми. «Единственной возвышенностью был мой живот... поэтому она уложила ноги на него. Нет слов, способных описать, что мы пережили. Иногда я себя спрашиваю: как мне это вообще удалось?» – вспоминает Рахель.

Анка тоже изо всех сил старалась держаться за ясность сознания: «Дождь сменялся снегом, потом светило солнце. Мы торчали в вагонах, наполненных угольной пылью... холодно, жарко, холодно, снова жарко, все заключенные – голодные и невымытые. Из-за сырости на нас налипала сажа. Нетрудно представить, как мы выглядели. Я рада, что не могла себя видеть в тот момент. Мой дух не давал мне прогнаться».

Приблизительно 18 апреля поезд остановился на станции Трибшица рядом с городом Мост, чтобы позволить пройти поездам с ранеными солдатами и амуницией. Женщины из Фрайберга провели там несколько спокойных дней, пока не пришло сообщение, что двигаться дальше безопасно. На соседних путях стояли составы с узниками Бухенвальда и еще одного немецкого лагеря, который эвакуировали в начале апреля. Узники, эвакуированные до освобождения лагеря, пытались поделиться новостями. Они успели перекинуть друг другу проеденные блохами вещи, прежде чем поезд из Фрайберга снова тронулся в сторону Моста.

Мост, переименованный немцами в Брюкс и располагающийся между Центральной Богемской возвышенностью и Рудными горами, был индустриальным поселением, и на его территории пролегалo множество железнодорожных путей для обеспечения нефтехимического производства и заводов по изготовлению синтетического топлива. Британские и американские самолеты в ходе своей операции «Нефтяная кампания Второй мировой войны» систематически бомбили этот город. Несмотря на бомбардировку и разрушенные железнодорожные пути города, поезд из Фрайберга неотступно следовал через Мост в Хомутов, но был повернут обратно, подальше от наступающих отрядов американцев.

По дороге они снова остановились, чтобы к составу присоединили вагоны с 900 узниками из Флоссенбюрга и соседнего лагеря в Венусберге. Среди них были заключенные, работавшие на производстве гранатометов и противотанковых ракетных установок. Но женщины с завода Freia не имели представления о том, что происходит в соседних вагонах, каждый был занят собственным страданием.

Поезд был виден с воздуха и поэтому уязвим. Кончилось тем, что они оказались зажаты между Мостом и Хомутовым, которые подверглись нападению с воздуха 19 апреля. Той ночью, под звуки разрывающихся снарядов, у Рахель отошли воды. Союзные войска сбрасывали бомбы, взрывы сотрясали землю, и в этот момент у Рахель начались схватки. Распластавшись на грязном полу вагона рядом с несколькими мертвыми женщинами, девушка тряслась под своим вымокшим покрывалом. Когда по ее телу прошла первая судорога от

схваток, она уже знала наверняка, что ребенок, зачатый в любви с Моником в их крохотной комнате в лодзинском гетто, появится на свет несмотря ни на что.

Она тужилась и сжимала руку своей сестры Балы, а схватки изгибали ее тело. Надзирательница позвала на помощь, и кто-то нашел чешского врача Эдиту Маутернову, которая незадолго до того во Фрайберге принимала роды у Приски. Охранница держала фонарь, чтобы врач могла видеть, когда появится голова ребенка. Новость быстро разлетелась по поезду, а эсэсовцы вылезли из-под вагонов, чтобы сделать ставки. Рахель негодовала: «Можете представить, каково было лежать в вагоне с углем и рожать, когда на тебя смотрят все эти женщины?»

Несколько долгих часов она, промокая и освещаемая вспышками залпов зенитных установок, корчилась на полу от болезненных спазмов. Поздно ночью, или уже под утро, Рахель закричала от боли в последний раз и родила крохотное существо. Ребенок был крохотным и мало напоминал человека. Кто-то сказал матери, что это мальчик. «Еще один еврей для фюрера!» – засмеялся в толпе офицер.

Лежа по ночам на своей койке во Фрайберге, Рахель размышляла о растущей внутри нее жизни и решила назвать его Максом (но позже переименовала в Марка). У ребенка было маленькое сморщенное лицо, а все тело испачкано материнской кровью. По весу он едва достигал 1,5 килограммов. У Рахель не осталось сил радоваться. «“Так есть у меня ребенок или нет?” – спрашивала я себя. Никто не мог предугадать, что произойдет дальше». В запущенных условиях открытого вагона не нашлось ничего острого, чтобы отрезать пуповину. Кто-то посоветовал Рахель перекусить ее. В конце концов, один из офицеров протянул врачу нестерильную бритву. «Нашлась и картонная коробка, в которую положили ребенка. Сверху сыпался снег с дождем, поэтому я старалась его оттуда не доставать».

На удивление, как и в случае Приски, у Рахель было немного грудного молока, и ей удалось кормить новорожденного. Девушка еще не знала, что тело недокормленной матери может выделять достаточно молока, насыщенного жиром, для выкармливания ребенка, даже ставя под угрозу здоровье самой женщины. «Я была счастлива, что молока оказалось достаточно», – говорит Рахель. Но нечем было омыть ребенка и почти не во что завернуть, спрятать от холода и влаги.

«Какое сегодня число?» – спрашивала Рахель, намеревавшаяся запомнить этот день, несмотря на то, выживет ребенок или нет. На ее вопрос никто не мог ответить точно, но один из офицеров предложил: «Говори всем, что он родился в один день с Гитлером, 20 апреля, это может спасти ребенку жизнь». Рахель снабдили «дополнительным пайком» хлеба по этому случаю – не потому, что у нее родился ребенок, а потому, что был день рождения фюрера. В мгновение сердечной мягкости один из надзирателей отдал ей старую кофту, чтобы закутать ребенка. Сама девушка все еще была одета в платье с кокеткой, выданное ей в Аушвице. За семь месяцев постоянного ношения оно обветшало и порвалось, и теперь девушка тряслась от холода. Когда кончились роды, кто-то поднес ей пальто и накрыл плечи.

Оправившись от шока, Рахель попросила найти остальных двух ее сестер, и надзиратель отправился на поиски, выкрикивая имена Салы и Эстер. Девушки находились в нескольких вагонах от Рахель, но, услышав свои имена, побоялись ответить. В итоге они все же откликнулись, на что офицер сообщил: «У вашей сестры родился сын».

«Мы можем ее увидеть?» – ошарашенно спросили они. И еще больше удивились, когда последовал положительный ответ. Выбравшись из вагона впервые за несколько дней, они шатаясь проследовали к вагону, в котором родился их племянник, и обнаружили сестру в удручающем состоянии. «Она съежилась в углу под пальто. Неприятная картина», – говорит Сала. Вагон отвратительно пах, вокруг лежали мертвые. «Она была слаба, а ребенок, мы были уверены, не выживет, поэтому не могли порадоваться за сестру. Нас отвели обратно в наш вагон. Мы долго плакали, решив, что видели их в последний раз».

Поезд тронулся вновь и на полной скорости проследовал через разрушенный Хомутов по направлению к Жатецу. Наступил их 8-й день в пути, они снова остановились и долго ждали. «Время от времени люди бросали нам в вагоны хлеб, это было очень трогательно», –

вспоминает Анка. Чаще всего сторож, находившийся с ними, успевал выхватить хлеб и отказывался делиться, но иногда на долю узников выпадали куски, которые нужно было быстро съесть. Анке, отяжелевшей за счет большого живота, хлеб ни разу не достался. Она полулежала в вагоне и, как она позже выразилась, «всем своим видом олицетворяла голод». Одна из заключенных, которой удалось выглянуть из вагона, сказала, что повсюду снаружи развеваются нацистские флаги. «Сегодня день рождения Гитлера», – объяснил надзиратель.

«Значит и у меня сегодня день рождения», – слабо пролепетала Анка, а окружавшие пытались ее развеселить тем, что, значит, флаги вывесили в честь нее. Силясь вспомнить, какой сейчас год, она пришла к выводу, что наступил 1945-й, а значит ей исполнилось 28 лет. Услышав о ее дне рождения, надсмотрщик протянул ей кусок хлеба. Она приняла его как чудо, небесную манну, ведь на протяжении долгого времени ей практически нечего было есть. Она прижала к себе этот кусок и, казалось, не была еще никогда так рада тому, что 20 апреля 1917 года родилась у Станислава и Иды Каудер в Тржебеховице-под-Оребем, в один день с фюрером.

Над поездом то и дело пролетали союзные самолеты, избегая зенитного огня, а женщины тем временем по солнцу определили, что поезд движется на юг к пограничному городу Пльзень в оккупированной Судетской области. Пльзень известен своими пивоварнями Pilsner, но женщины не знали, что город также избран нацистами для конструирования танков серии «Panzer» на заводах Skoda. С обеих сторон к городу подступали русские и американцы, железнодорожные пути бомбили для прекращения производства и мобилизации танков, гаубиц и противотанковых орудий. Американцы решили провести кампанию по полному уничтожению производства, чтобы один из самых больших заводов рейха не попал в руки Советского Союза. На операцию, намеченную на 25 апреля 1945 года, было выделено более 300 бомбардировщиков B-17 «Летающая крепость» и 200 бойцов Восьмой воздушной армии. Эта операция станет заключительной в военной кампании.

В подъезжавшем к городу поезде находились малыш Макс Фридман с тощей матерью Рахель, Приска, пытавшаяся накормить грудью бледную Хану, и Анка, горячо молившаяся о том, чтобы не родить в ближайшее время.

В субботу 21 апреля генерал Эйзенхауэр объявил о надвигающейся атаке на Пльзень, и поезд вынужден был тронуться в направлении, по которому не проезжал еще ни один заключенный. Под проливным дождем поезд тяжело проследовал в город Горни-Бржиза (переименованный нацистами в Обер Биркен), где живой груз перешел в юрисдикцию городского старшины Антонина Павличека.

Седовласый отец двух детей, заведовавший станцией с 1930 года, Павличек гордился тем, что всегда точен как часы, и исправно исполнял все обязанности перед станцией и 3 000 жителей города. Он был известен своими педантичными записями в станционном журнале. Под началом Павличека служили несколько человек, а горожане ценили его за ответственность и твердый характер.

Горни-Бржиза, где единственным на весь город производством был каолиновый завод, почти не пострадал во время боевых действий. Пятерых евреев, которые там проживали, отправили в концентрационные лагеря в самом начале немецкой оккупации, у местных подростков были претензии к членам гитлерюгенда, но жизнь города по большому счету не изменилась с приходом нацистского правления. Западная богемская фабрика каолина и шамота, основанная в 1899 году, оставалась под руководством чехов. В год они добывали до 40 000 тонн каолина и производили 22 000 тонн керамических изделий, шамота и кварца, в основном на экспорт. На производстве работали партизаны, которые привлекли нежелательное внимание нацистов из Пльзеня (после чего агитаторы навсегда исчезли), но помимо этих событий жизнь протекала, как и в довоенное время.

Из-за частых воздушных рейдов на Пльзень и прилегающие территории Павличек внезапно осознал, что под его ответственностью находится одна из самых загруженных развязок железной дороги. 12 апреля в Горни-Бржизу прибыл поезд, в котором находились советские коллаборационисты из вооруженных сил Комитета освобождения народов России

(также известные как «власовцы» – в честь генерала Красной армии Андрея Власова), которые привели за собой огонь Антанты. Поезд бросили на станции. Пятью днями позже, 17 апреля, советские бомбардировщики разрушили большинство городских построек и линии электропередачи. Под вой сирен девять самолетов атаковали брошенный власовцами состав и близлежащие склады. Начальник станции Павличек отказался покинуть свой пост, во время бомбардировки делал заметки, а когда вернули электроснабжение, доложил о положении начальству в Прагу, расписав каждый взрыв поминутно. Эти записи хранятся в городском архиве.

Четыре дня спустя, вечером 21 апреля, на станцию пришел нагруженный состав из Фрайберга. Ранее подобные «спецпоезда» проходили мимо города на юг без остановок. В своей обычной педантичности Павличек записал, что в 20.58 прибыл поезд № 7548. «В составе поезда было 45 вагонов, разделенных на 3 секции – две для женщин, одна для мужчин», – отрапортовал он. В некоторых вагонах находилось до 100 заключенных, и начальник станции сделал вывод, что во всем составе прибыло около 3 000 человек. Также он отметил, что «2 секции состояли из закрытых вагонов, а еще одна, женская, из 15 полувагонов».

В тот момент железнодорожные пути находились на ремонте, который занял бы не меньше суток, поэтому поезд отогнали на сортировочную станцию у завода. Большинство вагонов поезда не были видны из города, потому что он достигал полукилометра в длину и изгибался по ходу рельс.

Даже во время нацистской оккупации поезд официально находился в зоне ответственности Павличека, поэтому он проигнорировал запреты офицеров СС и под дождем инспектировал поезд по всей его длине. Тогда его впервые ошеломил «живой груз» поезда. Двери вагонов были открыты, отовсюду на него смотрели сотни полуживых существ, больных и умирающих от голода, сырости и холода. Отметив их запах и внешний вид, он был еще глубже шокирован отношением надзирателей (особенно женского пола) к заключенным, которое, по его словам, было «брутальным и грубым».

Осознав, что заключенные в открытых вагоны выглядели хуже остальных, потому что все время находились под дождем и на ветру, Павличек захотел поговорить с комендантом поезда и пришел к нему со смелым предложением. В поезде, брошенном власовцами, было несколько закрытых вагонов, куда начальник станции предложил переселить людей из полувагонов, «из гуманных соображений». Все его знакомые в один голос объявили, что он пошел на огромный риск, ведь унтершарфюрер «Шара» изначально отказал и мог запросто пристрелить Павличека за дерзость. Но добродушный начальник станции был тверд в своих намерениях, пока заключенные находились под его покровительством, и поэтому продолжал настаивать.

Ярослав Ланг, десятилетний мальчик, однажды выглянул из окна своего дома, расположенного в пятидесяти метрах от станции, и был заинтригован необычайной длиной поезда. «В тот день занятия в школе отменили, потому что над городом летали самолеты, было слишком опасно. Мы со старшим братом Миланом видели поезд и заметили начальника станции, спорящего с офицером СС, но было неясно, о чем именно. Там находилось несколько офицеров с ружьями. Выглядели они сурово и постоянно кричали, чтобы люди держались от поезда подальше. Определенно они не хотели что-то нам показывать. Но мы впервые в жизни видели офицеров СС в касках. Мы были мальчишками, нам все было интересно».

Горячие препирательства Павличека продолжались несколько часов, и только после обещания выдать солдатам щедрый паек за счет города Шара наконец согласился перевести столько заключенных, сколько поместится в крытые вагоны. «Обмен был произведен с согласия коменданта поезда. Люди голодали, но доступа к вагонам по ночам не было. Пока заключенных переводили в крытые вагоны, я смог достать немного еды, а передать ее была возможность только ночью».

Приска и Рахель были в числе переведенных во власовские вагоны вместе с множеством других полуживых женщин, а беременная Анка осталась в полувагоне, не подозревая о происходящем снаружи.

Павличек увидел благодарность заключенных за эту небольшую услугу и понял, в каких ужасных условиях они находились до этого. У него появилась идея. Их поезд остановился в Горни-Бржизе совершенно случайно, и он, как праведный католик, должен был делать то, что подсказывала мораль. В 6.30 утра следующего дня, 22 апреля, вместо того, чтобы отправиться на мессу, он отправился к Йозефу Зубеку, директору столовой на каолиновом заводе, и Антонину Вирту, управляющему местной гостиницы, находившейся неподалеку от завода и используемой в качестве места встречи работников. Павличек уточнил, смогут ли они в сжатые сроки приготовить большое количество еды для заключенных – «на тот случай, если комендант разрешит».

Как он и предполагал, унтершарфюрер оказал еще больше сопротивления. Он старался подчиняться приказам до последнего дня войны и не видел смысла кормить тех, кому предстояло умереть. Но и сказать этого напрямую начальнику станции он не мог. После длительных переговоров соглашение было получено, но при условии, что все расходы городская столовая берет на себя – по чашке горячей еды для каждого оголодавшего узника, пока они находятся в юрисдикции Павличека.

Слухи о состоянии заключенных разнеслись по городу, и жители собрали все, чем могли поделиться, и понесли в гостиницу корзины хлеба, яиц, фрукты, мясо и сыры. Ярослав Ланг вспоминает: «Сперва мы не знали, что в поезде заключенные, но увидев людей, несущих к станции еду, мы отправились за ними и увидели все своими глазами. Тогда мы бросились домой и просили у матери еды для узников. Она боялась, но все же что-то дала. Горожане ели по талонам во времена дефицита, но сейчас отказывались от своей порции в пользу заключенных».

Почувствовав безотлагательность ситуации и невероятное желание горожан помочь, Павличек позвал местного учителя Яна Райшла распределить запасы нахлынувшей еды. Райшл был идеальным кандидатом на эту должность – «строгий, но справедливый». Он жил в учительском доме, играл на скрипке, а в школу ездил на велосипеде. Мельник Ян Коварь и мясник Кошандри вызвались помочь и принесли муку, выпечку и колбасу. Собралось множество людей из близлежащих районов, но их не подпускали близко к вагонам солдаты, растянувшиеся вдоль поезда на расстоянии пятидесяти метров друг от друга с ружьями наготове.

На протяжении всего воскресенья кухни гостиницы и столовой работали без передышки, персонал приходил, несмотря на выходной день, а жители предлагали свою помощь. По итогам дня было испечено 5 000 буханок хлеба, огромное количество кондитерских изделий и множество литров кофе. Больным несли пакеты мягких булок и корзины вареных яиц.

Тем временем Павличек патрулировал свои владения и рассчитывал поговорить с заключенными наедине. Он обнаружил, что большинство из них были чехами, хотя встречались разные национальности, вплоть до греков. Позже он описывал их состояние как «плачевное». Когда он сообщил им, что вскоре принесут еду, узники просили передать ее напрямую им в руки, иначе охрана все отберет и не станет делиться. Подобная перспектива его не обрадовала.

В еще большее смятение он пришел, когда обнаружил в одном из вагонов своего коллегу из соседнего города, а также Ильзу Фишерову, вдову пльзеньского дантиста Отто Фишера, которого забили до смерти во время эвакуации из лагеря. 39-летняя вдова Фишера и ее 17-летняя дочь Ханка побывали в Аушвице и Фрайберге вместе с остальными женщинами того поезда и слезно молили отправить их близким сообщение о том, что они все еще живы. Их короткая беседа была оборвана унтершарфюрером, который заметил жену дантиста посреди разговора с Павличком и начал избивать ее. Начальнику станции приказали не вмешиваться, и он поспешил на станцию, чтобы передать сообщение родственникам заключенной.

Выжившей узнице по имени Лишка Рудольф также удалось поговорить с начальником станции сквозь маленькое окошко своего закрытого вагона. «Утром 22 апреля я заметила Павличека. Он увидел, насколько я голодна, и уверил меня: “Скоро я пришлю сюда еду...” Комендант поезда спросил меня, о чем я говорила с гражданским на вражеской территории.

Он сказал: «Лучше тебе держаться подальше от окна, иначе мне придется тебя убить!». Чуть позже в щель приоткрытой двери вагона просунули два куска хлеба с вареньем, ей удалось перехватить их под убийственными взглядами остальных заключенных. «Меня ненавидел каждый. А после полудня мне принесли еще две булочки и два яйца через ту же щель».

Начальник станции продолжал кормить заключенных и обещал передать сообщения всем их родственникам, рискуя своей головой. Проходя мимо вагона, он услышал плач младенца. В ужасе он бросился узнавать, сколько в поезде детей. Шара не хотел, чтобы эта информация достигла Павличека, да и другим не собирался сообщать. Когда офицер наконец сообразил, что их «двое или трое», начальник станции потребовал осмотреть их; его ошеломило состояние недокормленных младенцев безо всякой одежды.

Новость о новорожденных детях в «поезде смерти» быстро разнеслась по Горни-Бржизе. Некоторые, как Хана и Марк, прибыли из Фрайберга, другие принадлежали женщинам из Венусберга (по некоторым данным, никто из них не выжил). А посреди всего этого хаоса ни одна из матерей не знала о существовании других в том же положении. Павличек срочно вызвал местного доктора для осмотра младенцев и их матерей: «Я сообщил коменданту, что местный врач, доктор Ян Рот, готов помочь больным». Но предложение было грубо отвергнуто: «Мне ответили, что в поезде есть свой врач, из числа заключенных».

Расстроенный тем, что не может помочь узникам, доктор Рот вернулся домой, к своей беременной жене. Он разъяснил ей ситуацию, и она собрала малюсенькие вышитые вручную вещи, которые они готовили к рождению своего первенца, и передала Павличеку, попросив убедиться, что каждый ребенок получит одежду. Две другие матери, госпожа Бенесова и госпожа Крауликова, поступили так же, а Павличек пообещал позаботиться о передаче одежды. «Они благодарили меня со слезами на глазах... Для матерей мы приготовили особый рацион».

Приска вошла в число тех счастливых женщин, которым достались еда и одежда для Ханы, пеленки и одеяло. «Мне передали полный комплект одежды. И даже некоторые косметические средства, вроде талька и мыла, необходимые для подобающего ухода за ребенком». Когда девушка увидела очаровательные расшитые вещи для дочери, ей стало стыдно прикоснуться к ним своими черными от сажи руками. Еще больше она боялась одевать в них дочь, потому что нежная кожа ребенка покрылась ранами. Прижав маленькое платьице к своему лицу, Приска почувствовала запахи крахмала и свежего хлопка, которые напомнили ей о времени, когда быть чистым считалось обычным делом. Молодая мать отложила вещи до момента, когда они придут к месту назначения и, возможно, смогут помыться.

Разломав хлебную булочку, которую ей передали, Приска нашла внутри записку на чешском: «Держитесь! Не сдавайтесь! Это скоро кончится!», и позволила себе на мгновение испытать радость. Остальные, обнаружив такие же записки в своем хлебе, тоже были глубоко тронуты.

В нескольких вагонах от Приски находилась Рахель с сыном, которые ничего не получили в эту ночь. Как и Приска, Рахель была рада перемещению в закрытый теплый вагон, но с таким количеством женщин вокруг и единственным маленьким окошком сверху воздух быстро наполнялся невыносимым зловонием, и уже не было дождевой воды, чтобы утолить жажду.

Анка в дальнем конце поезда даже не подозревала о том, что кому-то выдают одежду и еду. Потеряв всякий контроль над реальностью и собственной жизнью, она была признательна за то, что поезд ненадолго остановился, дверь вагона открыта и внутрь поступает воздух. «В тот момент стоял вопрос не выживания изо дня в день, а уже от часа к часу». Во время осмотра надзирателями она стояла в дверном проеме, вся покрытая ушибами и ссадинами и облепленная черной сажей. Держась за одну лишь надежду, она вдыхала свежий лесной воздух, вспоминая, как могла подолгу бродить среди деревьев с друзьями и семьей. Подобная ностальгия становилась самым страшным эмоциональным испытанием, поэтому девушка снова вспомнила слова литературной героини Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра».

Анка рассказывает: «Мне невероятно повезло родиться такой жизнелюбивой, это

помогало мне на протяжении всей жизни... Сплошной глупый оптимизм всего-то. Что бы ни случилось, я повторяла: “Я подумаю об этом завтра”, а на следующий день все уже менялось... Мне так повезло, что я не погибла, а ведь это могло случиться в любую минуту».

Послышались приближающиеся голоса, Анка подняла голову и увидела людей, проходящих мимо, возможно, доставляя еду. «Они определенно не ожидали такого увидеть. Один из них, фермер, остановился. Я никогда не забуду выражение его лица, когда он увидел беременное тело, в котором было едва ли 30 килограмм, большинство из которых весил живот... полуживой безволосый скелет, измазанный в саже». Она вспоминает, что он резко побледнел, будто увидел нечто апокалипсическое. «Казалось, люди знали, чего ждать, но на самом деле все было еще хуже». Рядом шел офицер СС с ружьем и плетью, он сурово взглянул на фермера, после чего тот заторопился, еще не оправившись от шока. Пять минут спустя он вернулся и принес стакан молока, который протянул Анке.

Она недоверчиво уставилась на фермера. «Ненавижу молоко... никогда в жизни к нему не притрагивалась, ни до, ни после того случая. Но в тот день я взяла стакан». В этот момент унтершарфюрер поднял свой кнут над головой, размахнувшись для удара. «Фермер испугался и, казалось, сейчас он упадет замертво. Он ничего не сказал, но все отразилось на его лице. Это выражение сказала обо всех его чувствах, когда он представил, что сейчас произойдет. Офицер опустил кнут, а я выпила молоко, эликсир жизни, подаренный мне. Мне давно не было так хорошо... волшебный нектар... Думаю, это спасло мне жизнь. После всего одного стакана молока я стала сильна, как бык. Молоко позволило вновь почувствовать себя человеком».

Она вытерла губы тыльной стороной ладони и протянула стакан обратно доброму самаритянину. Девушка коротко поблагодарила его на чешском и забралась поглубже в свою угольную клетку.

Приска оказалась самой удачливой из трех матерей. Помимо одежды для ребенка, Павличек достал для нее хлеб с вареньем – «Вкуснее ничего на свете не пробовала!» Люди, по ее словам, «выстраивались в очередь, чтобы помочь. Когда офицеры из Фрайберга заметили, что происходит, то стали расспрашивать у всех о состоянии матери, родившей на заводе.

«Она жива! Жива!» – кричал кто-то удивленно.

Но не всем так повезло. Девятнадцать мужчин и девятнадцать женщин умерли в тот день, а их невесомые трупы сложили в грузовики. Павличек видел, что их сбрасывают, как мусор, и настаивал на подобающих похоронах. «Я попросил у коменданта имена или номера этих людей, потому что они умерли на территории станции. Мне было отказано, потому что “они ничего не значили для этого мира”».

Ошарашенный отношением коменданта, Павличек вызвал местную полицию, и для решения этого вопроса был выбран офицер Йозеф Шефл. Сержант оформил официальную бумагу о том, что тела тридцати восьми заключенных должны быть вынесены из вагонов. Шефлу и Павличеку удалось добиться некоторого уважения к погибшим, и ночью немцы выкопали могилы для узников в лесу и погребли их.

С наступлением сумерек комендант разрешил принести из гостиницы еду, которую любовно готовил весь город на протяжении дня. Предполагалось, что каждому заключенному дадут миску чешского супа, кусок белого хлеба, кофе, выпечку и фрукты. По некоторым свидетельствам, унтершарфюрер пришел в ярость, узнав, что Павличек собирается выдавать еду заключенным лично в руки на платформе станции, а не передаст еду надзирателям. После долгого и горячего спора, пока горячая еда остывала, рискуя испортиться, комендант согласился на подобный план, но с условием, что еду будут выдавать сам Павличек и господин Вирт. Всем остальным следовало уйти от поезда подальше.

Дочь и жена пльзеньского дантиста были среди накормленных. «Начальник станции и его помощники пытались сделать для нас все возможное. Все были к нам очень добры. Всю эту еду они приготовили на кухне и, казалось, ничего вкуснее в жизни я не пробовала, чем этот суп». К восторгам подключались и другие узники. «Я никогда не забуду тот кусок хлеба и миску супа, мы ели их со слезами на глазах. Думаю, никто из нас не забудет. Это воспоминание останется со мной навсегда, как одно из чудес, увиденных в жизни». Одна из

заклученных позже рассказывала, что не могла поверить, что белый хлеб еще существует на свете, и рыдала от «снизошедшей благодати небес». Находясь так долго в изоляции, узники решили, что весь мир забыл о них, пока на помощь не пришел начальник той станции. Он и его соседи рисковали жизнью ради заключенных. Лучик света пробивался сквозь мрак.

Из воспоминаний Лишки Рудольф: «К вечеру практически все узники получили суп и хлеб. Все рыдали от счастья и говорили: «Мы проехали через Украину, Польшу, Венгрию, Австрию, Германию и Францию, но люди повсюду не замечали нас. И только в Чехословакии у людей есть сердце. Мы никогда не забудем Горни-Бржизу». Кара Лефова говорит: «Вся деревня пришла к нам с супом и хлебом. Настоящее чудо. Появилось ощущение, будто мы дома – мы были своими для них, а они – для нас».

Ярослов Ланг и его брат Милан прятались в лесу, наблюдая, как заключенных кормят, вагон за вагоном. «Мы держались на приличном расстоянии, видно было далеко не все, но совершенно точно люди выходили из вагонов и шли, придерживая друг друга. Они были истощены и печальны. Многие были одеты в полосатую униформу и непрерывно благодарили всех вокруг». Мальчики не могли различить, были ли заключенные мужского или женского пола. «Из вагона их выводили строем, с двух сторон окруженными надзирателями, чтобы узники не сбежали. У них не было тарелок, поэтому некоторые ели из одной, кто-то – руками. Это заняло очень много времени, а накормили не всех».

Несмотря на все старания Павличека, многим ничего так и не досталось. Ввиду того, что заключенных кормили раздельно, эсэсовцы украли большую часть еды под предлогом того, что сами раздадут ее с другого конца поезда, для ускорения процесса, и некоторые отдаленные вагоны остались без присмотра. Лиза Микова говорит: «Мы просили принести нам еды. Комендант пообещал, что нам ее выдадут, но на деле офицеры поделили все между собой, а нам дали несколько картофелин».

Ярослов Ланг вспоминает, что они с братом видели из своего укрытия: «Один из заключенных просил еды, а офицер занес над ним кнут, собираясь избить. Узник был слишком слаб, но смог увернуться. Мы испугались. Начался дождь, наступила ночь. В темном небе были видны вспышки света и слышны самолеты. Немцы начали кричать, последовали выстрелы, и мы убежали. На следующий день мы узнали, что несколько заключенных сбежали. Это был опыт, который мы запомнили на всю жизнь».

Хана Селзарова, 24-летняя девушка из Праги, весом не больше 35 килограммов, была среди сбежавших в ту дождливую ночь. Она выскользнула из вагона мимо невнимательного охранника и убежала в лес. Когда раздались выстрелы, она заметила свет и последовала к нему. Источником света оказался полицейский участок. Когда она вошла внутрь, ей сказали: «Беги отсюда, нам же придется тебя арестовать!» Ей продиктовали несколько адресов местных жителей, которые наверняка помогут. «Мне дали другую одежду и шарф, чтобы прикрыть лысую голову. Дали еду и даже денег на поезд до Праги». Она переночевала в том доме и на следующий день отправилась в столицу, где ее приютили друзья.

Вацлаву Степанеку, жителю Горни-Бржизы, было 17 лет, когда в его дверь постучались две женщины, сбежавшие с поезда на станции в 300 метрах от дома его родителей. Женщины, среди которых была Хана Селзарова, сказали, что они из Праги и Пльзень, и расспрашивали, далеко ли до этих городов. Они были в тюремной одежде и совершенно оголодавшие. Родители выдали им и еду и одежду. Все уже знали о грузе того поезда, всем было жаль узников.

Его отец, лесоруб, позволил женщинам спрятаться на ночь в амбаре. «Они были не первыми, кого отец прятал там. Мать была напугана, но мы надеялись, что получится выкрутиться, что они сами туда забрались, без нашего ведома. Женщины уехали ранним утром, и мы больше никогда о них не слышали. Мне всегда было интересно, как сложилась их судьба».

Накормив столько заключенных, сколько вообще было возможно, включая Приску и Рахель, Павличек понял, что может сделать кое-что еще. Остатки еды отдал коменданту, который солгал, пообещав раздать ее заключенным дальше в дороге. Павличек получил

сообщение из Пльзеня, что дорога расчищена, и уже не оставалось возможности задерживать поезд на станции. Павличек попробовал убедить коменданта, чтобы он с солдатами спасался, бросив заключенных в городе, но унтершарфюрер был непреклонен и собирался исполнять обязанности вплоть до последней минуты. Он даже спросил у Павличека короткий путь в Баварию и отказался выслушивать заверения о том, что так далеко живыми они не уйдут.

«Мы слышали, как начальник станции пытается убедить коменданта оставить нас в городе, – вспоминает Хельга Вайс, которой в тот момент было 14 лет. – Они позаботятся о нас – одежда, еда, что угодно... но комендант не слушал. Он хотел уехать любой ценой».

Господин Павличек и жители его города никак больше не могли уберечь узников от смерти. В 6.21 следующего дня, 23 апреля, поезд из Фрайберга с обновленным номером – 90124 – покинул станцию Горни-Бржиза и отправился на юг. Отчаявшийся начальник станции с тоской смотрел на уходящий вдаль состав, пока за поворотом не скрылся последний вагон, и горячо молился о том, чтобы война поскорее закончилась и несчастные люди были спасены.

Оставляя позади всю доброту и сердечное тепло, пассажиры поезда № 90124 пробирались сквозь Пльзень, который был многим из них знаком и любим. «Невыразимо ужасно видеть свой дом и проезжать мимо», – вспоминает одна заключенная. Двумя днями позже завод SkodaPanzer превратился в руины. 70 % построек были разрушены зажигательными смесями и бомбами. Железнодорожные пути завалило. Таким образом, узники пропустили атаку с воздуха, которая бы их или спасла, или погубила. Немцев ожидали еще многие смены планов и назначений, которым то и дело мешали бомбардировки и постоянная угроза нападения сразу с двух фронтов. Приближались русские, которых немцы боялись значительно больше американцев.

Руководство никак не могло решить, куда направить поезд и какой концентрационный лагерь возьмет на себя 3 000 заключенных, поэтому состав продолжал следовать на юг. Сквозь маленькие окна или высовываясь над полувагоном, заключенные рассматривали названия станций и выкрикивали их, чтобы все остальные слышали. Каждое название разбегалось по толпе: «Плана! Тачов! Бор! Домажлице! Нирско!» А женщины, у которых еще оставались силы, кричали: «Это мой родной город!» или «Здесь живет моя семья!» Те, кто мог видеть происходящее снаружи, безмолвно страдали от нахлынувших воспоминаний, прекрасного пейзажа с откормленными животными и людьми, занятыми чем душе угодно.

В очередной раз поступил приказ машинисту поезда держать курс на город Железна-Руда, но оказалось, что Третья армия генерала Паттона заняла город, и поезду пришлось ехать обратно в Нирско. Приблизительно 27 апреля поезд прибыл к станции Бешины, и из числа заключенных было выделено 50 работоспособных мужчин, чтобы помочь разобрать очередной завал на путях в сторону Клатови. Остальным разрешили вымыть вагоны от сажи, мочи и экскрементов, а также сгрузить мертвых. Кто-то вырывал корешки и траву, чтобы поесть, другие припадали к ручьям, чтобы утолить жажду, пока надзиратели уплетали выпечку, оставшуюся после Горни-Бржизы.

Когда мужчины, разбиравшие завал, вернулись к поезду, один из них рассказал, что городские жители плакали при их виде и пытались предложить еду, но эсэсовцы всех отогнали. «Вечером того дня жители Бешин пришли к поезду с коробками хлеба, булок, колбасы и супа. Но все продукты забрали на солдатскую кухню. Мы смотрели на это сквозь окна и пели чешские песни. Хорошо тогда было, всего пару ударов кнутом получили. А из принесенного жителями нам ничего не досталось».

Прождав еще какое-то время, нацисты получили сведения о том, что фрайбергский поезд можно отправить на юго-запад, через Гораждовице и Страконице, в лагерь Дахау в Баварии. Но немецкое командование было в растерянности, оккупация Европы нацистами окончилась. Русские вошли в Берлин, Муссолини поймали и повесили, а Рур сдался. 28 апреля, после нескольких отсрочек, поезд был вынужден остановиться на станции Ческе-Будеевице, в городе, полном сбежавших немцев. На следующий день поступили сведения о том, что Седьмая армия США освободила Дахау, тем самым спасая женщин Фрайберга от участи окончить жизнь в этом месте. Дахау, открытый Гиммлером и служивший прототипом

последних концлагерей, был «школой насилия» для эсэсовцев, которые проходили там спецподготовку. Из 200 000 заключенных, прошедших через Дахау, 40 000 там погибли.

Во время одной из ночных остановок, когда небо уже привычно освещалось вспышками разрывов зенитных снарядов, женщины неожиданно услышали громкий скрип в своем вагоне. Еще больше они удивились, обнаружив лицо чешского партизана, появившегося в проеме и предлагающего им сбежать. Злая ирония судьбы: заключенные были слишком слабы, больны или напуганы для побега, но некоторые все же решились, и среди них оказалась педиатр Эдита Маутернова, которая помогла Анке при повреждении ноги и принимала роды у Приски и Рахель. Она ухватилась за такую возможность, сбежала и пережила войну. Когда был обнаружен побег, эсэсовцы, пытаясь узнать, кто им помог сбежать и куда они направились, избивали женщин. Большинству был уже безразличен окружающий мир. Полубессознательные люди ложились и умирали. Другие давно были не в своем уме.

По словам Лишки Рудольф, «люди выли от голода... некоторые сходили с ума, глаза блестели, как у чудовищ в ночи». Для многих из них момент, когда локомотив остановился на станции Ческе-Будеевице, чтобы отправиться на юг к дороге на границе Чехословакии и Австрии, был самым страшным за все время заточения. Долгие темные ночи, проведенные в поезде, были ужасны, но ужас той конкретной последней ночи был невыносим и, казалось, бесконечен.

Лиза Микова вспоминает об этом: «Когда мы вновь сменили направление, все подумали: “О Боже, нас ждет что-то кошмарное!” Нас колотило от страха. Каждый думал о чем-то своем – не было больше ни историй, ни разговоров. Как и любой другой в этой ситуации, я понимала, что мои родные мертвы, но не хотела в это верить. Я решила, что если нам суждено попасть в газовые камеры, то так тому и быть. У нас уже не осталось сил бороться». Эмоциональный надлом прошел по всему поезду, когда люди осознали, что единственной возможной дорогой будет путь через границу с Австрией в Линц. Единственным лагерем рядом с Линцем был тот, которого боялись, как Аушвица.

«Когда поезд тронулся, не осталось сомнений в его направлении. Мы ехали в Маутхаузен...»

Казалось, что все потеряно.

Это слово вызывало ужас у тех, кого звали «врагами рейха», люди бледнели от одной только мысли о нем. Вести о нацистском лагере Маутхаузен проникали даже в гетто еще в начале войны. Находясь в Терезине, Анка слышала, что именно там убили музыканта и исполнителя Кареля Хадлера. Эта информация просочилась от двух заключенных, которым удалось сбежать из Аушвица и укрыться в Терезине. Хадлер, ариец, женатый на немке, был арестован офицерами гестапо за патриотические песни и сослан в австрийский лагерь, где его сначала пытали, а потом сделали «ледяную статую» – его вывели обнаженным на мороз и обливали водой, пока он не покрылся льдом.

Этот случай, безусловно, всех шокировал, но славился лагерь тем, как заключенные умирали во время работы. «Задачей Маутхаузена была смерть – на каменоломнях», – говорит Анка. «И все жители Терезина знали об этом... Людей принуждали обтесывать камни и подниматься по 150 ступеням – или они будут убиты. Такой конец стал бы самым страшным для каждого из нас».

После всех страданий, через которые прошли эти женщины – годы нацистской тирании, выживание в гетто, побег от Менгеле и Циклона Б, угроза смерти от голода, болезней, истощения и бомбардировок – именно сейчас, когда нормальная жизнь уже казалась близкой, они вдруг снова оказались на волоске от смерти.

Через день они прибыли в Маутхаузен.

Огромный гранитный лагерь недалеко от Линца находился почти на берегу Дуная. Казалось, спасти их не успеют. Вместе с детьми – рожденными и которым еще предстояло родиться – они попали в один из самых знаменитых пунктов разветвленной сети геноцида, устроенного нацистами.

Всему пришел конец.

Маутхаузен

Несмотря на свою устрашающую репутацию, концентрационный лагерь Маутхаузен определенно был самым живописным местом заключения из всех нацистских лагерей. Он располагался на холме, с которого открывался завораживающий вид на Верхнюю Австрию и южную часть Зальцбурга.

Город Маутхаузен находится на границе Германии и Чешского протектората, в непосредственной близости ко второй по длине реке континента – Дунаю. Он расположен менее чем в 200 километрах восточнее Вены и в 20 километрах западнее Линца. Адольф Гитлер рос в Линце и всегда считал его своим родным городом. У диктатора были грандиозные планы относительно города, который он называл «самым немецким во всей Австрии» и вносил его в список «пяти городов фюрера», наряду с Берлином, Мюнхеном, Нюрнбергом и Гамбургом.

Образцовой постройкой должен был стать Führermuseum, Музей фюрера, представляющий собой галерею, которая не уступала бы по красоте Уффици и Лувру. Разработка дизайна галереи была возложена на министра вооружения Альберта Шпеера: был задуман 150-метровый фасад с колоннами в романском стиле, а сама галерея должна была заполниться произведениями искусства, конфискованными из музеев и личных коллекций, принадлежавших евреям. Для постройки этого памятника гитлеровской славы был необходим золотой гранит высшего качества, как и для его театра и оперы, а получить и обработать блоки материала должны были смертельные враги рейха в Wiener Graben (Венской каменоломне) Маутхаузена.

Каменоломня на протяжении долгих лет принадлежала Вене, и большинство улиц столицы вымощены именно этой породой. После аншлюса в 1938 году она перешла во владение немецкой компании земляных и породных работ, которая рекламировала свой продукт в многочисленных листовках вплоть до 1945 года и экспортировала товары в европейские страны для изготовления монументов, зданий, промышленных комплексов и автобанов. Лагерь Маутхаузен строился руками преступников-рецидивистов из Дахау для содержания заключенных в трудовом рабстве. Монолитный памятник нацистскому превосходству, обнесенный бетонной стеной и смотровыми вышками, был закончен в 1939 году и виден издали, благодаря расположению на возвышенности.

Большинство первых узников Маутхаузена были политическими и идеологическими заключенными, представителями интеллигенции, например, университетскими профессорами – и все они подлежали уничтожению посредством тяжелого труда. Среди узников были представители многочисленных вероисповеданий и граждане всех оккупированных стран, включая Свидетелей Иеговы, католических священников и испанских республиканцев. Даже после эвакуации остальных лагерей в начале 1945-го в Маутхаузене было мало евреев и лишь несколько женщин-заключенных (если не считать тех, кто находился здесь в качестве проституток местного борделя). К советским заключенным отношение было самым суровым, из 4 000 узников выжило менее 200. Они не только были вынуждены работать в каменоломне, но и получали половину пайка и спали обнаженными в бараках без окон. К тому моменту, когда было окончено строительство «Русского лагеря», число заключенных настолько сократилось, что бараки стали использовать как медицинский блок, хотя и сохранивший свое изначальное название.

Маутхаузен считался одним из двух исправительно-трудовых лагерей «третьего класса» и был известен своими суровыми условиями и самой высокой смертностью, за что получил прозвище «костеломни». Исходя из официальных документов 1941 года, один из нацистских деятелей сообщил, что «Маутхаузен живыми не покидают», а большинство документов о заключенных помечены штампом RU, что означает Rückkehr Unerwünscht – «возврат нежелателен». Маутхаузен и 40 его дочерних лагерей, включая Гузен, были направлены на получение наибольшей выгоды для рейха за счет рабского труда и имели неограниченный

запас заключенных. К 1944 году лагерь стал самым прибыльным во всей нацистской империи, принося более 11 миллионов рейхсмарок в год.

Работа в каменоломнях была особенно сложной: она включала в себя раскопки, добычу и обработку гранитных блоков при помощи кирки, но чаще – голыми руками. Затем эти блоки весом в 40 килограмм заключенные на собственных плечах поднимали по отвесной скале, которая часто осыпалась под кровотокающими босыми ногами, отправляя их на тот свет. Позже в ней были высечены 186 ступеней, которые получили название «лестницы мертвецов». Вооруженные надзиратели часто стояли на верхних ступенях, чтобы оттуда бить и сталкивать узников, пытающихся взобраться по телам тех, кто умер перед ними.

Узников часто толкали в шахту, это называлось «Стена парашютистов» – охранники кричали: «Внимание! Парашютисты!» – и узников сбрасывали на камни или топили в водоеме у подножья скалы. Те, кто не умер сразу, могли мучиться до нескольких дней, никакую помощь им не оказывали. Заключенные прыгали по собственной воле, не желая работать 12-часовые смены голодными при экстремальной температуре и терпеть изо дня в день жестокое обращение. Помимо смерти на работах, в Маутхаузене насчитывалось еще более 60 способов уничтожения, как, например, избиение камнями, расстрелы, повешение, медицинские эксперименты, инъекции бензина и разнообразные виды пыток. Точное количество погибших при подобных обстоятельствах неизвестно, потому что многие были убиты в газовых камерах. Так продолжалось до тех пор, пока заключенных не заставили строить газовые камеры своими руками в 1941 году. Данные о погибших разнятся, но в среднем в лагере погибло 100 000 узников, 30 000 из них были евреями.

Изначально тела доставляли в грузовиках в Штайр или Линц и уже там от них избавлялись, но схема была слишком ненадежной, поэтому на территории лагеря был выстроен крематорий. Пепел сбрасывали в близлежащем лесу или в реку Дунай. К осени 1944 года, когда было принято решение эвакуировать Аушвиц-II– Биркенау, 10 огромных «мусоросжигателей» разобрали, чтобы перевезти их в Маутхаузен и выстроить там заново. Этого так и не произошло, хотя контракт со строительной компанией был заключен в феврале 1945 года.

Геноцид совершался в нескольких километрах от живописного города на берегу реки, в честь которого лагерь и был назван. Из 1 800 жителей города большинство было католиками, и каждый день они наблюдали, как по их городу ряды заключенных проходят в лагерь, чтобы никогда оттуда не вернуться. Они становились свидетелями расстрелов у стены, которую потом сами отмывали от крови. Они слышали, как заключенных пытаются и убивают на каменоломне, собирались у грузовиков, когда в них укладывали мертвые тела и отправляли вниз по реке, в дочерние лагеря. И так продолжалось до тех пор, пока офицеры не начали угрожать глазеющим расстрелом.

Несмотря на объявление лагеря Маутхаузен «объектом особого назначения», некоторым горожанам посещение разрешалось. Присутствие в городе 400 офицеров СС способствовало улучшению экономических условий. Магазины, рестораны и бары оживились, а гостиница, расположенная рядом с лагерем, стала любимым местом сбора эсэсовцев. Большинство торговцев жили за счет покупки надзирателями сидра, мяса и рыбы. На территории города функционировал черный рынок, где продавали мыло, еду, одежду и украшения, конфискованные у заключенных, местные жительницы вступали в отношения с офицерами, некоторые из пар впоследствии женились. Городские рабочие и каменщики хорошо зарабатывали, если вызывались надзирать за каменоломнями, а рабочая сила лагерей иногда заимствовалась для работ в городе: декорирования, возделывания сада и огорода, строительства. В 1943 году польского художника Станислава Кржиковского, узника Гузена, обязали изготовить скульптуру оленя для сада одного из первых лиц СС.

Нацисты часто ходили с горожанами на охоту, организовали собственную сборную по футболу, которая играла на поле, также выстроенном руками заключенных. На поле были даже трибуны. Когда команда Маутхаузена добралась до региональной лиги, на их игры стали стекаться болельщики из числа местных жителей, все домашние игры проходили на поле,

раскинутом сразу за стеной лагеря, люди не могли не чувствовать и не слышать, что происходит рядом. Игры освещала пресса, журналисты замечали фигуры заключенных, наблюдавших за игрой с крыши медицинского корпуса.

Рядом с футбольным полем находился глубокий бетонный резервуар, который был также выстроен узниками на случай пожара в лагере – из резервуара сделали бассейн для эсэсовцев. Избранных горожан приглашали в бассейн и кинотеатр при лагере, но не в дни, когда крематорий работал в авральном режиме. На территории лагеря были сады и огороды, где узники выращивали продукты, которые никогда им не достанутся.

Горожане не питали иллюзий относительно намерений людей в униформе, охранявших лагерь. По городу были развешаны объявления с угрозами расстрела тем, кто попытается помочь заключенным. Горожан арестовывали, если они становились случайными свидетелями разговора об условиях существования в лагере. Один из городских каменщиков жаловался на бесчеловечные условия лагеря, за что его отправили в Бухенвальд, и с тех пор люди научились молчать и не поднимать головы.

Историки обнаружили несколько случаев, когда горожане пытались собрать доказательства или помочь. Анна Поинтнер, член австрийского Сопротивления, прятала документы и фотографии лагеря, сделанные испанскими заключенными. Анна Штрассер работала в бухгалтерии склада напротив железнодорожной станции. Каждый день она наблюдала прибывающие поезда. Состояние заключенных поразило ее, она лишилась сна, и каждый день в свой обеденный перерыв в полдень она проходила мимо станции и через проделанную в кармане пиджака дыру разбрасывала хлеб, пакетики соли и сахара, иголки, нитки и пуговицы в надежде, что заключенные их заметят. Она находила на своем пути документы и записки, спрятанные в обшивке вагонов, с просьбами «предупредить близких». Она прекратила свои попытки гуманитарной помощи лишь когда ее начальника – коренного австрийца с женой и детьми – арестовали за то, что тот бросил узникам кусок хлеба. Его сослали в Дахау.

Госпожа Штрассер была направлена на работу на танковое предприятие, но ее поймали за помощь местным заключенным. Гестаповцы сослали ее в лагерь Равенсбрюк, где она едва не погибла, но ее спас местный врач, и войну она все же пережила.

В феврале 1945 года произошел массовый побег русских узников из Маутхаузена, и местные фермеры взяли на себя риск прятать некоторых беглецов. Однако большинство горожан пустились на «заячью охоту», гнали заключенных и стреляли по ним, потому что сбежавших характеризовали как «опасных преступников, которые причинят вред семьям местных жителей». Из 400 русских беглецов большинство было расстреляно в ходе погони, некоторые замерзли на улице за ночь. Двоих спрятала прислуга на чердаке дома мэра. Из 57 пойманных выжили только 11 узников.

В городском отделении Красного Креста работала монахиня, которая записывала слова отчаяния горожан – они хотели вмешаться, но руки были связаны: «Многие хотели помочь заключенным, но строгие правила СС не позволяли этого, а доброжелателям грозила серьезная опасность». Некоторые горожане втайне встречались и обсуждали, как они могут помочь, но страх всегда пересиливал. Одни не знали всей правды до конца, другие боялись оказаться по другую сторону забора. Кто-то жаловался на запах, дым и пепел из крематория, заполонившие весь город. Администрация СС заверяла местных жителей, что отныне «разжигать печи» будут только по ночам. Чтобы снизить вероятность распространения инфекционных болезней, была организована *Sonderrevier* – команда врачей из числа заключенных, в чьи обязанности входил контроль заболеваний, которые могут навредить местному населению.

Единственная сохранившаяся жалоба в архиве местного представительства политической партии была написана в 1941 году Элеонорой Гузенбауэр, чья ферма находилась напротив лагеря, поэтому она часто наблюдала расстрелы: «Те, кого застрелили не насмерть, оставались лежать среди трупов часами, иногда по полдня они умирали в агонии... Я частый невольный свидетель таких преступлений. Это невозможно давит, я не смогу долго выносить подобные условия. Я требую либо прекратить акты насилия, либо делать это так, чтобы никто

не видел».

Именно сюда после 16-дневного путешествия по Европе прибыл поезд из Фрайберга со своим несчастным грузом. Среди пассажиров были Приска с 17-дневной дочерью Ханой, Рахель с 9-дневным Марком и Анка, все еще беременная. По-прежнему ни одна из них не знала о существовании других, и каждая старалась выжить любой ценой.

Несколько минут спустя после прибытия поезда № 90124 в Маутхаузен чьи-то руки привычным движением открыли ворота тюрьмы. Большинство узников не дожили лишь несколько дней до этого момента. А выжившие были в ужасе от увиденного и ослеплены дневным светом. Заключенные выглядели как сумасшедшие – тощие, оборванные, с глазами навывкате. Прежде чем они успели сделать вдох, эсэсовцы уже выгоняли их из вагонов и строили колоннами на помосте в сотне метров от искрящихся вод Дуная.

С северного берега реки, стоя среди невообразимой окружающей красоты, Анка видела лишь большие черные буквы на стене, означавшие «пост на заставе» – MAUTHAUSEN. Эти буквы не просто вернули ее в реальность в тот холодный весенний вечер 29 апреля 1945 года, но и спровоцировали первые схватки. И тогда даже девиз Скарлетт О'Хара не помог ей. Завтра наступило.

«Как только я прочла надпись, которую хотела видеть меньше всего, у меня начались схватки, – говорит Анка. – Что бы я себе ни думала, это был он. Меня поставили перед фактом... Я была так напугана, что это спровоцировало роды. Маутхаузен принадлежал к той же категории лагерей, что и Аушвиц. Газовые камеры, селекции – короче говоря, лагерь уничтожения».

Лиза Микова испытывала те же эмоции: «Когда мы подъехали к станции и увидели надпись, то сразу поняли – это нечто вроде Аушвица. “Ну, что ж. Значит нам конец”, – подумали мы. Оглядываясь друг на друга, все отметили, как ужасно они выглядят – кожа да кости. Вымазанные в саже, одежда вся в блохах. Мы уже выглядели мертвыми».

Анка вытерпела первые схватки. Ужас и боль парализовали тело, но она изо всех сил пыталась никому не показывать, что вот-вот родит, поэтому лишь схватилась за дверь вагона и глубоко вдохнула. Девятью месяцами ранее, душным летом 1944 года, когда всех ее близких пустили вверх по дымоходу, они с Берндом ютились в своей терезинской комнатенке. Они, в некоей мере, пытались заместить Дана, чья смерть разбила их сердца. Через несколько недель после зачатия второго ребенка Бернда Натана отправили на Восток. Анка не имела ни малейшего представления, был ли он все еще жив, но старалась не терять надежду, однако после Биркенау ей следовало ждать худшего. Значит, единственное, что у нее осталось – это ребенок, чье присутствие она так тщательно скрывала и чью жизнестойкость перед лицом подобных мук она искренне уважала.

Девушка ужасалась при мысли родить на заводе Фрайберга. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не родить в угольном вагоне. Ее бы потрясла новость о том, что в поезде находились еще две женщины, уже прошедшие через эти мысли. Теперь настал ее черед, но единственное, о чем она могла думать, так это о том, что ребенка, как только он родится, бросят в газовую камеру вместе с матерью.

Хватаясь за живот и глотая воздух, Анка кое-как выбралась из грязного вагона, пока вокруг суетились офицеры и надзиратели. Ноги подкосились, и она упала в грязь. Ее отволокли в сторону к больным и слабым, которые почти не могли двигаться. Девушка лежала среди них, согнувшись пополам и наблюдая за фермерской телегой, в которую загружали тела покойников и умирающих. С телеги беспорядочно свисали туловища и конечности. Анку бросили на самый верх. «Тех, кто мог ходить самостоятельно, повели в Festung, крепость. Слабых и больных загружали в телеги, потому что лагерь находился на холме, возвышаясь над Маутхаузеном».

Телега тяжело тронулась, а дезориентированная лихорадкой Анка лежала среди влажных тел и рассматривала изумительный пейзаж. Несмотря на отвратительно пахнущих тифозных женщин вокруг, отошедшие воды, окружающую грязь и насекомых, девушка не могла оторваться от захватывающего вида вокруг себя. «Я была голодна как волк, весила не больше

35 килограммов и совершенно не представляла, что меня ждет там, наверху... Будто у меня не было других забот, я просто наслаждалась пейзажем!»

Было около восьми вечера, солнце садилось, и Анка полулежа разглядывала прекрасный вид, потому что впервые за две недели выбралась из угольного вагона, лишённого всякого очарования. «Светило солнце, было холодно, впереди меня ожидало страшное, но какой все-таки был красивый весенний вечер. По мере того как мы поднимались на холм, я заметила Дунай и тронутые зеленью деревья. В тот момент я решила, что ничего красивее в жизни не видела – и, вероятно, не увижу».

К тому моменту, когда они взобрались на два с лишним километра в гору, схватки стали сильнее, а живописный пейзаж Верхней Австрии с церквями, замками и покрытыми снегом вершинами Альп в отдалении больше не мог ее отвлекать. От осознания собственного положения у нее сперло дыхание. «Грязная телега, и все эти чудовищные создания, лысые и в тряпье, вокруг меня. Люди умирали от миллионов глодающих их блох. В полубессознательном состоянии женщины льнули ко мне, ложились поперек. Я сидела. В этот момент начались роды. Боялась я лишь одного – что ребенок не выживет».

По мере того, как они все ближе подъезжали к Маутхаузену, девушка увидела перед собой красивую башню, возведенную камень за камнем несчастными заключенными. Ребенок начал выходить наружу, а девушка рассматривала огромные деревянные ворота и блестящие гранитные башни, с которых открывался вид высоты птичьего полета. Она испугалась, что никогда не выберется из этих стен.

Осознавая, что нуждается в помощи, она заметила в толпе следующих в лагерь русскую женщину-доктора, которая работала вместе с педиатром Маутерновой во фрайбергском лазарете. «Я умоляла ее помочь, но она лишь взмахнула рукой, пожала плечами и сменила направление. Она даже не взглянула на меня, не сказала: “Мне очень жаль. Все будет хорошо”».

Сдерживаясь из последних сил и стараясь избежать неизбежного, Анка переместилась с телеги в вагон, «как и прошлый, из-под угля», как только они въехали на территорию лагеря. Роженицу зажали между женщинами из телеги и несколькими новыми, и каждая из них, казалось, потеряла остатки разума. Анка закрыла глаза от боли, вагон тронулся прочь от ворот, в сторону медицинского блока рядом с футбольным полем.

Ребенок стремился выбраться наружу, Анка закричала, но осеклась – из-за близости офицеров СС. Был по меньшей мере один сопровождающий и один управлявший самой телегой. Ближайший к ней сказал: «Можешь продолжать кричать», но она так никогда не узнала, было ли это сострадание или сарказм. Сотрясаясь от боли и предполагая, что это ее последние мгновения на белом свете, она закричала что было сил.

«Все это время я думала о своей матери, Иде, но не о том, что она бы меня пожалела, а как бы она сказала: “Да как ты смеешь рожать в таких условиях! На телеге, три недели не мылась!” Она бы долго возмущалась!» И вот, на закате, в ужасных условиях, которые бы возмутили Иду Каудерову, Анка родила. Перемазанный в крови и слизи ребенок буквально выскользнул из нее. Необъяснимо быстрые роды по сравнению с ее мучениями во время рождения Дана. «Внезапно показался ребенок – раз, и он уже снаружи». Крохотное дитя не дышало и не двигалось. «Около 10 минут он не шевелился. Он не плакал... И вот я в вагоне, вокруг вповалку – женщины, и ребенок, неопикуемый ребенок!»

Несколько мгновений спустя телега остановилась у лазарета и кто-то позвал врача, который, как оказалось позже, был главным акушером в белградской больнице. «Он прибежал, отрезал пуповину и шлепнул ребенка [чтобы тот заплакал]. Тогда все встало на свои места... Малыш заплакал. Мне сказали: “Это мальчик”. Кто-то запеленал его в бумагу, а я внезапно почувствовала себя абсолютно счастливой».

В глубине души Анка хотела девочку, но, укачивая своего чудо-ребенка, она была рада просто тому, что он родился, и назвала его Мартином. У кого-то из окружающих она уточнила дату и время рождения, чтобы запомнить их на будущее – 20.30, 29 апреля 1945 года. Анку перенесли внутрь лазарета и положили на лавку, чтобы она отдохнула (и это несколько

настораживало). Помещение пропахло экскрементами и было далеко от санитарной нормы, но Анка знала, что остальным заключенным повезло еще меньше.

Темноволосое дитя покоилось на груди матери, так же, как и Дан всего год назад. Таких маленьких и слабых детей по медицинским показаниям помещают в теплые инкубаторы, но материнское тело согревало его собственным теплом, эти условия для ребенка еще лучше. «Я была счастлива, насколько это вообще возможно в подобных обстоятельствах. Я была самым счастливым человеком на свете».

Между тем Рахель с малышом Марком на руках такой радости не испытывала. Их также погрузили в телегу с больными и умирающими и повезли вверх по склону, к голодной разверстой пасти ворот лагеря. Как только они пересекли его пределы, всех выстроили на гранитном плацу неровными рядами и заставили чего-то ждать. Лагерь, казалось, находился в состоянии величайшей раздробленности. Воздух наполнился дымом от сжигаемых документов и мертвых тел. Вокруг суетились немецкие солдаты, бегали, потрясали бумагами в воздухе, будто готовились к чему-то значительному.

Никто из женщин фрайбергского поезда не знал о том, что за предыдущие месяцы популяция лагеря удвоилась из-за бесконечного притока эвакуируемых. Ситуация вышла из-под контроля. Еды не было в буквальном смысле слова, болезни поразили подавляющее большинство заключенных, а мест не было даже в палаточном лагере. По подсчетам историков, в то время в Маутхаузене и его дочерних лагерях погибало до 800 человек в день, и, несмотря на большое число прибывающих, к концу месяца в лагере осталось 20 000 человек. Немцы старались не оставлять следов, особенно после того, как 23 апреля самолеты Черчилля, Сталина и Трумэна сбросили на Европу листовки на всех возможных языках с угрозой «неустанно преследовать и наказывать» каждого, кто будет причастен к бесчеловечному отношению к заключенным. Это событие, как и приближение русских и американских войск, означало, что мир вот-вот узнает о происходящем на живописном австрийском холме.

Поезд, заполненный женщинами, стал еще одной проблемой командования. Когда было принято решение о судьбе прибывших, надзиратели вывели узников из оцепенения и группами по пятьдесят человек направили по лестнице «в душевые». Рахель, прижимая к груди ребенка под своим изорванным платьем, была слишком слаба, чтобы переживать, но вспомнила, что означали «душевые» в Аушвице. Газовые камеры Маутхаузена, по шестнадцать квадратных метров каждая, были также замаскированы под душевые комнаты, и через них прошли уже тысячи людей. За последние недели войны было зафиксировано 1 400 узников, погибших таким образом. 28 апреля, за день до прибытия фрайбергского поезда, в лагере были казнены 33 австрийских коммуниста, объявленных «врагами государства», 5 заключенных поляков, 4 хорвата и англичанин с австрийским гражданством. Экзекуции были осуществлены несмотря на присутствие в лагере делегации Красного Креста, требующей эвакуации нескольких сотен французов и граждан Бенилюкса.

Газовые камеры в Маутхаузене работали по другому принципу, но тоже использовали Циклон Б. Смертоносные кристаллы засыпали в металлическое хранилище с выведенной трубой, куда помещали предварительно нагретый кирпич. Циклон Б реагировал на тепло, и испускаемый газ прогонялся через трубу в помещение газовой камеры электрическим вентилятором.

Рахель не знала этого. Она также не знала, где находятся ее сестры и пережили ли они путешествие на поезде. Девушка почти смирилась с тем фактом, что ее муж, Моник, вероятно, уже мертв. Она не ожидала увидеть своего старшего брата, но хранила остатки надежды, что родители и младшие отпрыски семьи еще живы где-то далеко, в руках Менгеле и его подельников. Когда ее с сыном отправили в кафельную комнату со зловещего вида трубами, она решила, что настал их последний час. Наступал жалкий конец безрадостной жизни, до которой девушку и ее семью довели нацисты за последние шесть лет.

«Нас привели в газовую камеру, чтобы убить, но заключенные что-то разобрали – и она не сработала».

Никто никогда не узнает, действительно ли узников из Фрайберга повели в газовые

камеры или то были душевые рядом с плацем. Показания разнятся, во всеобщей суете последних дней стало сложно понять, какие из записей соответствуют действительности. По словам некоторых заключенных, секретарей лагеря и офицеров СС, последний раз газовые камеры использовались 28 апреля, потому что последующие убийства было бы сложно скрыть. Многие заключенные с уверенностью утверждали, что их собирались отравить сразу по прибытии, но, возможно, это был лишь способ устрашения, используемый нацистами для сохранения порядка.

Герти Тауссиг была в той же группе, что и Рахель, и считает, что их вели именно в газовую камеру, а никак не мыться. «Нашу группу в пятьдесят человек послали в камеру. Но газ не пошел и нас выпустили. Наверное, у них просто закончился яд. Все разваливалось – и камеры тоже сломались».

Рахель вспоминает: когда они вышли наружу, сухие, одетые и все еще живые, в лагере началась еще большая суматоха. «Немцы бегали туда-сюда и кричали друг на друга и заключенных. Один из них сказал: “Не переживайте, мы поместим их в Русский блок, их там блохи заживо съедят”». Женщин вывели из камер на плац; солнце почти село, начался дождь, узникам раздали суп и немного питьевой воды, переданных Красным Крестом. Их заставили сидеть на холоде и ждать остальных оборванных тощих скелетов, которые поднимаются в лагерь от поезда. «Им пришлось забираться самостоятельно, это заняло несколько часов», – вспоминает Рахель. Когда они добрались, всех заключенных собрали в один строй и повели к подножью холма, в Русский блок. Ряды узников провели сквозь ворота из проволоки с напряжением в 2 000 вольт и заперли в бараках, а недалеко от них, в лазарете, находилась Анка со своим новорожденным.

Герти Тауссиг говорит, что «в Русском блоке не было ничего, кроме соломенных матрасов и постельных клопов. Я тогда болела тифом. Не знаю уж, как я выжила. Наверное, просто повезло». Другие заключенные описывали условия существования: «Все были больны... Женщины умирали друг у друга на руках... Живые лежали в собственных экскрементах и звали к смерти».

Другие, включая Приску с малышкой Ханой, завернутой в пеленки матерей Горни-Бржизы, все еще медленно поднимались вверх по склону. Приска жадно глотала воздух, на подъем ушло два часа. Ее дочь жалобно постанывала от боли саднящих ранок на теле под грязным комбинезоном и чепчиком, безвольно лежа у сухой, опустошенной груди своей матери.

Вдобавок ко всем болезням и кровотокающим ногам, Приску и всю ее группу заключенных подталкивали и подгоняли дубинками надсмотрщики, с которыми приехал фрайбергский поезд – их, в свою очередь, озлобили местные офицеры СС. Оборванные и грязные заключенные проходили по красивому городу с деревянно-кирпичными домиками. Большинство горожан игнорировало их присутствие, а некоторые плевались в них и шептались, что все заключенные умрут, как только достигнут вершины холма.

Узники то и дело останавливались, чтобы перевести дух. Каждый был ошеломлен окружающим видом «свободного мира». Особенно трогал Приску вид Дуная, который протекал и по ее родной Братиславе. «Думай только о хорошем», – сказал ей Тибор, и она отчаянно пыталась не думать о сжигающей изнутри жажде или пробирающем до костей страхе, а сконцентрироваться на красоте пышной живой изгороди, цветочных лугах и почти забытом звуке птичьего пения.

Впечатления заключенных от приезда в Маутхаузен разнились в зависимости от того, поднимались ли они на телегах или шли пешком по одной из двух дорог, ведущих в лагерь. Те, кто шел через город, чувствовали себя невидимыми из-за отношения горожан, которые, в свою очередь, приветствовали офицеров, громко звали последних на мероприятия и спрашивали, что сейчас показывают в кино. Заключенные, измученные жаждой, нарушили строй, заметив фонтан в центре города. «Полуживые, они еле-еле тащились по городу. Жажда была невыносимой. В центре города оказался прекрасный фонтан, к которому мы ринулись, но местные жители не позволили нам приблизиться к воде, забросав камнями... Подоспели

эсэсовцы и дубинками вернули всех в строй», – вспоминает Лиза Микова.

Те, кого вели окольным путем, чтобы заключенных заметили как можно меньше горожан, припадали к растущей у дороги траве своими разбитыми губами. Кто-то срывал с деревьев цветки вишни и жевал их. Другие падали на колени, чтобы прильнуть к ручейку, протекавшему по долине у подножия холма.

Прижимая к груди крохотную Хану, Приска забиралась по склону, изнемогая от голода, и спрашивала себя, узнает ли когда-нибудь Тибор о том, что стал отцом, и встретит ли Хана первый свой, месячный, день рождения 12 мая. «Я отчаянно стремилась спасти ребенка. Это стало единственной целью жизни». Не выходя из состояния оцепенения, она достигла крепости уже к сумеркам и обессиленно упала вместе с остальными женщинами. «Я не узнавала друзей после того, что с нами сделал голод, но всех ждал сюрприз – посылки из Красного Креста. Там были кофе и сладости!»

Люди с трудом могли глотать, но жадно набросились на все, до чего могли дотянуться, потому что были уверены, что после их отправят на смерть. Перед заключенными возвышалась кирпичная труба крематория, стирая следы надежды. После приема пищи их заставили тихо ждать, за это время они испытали весь страх перед неизбежностью казни. Сил не оставалось не только на то, чтобы бежать или сопротивляться, но даже на то, чтобы поднять голову и посмотреть в лицо тем, кто их истребляет.

«Мы стояли и сидели во дворе лагеря в ожидании собственного конца. Появились заключенные-рабочие, спросили, откуда мы, завязался разговор, в ходе которого они сообщили – газовые камеры больше не работают. Один из них добавил: “Помощь где-то неподалеку. Вас больше не обидят. У них нет на это времени – они заняты собственным побегом”. Мы не были уверены, стоит ли всему этому верить. Даже если освободительный отряд был в одном дне пути, за это время нас могли убить», – говорит Лиза Микова.

По мере того, как Приска пробиралась к лагерю, налетел горный ветер и сбил ее с ног. Девушка упала на мостовую и успела расслышать «холодный» голос одного из офицеров СС, который на понятном ей языке рассказывал, что в лагере больше не осталось газа, а новые заключенные отправятся в *Zigeunerbaracke* – «цыганские бараки», куда недавно заселили узников Равенсбрюка. «Мы можем туда же отправить заключенных с этого поезда – хотя бы на время». Под знакомые крики «Schnell!» и испытывая на себе всю ненависть женщин-надзирательниц, заключенные прижались друг к другу. Все готовились снова отправиться в неизвестном направлении, а малышка Хана зашевелилась и чуть слышно застонала. Одна из надзирательниц заметила узелок, который Приска прижимала к груди, и закричала: «Ребенок! У нее ребенок!» Другая охранница бросилась отбирать узелок с криком: «Никаких детей!»

С необъяснимой силой Приска начала отбиваться от женщин, плевать, царапать им лица, когда одна из нападавших схватила Хану за ногу и началось смертельное перетягивание каната. Приска кричала и отбивалась, как дикий зверь. Сверток с детской одеждой выпал и был втоптан в грязь. Схватка за жизнь Ханы длилась несколько минут. Но в конечном итоге в драку вмешалась более взрослая надзирательница – одну руку она положила Приске на плечо, другой дала знак нападавшим, которые сразу же отстранились. Она потянулась, чтобы погладить Хану по голове, и тихо сказала: «Я не видела детей уже шесть лет. Я хочу посидеть с ней немного».

Приска проглотила возглас протеста и ошеломленно уставилась на лагерного ветерана. Без сопротивления другие надзирательницы ушли, Приска поняла, что это, возможно, ее единственный шанс спасти дочь. Неизвестная спасительница протянула руки, чтобы взять Хану, Приска на секунду замешкалась, но отняла от себя дитя. «Иди за мной», – сказала надзирательница с небольшим польским акцентом.

У бараков охраны Приске приказали ждать снаружи, а Хану унесли внутрь. Молодая мать бросилась к окошку, где сквозь милые хлопчатобумажные шторы увидела, как охранница распеленала ее дочь и положила на столик. Она стояла над ней, улыбаясь и воркуя, и, казалось, совершенно не замечала удручающего состояния ребенка. Надзирательница подошла к комоду, достала нитку и плитку шоколада – яство, о существовании которого Приска забыла

за эти годы. Женщина надломил шоколад, привязала нить и начала играючи дразнить ребенка. Хана наслаждалась первой в своей жизни игрой, дергала ножками и высовывала язычок. От горячего дыхания Приски запотело стекло.

Спустя час охранница запеленала Хану, надела чепчик и вынесла наружу. «Держи», – коротко сказала она, передавая ребенка дрожащей Приске. Молодую мать с ребенком было велено отвести в цыганский барак к остальным. Надзирательница развернулась на каблуке, будто дальнейшая их судьба ее не интересовала.

Чтобы достичь своего нового места жительства, помещения бывшего «лагеря Мессершмитта», Приска должна была спуститься по «лестнице смерти» в каменоломню, где, к счастью, по ночам было тихо. Когда девушка наконец достигла конца лестницы, у подножья которой погибли тысячи людей, их повели в самый дальний из 30 барakov всего блока, который выглядел чуть лучше остальных. Внутри находилась группа женщин, похожих на проституток; они ссорились в углу и даже не взглянули на вошедших. На грязном полу было несколько охапок сена и сломанные паллеты. Повсюду лежали изможденные женщины, с которыми девушка вместе ехала в поезде.

И глаз не находил ничего хорошего. Сюда людей бросали медленно гнить.

Остальные узницы из Фрайберга прошли по тому же маршруту, что и Приска, в тот момент, когда надзирательница играла с Ханой. Многие из женщин были настолько слабы, что не смогли преодолеть лестницу своими силами, они падали, и их стаскивали вниз остальные. К тому моменту, как все добрались до барakov, они были «слишком уставшими, чтобы продолжать жить». Некоторым девушкам, вроде Лизы Миковой, досталось более удачное расположение в центральных блоках лагеря, где приходилось лежать на одних нарах вчетвером, но вокруг были мужчины-рабочие, которые отдавали девушкам свою еду и воду. Ни у кого из этих женщин не было новорожденных детей.

Анка с младенцем находилась в антисанитарном лазарете, Рахель с Марком – в проеденном клопами бараке недалеко от них, а Приска и Хана корчились от истощения на полу грязной хибары; женский «марш смерти» подошел к концу. Все они по-прежнему были на произволе кровавого режима, их собственная война еще не окончилась. Оставалась масса способов умереть в Маутхаузене, самыми очевидными из которых были голод, измождение и многочисленные болезни – от которых все они уже страдали. В подобных условиях дети, безусловно, были предрасположены к гипотермии, гипогликемии и желтухе.

Никто из матерей не знал, что принесет следующий день, и каждая была слишком слаба, чтобы размышлять об этом. 30 апреля 1945 года солнце садилось за кромку Альп, а три новоявленные матери со своими чадами боялись представить, что их ждет.

В то же время русские войска подступили к бункеру в Берлине, в котором Адольф Гитлер попрощался со своей женой, Евой Браун. Они приняли заготовленный на этот случай цианид, и Гитлер для верности выстрелил себе в голову из личного пистолета. Тела вынесли наружу, облили бензином и сожгли. В своем завещании, написанном в день, когда Анка родила, Гитлер говорил, что «предпочитает смерть бесчестьем и капитуляции». Своим сторонникам он отдал приказ защищать чистоту расы до самого конца и «беспощадно противостоять мировой отраве – международному еврейству».

Новость о самоубийстве Гитлера быстро разнеслась среди нацистского командования, но не достигла умирающих мужчин и женщин, отчаявшихся в последние дни войны. Заключение слышали, как весь день офицеры кричали и стреляли, но узникам это говорило лишь о том, что они все еще находятся в сердце последнего действующего лагеря, который воплощал гитлеровские планы истребления врагов рейха.

«Немцы обезумели и кричали на всех, кто попадался под руку, – говорит Лиза Микова, которая была заключена в блоке на вершине холма. – Никто не решался выходить на улицу, чтобы не схватить пулю». Девушка сидела на грязном матрасе на полу своего барака, когда один из чешских заключенных принес ей хлеба. «Я должна жить», – уверила она себя. Хлеб был испечен из древесных опилок и каштановой муки, выглядел он в высшей степени несъедобным, но не это отвратило ее: «Я настолько обессилела, что не могла даже есть. Меня

колотило в лихорадке, все казалось страшным сном. Подошла женщина, разжала мои пальцы и забрала хлеб. Я безвольно смотрела на нее. Не было сил ни двигаться, ни сражаться».

Только к Анке и ее ребенку проявляли какую-то заботу в лазарете. Медицинского оборудования или лекарств практически не было, заключенные там медленно умирали. Сравнивая с отношением к ней в поезде, немцы «не могли сделать больше» – и она, и ее ребенок все еще были невымытыми, завернутыми в газеты, а вокруг больные умирали от тифа или чего похуже. «Когда мы прибыли, немцы уже были до смерти напуганы и внезапно начали нас кормить». Эта перемена в отношении была «навязчивой и страшной». «Я знала, что еще вчера они хотели нас убить, а сегодня мы оказались “избранными”».

Она помнила еще с рождения Дана, что младенцев нельзя кормить первые 24 часа жизни, поэтому не будила маленького Мартина. Когда она приступила к кормлению, молока в груди оказалось достаточно, чтобы «накормить пятерых детей». «Не знаю, откуда оно взялось. Если бы я была верующей, то сказала бы, что это чудо». Малыш, с ручками толщиной в мизинец, жадно набросился на материнское молоко.

На протяжении многих недель Анка ела в день не больше пары кусков хлеба, и внезапно ей приносят пиалу жирного супа с вермишелью. «Я была чудовищно голодна и съела все. Невозможно передать, какой я была голодной. Это могло меня убить, по правде говоря. Кишечник не выдержал». Практически сразу после приема пищи начался приступ диареи. «Я не могла позволить молоку испортиться, мне нужно было кормить ребенка. Но как можно было отказаться, когда ты настолько голоден?»

Ей удалось пережить приступ, но она все еще не была уверена, что если сегодня нацисты ее кормят, то завтра не пристрелят. Другие заключенные, находящиеся в лазарете, пытались убедить Анку, что о газовых камерах больше не нужно волноваться, ведь «их взорвали», но за все эти годы она научилась никому не доверять. Она не могла точно знать, говорят ли они правду, но очень на это надеялась.

У женщин из Фрайберга, заселенных в бараки за лазаретом, тоже была слабая надежда на спасение. Их блоки кишели клопами, каждый страдал от всех возможных заболеваний. Люди были еще грязнее, чем они привыкли быть. В воздухе висели невыносимые запахи экскрементов и разложения человеческой плоти. Тела мертвых сносили в лес, где собирали в общую кучу костей, обтянутых кожей. Герти Тауссиг, выбравшаяся из барака, чтобы справить нужду, не смогла устоять на ногах при виде этого зрелища. К ней подошел заключенный и заговорщическим тоном прошептал: «Я поделюсь с тобой секретом, самое вкусное – это ляжки».

Впервые за все время пребывания в лагерях их не поднимали утром. Не дали им и водянистого кофе на завтрак. На холме слышалась стрельба и ожесточенные крики немцев. Взрывы неподалеку стали музыкой для ушей узников. Из каменоломни все еще доносились звуки работ, но потом наступила оглушительная тишина, и каждый подумал, что их бросили здесь умирать.

После самоубийства Гитлера самые старые заключенные Маутхаузена, организовавшие группы сопротивления, заметили изменения атмосферы в лагере. Сборы на плацу продолжались, но работа в каменоломне была приостановлена (хотя самых выносливых все еще заставляли таскать гранитные блоки). Потом узники начали замечать, что немцев с каждым днем становится все меньше. «Старожилы» могли свободно перемещаться по лагерю и даже приносить еду и воду другим заключенным, чтобы приободрить. Почти не смолкал шум моторов, а делегации Красного Креста в конечном итоге позволили забрать заключенных граждан Франции и Бенилюкса. Узники, располагавшиеся под холмом, не представляли, насколько близко их освобождение, а все посылки Красного Креста разобрали бегущие немцы.

Впервые за многие месяцы Анке удалось полноценно поспать, Приска и Рахель также пытались отдохнуть и набраться сил, а дети выжимали из их груди последние капли молока. Никто из них не знал, что рано утром 3 мая 39-летний Франц Цирайс, комендант Маутхаузена, отдал приказ своим людям покинуть лагерь. Хранилища Циклона Б были демонтированы, а

лагерь передан пожарному отряду из Вены и нескольким немецким солдатам. Штандартенфюрер Цирайс вместе с женой спрятался в своем загородном доме, где позже был найден и убит. Все его офицеры разбежались.

В тот день, 3 мая, французский офицер, эвакуированный за неделю до этого Красным Крестом, сообщил союзным войскам, что в лагере находятся десятки тысяч заключенных, которых, скорее всего, постараются истребить, согласно письму Гимmlера, в котором он отдает приказ уничтожить все улики, которые могут использовать против нацистов.

Офицер заявил, что немцы планируют полное истребление заключенных, как значилось в секретном сообщении. Для этих целей были приготовлены газ, динамит и крематории. Убийства начались, когда офицер покинул лагерь.

Два дня спустя, 5 мая 1945 года, отряд «Громовержцы» (11-я бронетанковая дивизия Третьей армии США) во время разведывательной операции по сохранности мостов получил приказ сопровождать представителей Красного Креста в Гузен, а потом и в Маутхаузен. Отряды вел взводный сержант Альберт Косик, унтер-офицер, отказавшийся от чина лейтенанта, чтобы остаться со своими людьми. Он был сыном польских иммигрантов в Америке, в его распоряжении было 23 человека, 6 машин, 1 танк и личный разведывательный автомобиль. Когда он впервые увидел Маутхаузен, то решил, что это всего лишь завод.

Чуть позже он почувствовал «невероятную вонь», исходившую от лагеря, и понял, что это был завод иного рода – конвейер изощренных убийств. Как и у множества других солдат, столкнувшихся с нацистскими лагерями истребления в последние месяцы войны, это воспоминание навсегда останется с сержантом и его людьми. За высоким бетонным забором и двойной колючей проволокой солдаты обнаружили тысячи полуживых заключенных, в бессознательном состоянии и на грани обморока. Многие были раздеты донага, потому что спустя годы постоянных осмотров на плацу не стыдились ходить обнаженными. В последние месяцы войны вещи с них сваливались или были порваны более сильными заключенными. Предоставленные стихиям тела были испещрены ранами и изъедены болезнями.

«Я никогда не забуду это зрелище, – вспоминает сержант Косик. – Некоторые кутались в одеяла, но большинство ходили раздетыми, будь то мужчины или женщины. Все они представляли самое страшное зрелище, что я видел за свою жизнь. Они мало напоминали людей и, судя по всему, весили не больше 30 килограммов... я недоумевал, как они остались живы». Несмотря на физическое и психологическое состояние, некоторые заключенные были настроены воинственно и еще больше «пришли в бешенство от радости» – они кричали на разные лады и множестве языков, когда увидели подъезжающих к воротам американцев.

Сержант просил заключенных сохранять спокойствие и связался со своим руководством, чтобы доложить ситуацию, но, по некоторым свидетельствам, «он не мог описать то, что там нашел». Косик и его отряд уже видели не переживших «марш смерти» заключенных вдоль дороги, но не были готовы к действующему концлагерю. Ошеломленный Косик формально принял капитуляцию немецких и австрийских солдат, которые не проявили никакого сопротивления и добровольно сдали оружие. Нацисты были счастливы сдаться в руки американцам, лишь бы избежать плена у русских. Позже стало известно, что издалека они разглядели красную молнию – символику отряда «Громовержцев» (похожую на эсэсовскую) – и нашли в этом что-то свое.

Остальные немецкие стражи убежали или переоделись в полосатую форму заключенных, за что их казнили сами узники в приступе коллективного гнева. Особенно усердствовали русские заключенные, которым удалось выловить своих бывших надсмотрщиков из каменоломни и убить голым руками. Кто-то был избит, повешен или брошен на колючую проволоку, где их тела пролежали еще несколько дней. Кого-то из немцев вскрывали, потрошили, четвертовали. Других затоптали до смерти деревянными башмаками, которые они сами и выдали заключенным.

В лагере Гузен в четырех километрах от Маутхаузена Косик и его отряд уже стали свидетелями подобных сцен расправы над капос. Узники Маутхаузена шли за американскими солдатами, и последним приходилось бессильно стоять, наблюдая за яростью заключенных,

штурмующих комендатуру СС и уносящих оттуда все, что попадет под руку. На колючей проволоке обнаружили двух женщин, совершивших самоубийство. Как оказалось позже, они работали проститутками у немцев и не захотели, чтобы их нашли живыми. На кухне начался мятеж, тысячи узников ворвались туда и разрушили все, что смогли, «как полчище дикарей». Оголодавшие люди хватили горсти муки и засыпали себе в горло. Скелетоподобные узники боролись на полу за тряпье. Отчаявшись успокоить заключенных, сержант Косик трижды выстрелил в воздух и на польском языке приказал всем успокоиться.

Во всей этой неразберихе сержанту и его людям предложили «экскурсию», которую провел университетский профессор, отлично говоривший по-английски. Американцам показали несколько зон лагеря, включая крематорий, где печи работали «в полную мощность». Внутри горело пятеро человек вместо одного, пол был залит кровью, рядом с печью лежала куча убитых узников с расколотыми черепами. Были найдены тела, съеденные крысами, едва опознаваемые. Затронули тему каннибализма, после чего американцам показали кучи людей, сваленные «как бревна». В газовых камерах обнаружили трупы заключенных, одетых в робы.

Понимая, что этой ночью его отряду опасно оставаться в лагере, Косик организовал комитет из числа заключенных, который будет предотвращать мятежи и нападения на оставшихся надсмотрщиков и проституток, а также следить за распределением пайка. Он пригрозил, что если приказ не будет выполнен, то американцы оставят их на растерзание нацистам.

Американский отряд покинул Маутхаузен, но невыносимая вонь лагеря преследовала их повсюду. Многих охранников пришлось взять с собой, потому что те боялись расправы и просили о защите. Узники были напуганы, что американцы бросили их и вот-вот вернуться немцы, поэтому те, кто мог держать в руках оружие, организовали отряды защиты и патрулировали территорию.

Из воспоминаний Клары Лефовой: «Американцы внезапно ушли, и мы снова испугались – нас либо никто больше не накормит (несложно представить, как это ужасало нас), либо вернуться немцы. Мы не могли найти ответ на этот вопрос. Как оказалось позже, причиной стала разграничительная линия (между русскими и американцами), и было не совсем понятно, в чьей мы юрисдикции».

К вечеру 5 мая 1945 года они были официально свободны. 27-летний сын польских родителей сержант Косик лично освободил 40 000 узников концентрационных лагерей Маутхаузен и Гузен и принял капитуляцию 1 800 немецких военнопленных.

В 1975 году Косик вернулся в Маутхаузен со своей женой, чтобы вести процессию освобождения через главные ворота лагеря во время празднования 30-й годовщины со дня Победы. Все эти годы он поддерживал связь со многими сослуживцами и несколькими освобожденными узниками, такими как венгерский подросток Тибор Рубин, эмигрировавший в Америку и получивший впоследствии Почетную медаль США за храбрость, проявленную во время военных действий в Корее. Еще двое польских освобожденных навещали сержанта Косика и его семью в Чикаго (Иллинойс) много лет спустя, чтобы лично поблагодарить его за все добро, что он сделал. Он умер в 1984 году в возрасте 66 лет.

Его сын Ларри вспоминает: «Мой отец с трудом говорил об этом опыте всю свою жизнь, но он лично сделал письменный отчет, когда мне было 13 лет и я изучал войну в школе. Он знал о детях в лагере, это всегда его поражало, но он безмерно гордился своим отрядом».

Освобождение

Приска узнала о прибытии американских солдат, когда до нее донесся смех – «самая прекрасная вещь на свете», – который она не слышала годами. Показалось, что вдалеке звучит музыка.

Она поднялась со своей грязной соломенной лежанки и неверными шагами подошла к окну. Щурясь на полуденном солнце, Приска заметила три незнакомые машины с белыми звездами, в которых находились молодые солдаты, но не в немецкой форме. Это были

американцы. После столь долгого ожидания освободителей видеть их во плоти казалось галлюцинацией. Они были совсем другими – другая форма и каски, походка, говор и запах.

Многие заключенные впали в экстаз и кричали «Мир! Да здравствует мир! Мы свободны!» на всех языках Вавилона, но остались и те, кто безразлично лежал на своем месте, не в силах пошевелиться. Женщины тихо плакали и молились, чтобы эти улыбчивые молодые люди в униформе не оказались жестоким обманом зрения. Молодые девушки, которые всю жизнь мечтали встретить благородных вояк, внезапно застыдились. Они пытались выветрить приставший к ним запах, щипали себя за щеки, чтобы стать румянее, и приглаживали кишачие паразитами волосы.

Среди американцев был молодой врач, техник пятого разряда Лирой Петерсон. В момент освобождения лагеря ему было 22 года, он подрабатывал корреспондентом газеты Иллинойса и путешествовал с боевым формированием под руководством генерала Паттона. На его каске и нарукавнике были нарисованы большие красные кресты. К тому моменту Пит, как его называли сослуживцы, «подлатал» сотни человек на поле боя и был удостоен медали «Пурпурное сердце», после того как попал под обстрел и был ранен во время Арденнской операции. Когда его отряд достиг Маутхаузена, он был первым, кто бросился к баракам у подножья, чтобы оказать помощь узникам, и продолжал следить за состоянием пострадавших в течение двух последующих недель.

«Я многое видел до того, как попал в этот лагерь. Но все же ужаснулся состоянию полуживых оголодавших людей», – вспоминает Лирой. Когда он добрался до барачков, где мужчины спали впятером на одной подстилке, то обнаружил там «скелет» с едва заметным пульсом, который скончался у него на глазах. «Чудовищное зрелище. Пришлось собрать все свои силы». Молодой врач не был вооружен, поэтому его заранее предупредили, чтобы он держался на расстоянии от заключенных и не позволял себя трогать из-за расплывшихся блох и инфекционных заболеваний, но заключенные «столпились вокруг него». По мере продвижения по барачкам и осмотра больных и умирающих узников, он стал свидетелем расправы заключенных над офицерами СС, переодетыми в тюремные робы.

Приска, с трудом удерживая себя на ногах у окна барака, услышала голоса солдат и узнала язык. Ей вспомнилось время, когда еще девочкой она преподавала языки в своем саду. Девушка собрала все силы и слова, которые смогло восстановить воспаленное сознание, и выкрикнула просьбу о помощи. «Я попросила их на английском прийти к нашему барачку. Один из солдат, к счастью, был медиком. Он увидел сверток, открыл его и осмотрел ребенка, тело которого было покрыто фурункулами из-за недоедания».

Пит был поражен, встретив мать с новорожденным ребенком в подобных антисанитарных условиях. Оба были обезвожены и измождены, ребенок был болен и покрыт «клопами, размером больше него самого». Пит отправился на поиски старшего офицера, майора Гарольда Стейси, чтобы рассказать о находке. Майор был дивизионным хирургом, вместе с Питом они попали под пули, когда шли заменять двух убитых медиков в ходе Арденнской операции.

«Я обратился к нему: “Док, пойдем со мной. Я тебе кое-что покажу”. Он последовал за мной в барачки, и мы оба убедились в том, что ребенку, маленькой девочке, была пара недель от роду. Она была рождена в другом лагере». Пит уточнил имя ребенка, и кто-то ответил ему: «Хана, ее зовут Хана». «Когда они прибыли в Маутхаузен, их должны были убить. Но совершенно случайно в тот день кончился газ».

Хана была страшно недокормлена и страдала от множества инфекций сразу, поэтому оба врача решили, что ее шансы на выживание ничтожно малы. Вокруг них были тысячи заключенных, которым требовалась срочная медицинская помощь, в лагере царил эпидемия тифа и дизентерии. Несмотря на это, мужчины решили немедленно предпринять меры по спасению ребенка.

Убеждая Приску дать согласие на вмешательство врачей, Пит пообещал взволнованной матери, что они сделают все возможное, чтобы спасти малышку. Второй раз за неделю Приску просили отдать ребенка в незнакомые руки, но она боялась упускать Хану из виду. На ломаном

английском она умоляла взять ее с собой, пока майор Стейси не заговорил по-немецки, чтобы успокоить ее. «Мать была готова на все, чтобы пойти с нами, – говорит Пит, – но майор убедил ее, что ребенка вернут, как только мы окажем помощь, и девушка успокоилась». У Приски не было сил спорить. Она смотрела им вслед и спрашивала себя, увидит ли она снова свою Ханичку, ее голубые глаза и вздернутый носик.

Врачи забрались в джип, майор держал ребенка на руках, а Пит доставил их к 131-му эвакуационному госпиталю у Гузена. Это место было единственным, где можно найти необходимые хирургические приспособления, чтобы остановить распространение инфекции. Майор Стейси отправил Пита дальше вдоль Дуная, к 81-му медицинскому батальону, чтобы достать пенициллин – «волшебное лекарство», которое лишь недавно появилось в обиходе и хранилось в специальных охлаждающих контейнерах.

К возвращению Пита майор уже начал операцию, открывая и надрезая многочисленные гнойники. Во время этой продолжительной и сложной процедуры он по одному вскрывал каждый нарыв и вырезал зараженные участки кожи. Пит присоединился к операции, стирал гной и обрабатывал раны пенициллином. Некоторые надрезы пришлось зашивать, их следы остались на теле Ханы на всю жизнь.

Приска ждала новостей о своей дочери долгие часы напролет. Ее перевели в лазарет, где людей клали по трое в палате, и у каждого была собственная кровать. Когда американская медсестра принесла конверт с ребенком на следующий день, по лицу матери катились бессильные слезы. Девушка взглянула в глаза медсестре и закричала в ужасе: «Она что, умерла?»

«Нет, нет. Жива! И здорова!» – заверила Приску медсестра и передала ребенка. Мать поклялась больше никогда не спускать с ребенка глаз.

Пит продолжал наблюдать за состоянием Ханы, регулярно навещая мать и ребенка. Майор считал, что недели в вагоне с углем почти убили дитя. «По его мнению, именно там девочка подхватила инфекцию, которая распространилась по всему телу».

Мужчины пытались убедить Приску уехать в Соединенные Штаты, как только у нее и ребенка будет достаточно сил, чтобы перенести дорогу. «Майор пытался уговорить ее перевезти ребенка в Америку и был готов обо всем договориться к их приезду... Он чувствовал, что им необходим дальнейший уход, который мы могли обеспечить, но она не соглашалась. Ей нужно было попасть в Чехословакию из-за мужа... девушка надеялась, что он выжил и вернется домой». Приска вежливо отвергла предложение, сложила вещи, заботливо сшитые женщинами из Фрайберга для ее дочери, и молилась о скорейшем ее выздоровлении, чтобы отправиться домой.

В нескольких бараках от Приски все еще лежала Анка с ребенком, завернутым в газеты. Ни салфеток, ни пеленок было не достать, все три недели были лишь газеты. По-прежнему ни единая новость о Приске и Хане или Рахель и Марке не достигли ее слуха, и каждая из матерей считала, что лишь ее ребенок был «чудом». Реакция американцев не развеяла ее иллюзий. «Прибывшие солдаты уставились на нас, как на восьмое чудо света. Меня снимали для сводки новостей. Они никак не могли поверить своим глазам – тощая мать (30 кг) и ее крошечный ребенок (1,5 кг), живой и двигающийся. Они и представить себе не могли, что такое возможно в условиях лагеря».

Помимо всего внимания, оказанного ей, самым большим сюрпризом стал шоколад, которым поделился один из солдат. «Это было прекрасно, но нам не разрешили съесть все. Что за мучение!» В конечном итоге шоколад стали выдавать маленькими кусочками. Через несколько дней Анка подозвала американскую медсестру: «Я попросила ее вымыть моего малютку сына. За всю жизнь его ни разу не мыли. Она посмотрела на меня, как на сумасшедшую: “О чем вы говорите? У вас же девочка!” Я впала в истерику – первую за все это время – как это “девочка”, когда мне сказали “мальчик”? Я не знала, что и думать. Я не могла поверить, что так бывает».

Анка закатила такую сцену, что врачи бросились к ее кровати. По ее просьбе каждый внимательно осмотрел ребенка, которого она звала Мартином, и подтвердил, что это все же

девочка. Один из врачей объяснил, что подобные ошибки в практике очень распространены – у новорожденных половые органы несколько увеличены и раздуты. «Я была так счастлива, ведь я всегда хотела девочку! Она была похожа на ангелочка. Я не могла от нее оторваться, все грела ее ножки в своих ладонях».

Убаюкивая дочь после первого в жизни купания, Анка выбрала имя Ева, потому что оно одинаково во всех языках, сократить его нельзя. Это казалось важным, ведь все эти годы имена и языки людей имели столь роковое значение в их жизни. Несмотря на то, что ребенок родился 29 апреля, в телеге, подъезжавшей к воротам Маутхаузена, Анка решила отмечать второй день рождения, 5 мая, когда девочка была освобождена и «рождена заново» в качестве Евы Натановой – свободного гражданина. Схожее решение приняла каждая из матерей.

Сестра Рахель, Сала, была первой из семьи Абрамчик, кто понял, что американцы освободили Маутхаузен, когда 6 мая, спустя сутки после принятия капитуляции немцев сержантом Косиком, она услышала артобстрел. После этого она заметила проходящих солдат. «Когда приехали военные джипы США, я начала плакать, люди повсюду кричали и аплодировали, хотя и не могли встать, чтобы приветствовать солдат. Некоторые так и умерли – лежа, аплодируя и благодаря американцев за то, что они пришли. По крайней мере, они уже знали, что все кончилось, но сколько же тогда умерло людей. Сколькие ослабли и сдались, не дождавшись».

Сала была так взволнована, что бросилась к старшей сестре, чтобы рассказать новости. «Я закричала: “Рахель! Война закончилась!”», а она дала мне затрещину, решив, что я сошла с ума!.. В тот день мы все заново родились, но особенно это касалось малыша Марка. Солдаты были так к нам добры. Боже, храни Америку!»

В конечном итоге Рахель поверила, что сестра говорит правду, но была слишком слаба, чтобы встать с постели и взглянуть на освободителей собственными глазами. В лагере царил разуха. Облегчение стать свободным и вид белых флагов над главными воротами вернули радость узникам, но нашлось место и ярости от того, что с ними делали все это время. Мужчины кричали и зверели. Огромный деревянный Reichsadler (имперский орел), расположенный на крыше гаража СС, был низвергнут и растерзан озлобленными заключенными. Все оставшиеся охранники и функционеры СС были казнены, а узники играли на расстроенных инструментах и пели воодушевляющие патриотические песни.

Среди американских солдат находился капитан Александр Готц, врач медицинского подразделения 41-й разведывательной кавалерийской роты. Он описывает события того дня как «ужасающую и гротескную оперу, в которой актеры едва напоминают людей». Когда все успокоилось и американцы восстановили контроль над ситуацией, заключенные все еще были в опасности. Они столкнулись с новым, неожиданным врагом – милосердием.

Солдаты получили распоряжение не кормить заключенных, пока их не обследовала медкомиссия. По мере освобождения предыдущих лагерей, военные успели понять, что кормить оголодавших до такой степени людей может быть смертельно. Но молодые солдаты 11-й дивизии подобного опыта не имели и не смогли отказать мольбам заключенных, что обернулось трагедией. Американцы с радостью отдали свои пайки, включая сладости и сигареты, не задумываясь о последствиях.

Мужчины и женщины, питавшиеся до этого дождевой водой, корой деревьев и травой под ногами, принялись есть сигаретный табак. Те, кто никогда не видел жвачку, глотали ее целиком. Вооружившись острыми камнями, узники разбивали консервные банки и набирали полный рот бобов, хватали бекон и сыр, плитки шоколада и никак не могли остановиться.

За годы лишений их тела достигли того состояния, при котором уже не могли переваривать твердую пищу. Около 1 300 обезвоженных и ослабевших заключенных погибли от тошноты и диареи в первые дни после освобождения из-за непереносимости той пищи, что им дали добрые солдаты. Еще 2 000 умерли от тифа и дизентерии.

Все три новоявленные матери были подвержены той же опасности. Женщин переселили из наполненных блохами бараков в помещения с удобствами, накормили и напоили, но узники внезапно начали умирать. «Они никогда раньше не встречали настолько истощенных людей.

Поэтому дали нам все и сразу».

Один из солдат дал Рахель плитку шоколада из своего пайка. Она не помнила, когда последний раз видела шоколад, поэтому какое-то время молча на него смотрела. Отломив кусочек, она поднесла его к носу, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Солдат, решив, что она не знает, что это такое, начал медленно проговаривать: «Положи его в рот, прожуй и глотай». Он пытался жестикулировать, изображая процесс, но в этот момент Рахель расплакалась. «Он спросил, почему я плачу, но я не смогла ответить, поэтому он ушел». Позже он вернулся и спросил снова.

«Потому что ты объясняешь мне, что такое шоколад», – наконец ответила она.

Он извинился и добавил: «Когда ты последний раз смотрелась в зеркало?»

Девушка вспомнила, что, должно быть, это было в мае 1944 года, пока она еще была в лодзинском гетто с Моником и любимой семьей.

«Когда мы сюда попали, сначала показалось, что вы дикие, – извиняющимся тоном объяснил американец. – Мы ведь и представить не могли, что вы совершенно нормальные».

Эти слабые тени, некогда звавшиеся людьми, забыли, что такое быть нормальными. Многие из них были слишком слабы, чтобы оценить радость освобождения и избавления от нацистов. Одна из выживших предположила, что они так долго ждали этого, что сперва не смогли всего осознать. «Мы были немощны и пусты, чтобы вновь испытывать счастье».

Некоторые узники в страхе, что вернуться нацисты, бежали сквозь открытые нараспашку ворота лагеря. В большинстве случаев они были настолько измождены, что замертво падали сразу за воротами. Кто-то добежал до ближайшего города или соседних ферм – и чаще всего там им давали одежду и еду. Самые дезориентированные просто падали на землю, не в силах вынести охватившее их чувство свободы или чудо существования природы.

Их борьба была не окончена – в последующие недели и месяцы смогли выжить только самые сильные. Мало кто из них знал о капитуляции немцев 7 мая 1945 года в Реймсе (Франция). Или что День Победы в Европе отмечали уже 8 мая, и миллионы людей вышли на то шествие. Узники были разбиты, духовно и физически, их родные и близкие умерли, а сами они лежали на грязных койках Маутхаузена. Казалось, что поводов для радости недостаточно.

В течение нескольких недель после капитуляции нацистов Германская империя была поделена между союзными странами. По лагерю прошел слух, что эта часть Австрии достанется Советскому Союзу, хотя лагерь освободили американцы. Крайним сроком для передачи управления было 28 июля 1945 года. Американцы должны были уйти вниз по Дунаю, а советское руководство взять на себя ответственность за лагерь и всех оставшихся заключенных. Для многих евреев, которые боялись русских не меньше, чем нацистов, эта дата также стала крайним сроком для эвакуации на территории под американским руководством.

Чтобы остановить поток инфицированных заключенных, стремящихся покинуть лагерь, американцы закрыли ворота и пообещали, что те смогут покинуть лагерь, как только вылекутся. «Мы просто хотели домой, – говорит Сала, чье состояние было значительно лучше, чем у других, – но нам сказали, что лучше этого не делать, в округе еще оставались эсэсовцы. Люди не понимали этого или просто не хотели принять, поэтому задержку объяснили карантинном». Сала старалась помочь по мере возможностей, работала медсестрой в лазарете на 600 человек, установленном американцами, и в полевом госпитале на 1 000 человек. Она помогала раздавать витамины и ставить уколы, заботилась о больных и умирающих на протяжении 10 дней. «Я должна была помочь, пусть даже эта помощь выражалась в том, что я накормлю человека последней едой в его жизни».

Она подхватила тиф. «Я не помню, что со мной происходило. У меня началась горячка. Помню, итальянский доктор сказал, что я не переживу болезнь, и с того дня Эстер заботилась обо мне. Она пробиралась через окно в палату и кормила меня. Сестру не заботило, что болезнь может перейти на нее. Около недели я была на грани смерти, все это время она провела подле моей кровати, потому что я не могла ни ходить, ни видеть. Однажды я попросила ее достать клубнику. Я не представляю, как ей это удалось, но она мне ее принесла. В бреду я кричала: “Не надо мне клубнику!” Бедняжка Эстер, она спасла мне жизнь».

Рахель тоже делала все, что могла. При поддержке американцев и Красного Креста была организована полевая кухня, которая следила за размером порций и качеством продуктов. Людей, которых предполагалось кормить, было так много, что к провизии пришлось ставить охрану. Тогда было решено организовать печи у каждого барака и давать пищу 3–4 раза в день. Рахель стала во главе своего барака и принялась готовить. «Ребенка я передала медицинскому работнику, сестры мои были больны, поэтому я взяла котелок и принялась варить суп», – говорит она, отмечая, что роль старшей и ответственной она приняла с заботой о младших отпрысках своей семьи еще с раннего детства в Пабьянице.

Состояние Салы долгое время ухудшалось, тиф распространялся по всему телу. На ее выздоровление ушли долгие недели, но она была вне опасности. «Я была чудовищно больна. Я бежала в ванную, но она выглядела, как ад – повсюду лежали мертвые тела». Однажды пришел врач и заявил, что наступил июнь. «Он сказал: “Давайте откроем окна. На улице лето, и мы поправляемся”. И я поправилась. Я смогла».

В последующие недели все три матери и их чада постепенно набирали силу и даже вес, находясь в разных отсеках лагеря, каждый из которых был на карантине. В лагере все еще оставались десятки тысяч больных, но выживших заключенных, о которых нужно заботиться. Американцы звали это «организованным хаосом», и несколько облегчало ситуацию лишь то, что многие из узников все еще были слишком слабы, чтобы встать.

Кроме единственного раза, когда Рахель услышала, что в лагере есть другие дети, но так и не увидела их собственными глазами, матери оставались в неведении относительно друг друга. Они могли бы поддержать друг друга в Аушвице, на протяжении всего времени во Фрайберге, в поезде, но каждая продолжала думать, что ее ситуация – уникальна. Могла ли какая-то другая женщина и ее ребенок пройти через все то, что они пережили? Впрочем, у них было слишком много забот, чтобы думать об этом – вернуть жизненную силу и человеческий вид к тому моменту, когда они выйдут отсюда и встретятся с Тибором, Моником и Берндом.

«Нас по-прежнему не выпускали из лагеря, потому что американцы боялись, что мы заразим немцев. Нас продержали еще 4 недели, – вспоминает Рахель. – Спустя несколько дней некоторых девушек отпустили в город, и горожане дали им одежду. Выжившие помылись и снова стали походить на людей». Белошвейки из числа бывших заключенных сделали из одеял юбки, приспособили мужскую одежду, которая осталась от надзирателей, и вещи покойников. Некоторые срывали шторы и покрывала из офицерских блоков и шили себе легкие хлопковые юбки и блузки. Самым везучим удалось добраться до брошенных домов нацистов и поживиться дорогими платьями их жен. Выжившая Эстер Бауэр с улыбкой вспоминает, что ей достался «темно-зеленый шерстяной костюм с меховым воротничком», чему она была несказанно рада.

Когда на место прибыло руководство союзных войск, они потребовали открыть в Маутхаузен публичный доступ, чтобы местные жители увидели все ужасы нацизма, происходившие у них под носом. Рыдающие горожане клялись, что не представляли подобного кошмара, они лишь чувствовали запах и видели дым. Руководство потребовало, чтобы горожане оказывали помощь бывшим узникам. В их обязанности входило купание заключенных в воде из Дуная, стерилизация или сожжение одежды и опрыскивание дезинфектантами.

Хваленая площадка, на которой австрийцы чествовали футбольную команду эсэсовцев, превратилась в братскую могилу на тысячу человек. Практически все были неопознанными, некоторые тела начали разлагаться. Отряд американских солдат на бульдозерах или с ковшами, прикрепленными к танкам, выкопал траншею в 30 метров длиной, 3 шириной и 2 глубиной. В этом отряде был задействован сержант Рэй Бач, прибывший 10 мая. «Мы копали траншею на месте бывшего футбольного поля. Эсэсовцы установили там бетонные основания. Бульдозером было сложно копать. Нужны были рабочие, чтобы выкапывать камень вручную. Мы даже пытались взорвать его динамитом, но гранит – один из самых крепких материалов. Мы пытались складывать людей вплотную, головы к ногам... чтобы аккуратно всех похоронить, а не просто друг на друга. Получилось две горы по пятьсот человек. В одной

загрузке грузовика помещалось двести тел, но их было так много, что трудно сказать наверняка».

Немецких военнопленных, в том числе бывших офицеров СС, принудили участвовать в погребении узников. Горожан Маутхаузена, получавших выгоду от присутствия СС, собрали в лагере в выходных нарядах. Мужчины и женщины плакали, стонали и копали ямы, грузили тела из бараков в вагоны, складывали рядами по 150 человек. Могилы были заложены землей и надгробиями, каждое из которых отмечено крестом или звездой Давида. На некоторых захоронениях были указаны имена, даты рождения и смерти, но большинство все же оказались неизвестными. Над могилами произнесли молитвы, а всех местных жителей с детьми привели на массовые похороны.

Выжившие осознали свободу, хотя и не верили, что этот день настал, после столь долгого ожидания и множества смертей окружающих. Бывшие заключенные продолжали срывать злость на тех, кто виноват в перенесенных ими страданиях. Когда немецкие пленные закончили копать могилы, их заставили мыть туалеты, разбирать и сжигать кишасицы паразитами бараки, работать в каменоломне и исполнять прочие бесчеловечные поручения, которые они давали тысячам заключенных в годы войны.

Несмотря на все попытки держать лагерь закрытым, окружающие дома, фермы и магазины подвергались набегам, а испытывающие вину горожане отдавали тощим больным нападающим все, чего те просили.

Май подходил к концу, наступало лето, и узники освободились от цепкого озноба, преследовавшего их долгие годы. Ситуация налаживалась. Полупрозрачные, мертвенно-бледные заключенные сотнями выходили из своих бараков, чтобы полежать на траве под солнцем. Золотистые лучи смягчали суровый окружающий вид, а пение птиц успокаивало самые болезненные воспоминания. Большинство людей поскорее хотели покинуть стены, которые напоминали о пережитом кошмаре, но еще страшней жизнь была вне этих стен. Союзные войска пообещали репатриацию всем освобожденным, но многие уже не могли вернуться в Германию, Польшу или Советский Союз, где из-за распространившегося антисемитизма вырезали целые общины. Каждый страдал при мысли о том, что произошло с близкими, каждый желал воссоединения с последними выжившими родными, но какая опасность могла подстергать тех, кто вернется на родину и затребует свою экспроприированную собственность? Есть ли еще на свете то, что они когда-то называли «домом»?

Старые и молодые были одинаково травмированы пережитым опытом и уже не знали, чего хотят на самом деле. Эти душевные раны не затянутся до конца их жизни. Неопределенное количество человек покончили с собой из страха, что их ожидания от свободы не будут соответствовать тому, что ждет их за стенами лагеря. Другие же, напротив, настолько долго пробыли в заточении, что готовы были полностью изменить свою жизнь, начать ее заново. Тысячи бывших заключенных планировали массовый исход в «землю обетованную», мандат Палестины, которую евреи звали «Эрец-Исраэль». Другие обратили внимание в сторону Америки, Канады и Австралии – эти страны вызывали у них доверие. Но все понимали, что будет очень сложно выстраивать свою жизнь заново, и каждый боялся, что страны со строгой миграционной политикой будут недовольны полчищем обездоленных беженцев.

Вопросы бывших узников о том, куда им пойти и что делать со своей жизнью, спровоцировали массовый кризис, который союзные войска должны были решать своими силами. Число выживших узников оценивалось в 8–9 миллионов человек, их начали расселять по лагерям для беженцев, которыми руководили такие организации, как квакерский отряд помощи, Агентство ООН по помощи и реабилитации беженцев и сама армия. Небольшие лагеря беженцев организовывали в зданиях школ, гостиниц и госпиталей, но самым очевидным местом для содержания беженцев все еще были военные гарнизоны и концлагеря, в которых узники были заключены. До конца июля 1945 года концлагерь Маутхаузен существовал в качестве лагеря беженцев – одного из 2 500 на территории Германии, Италии,

Франции, Швейцарии, Англии и Австрии. В его стенах выжившим давали одежду, еду и койко-место, регистрировали, лечили и составляли документы на репатриацию. Далее необходимо было ждать ответа страны репатриации или спонсорства родственника. Этот процесс мог длиться годами, и отношение к оторванным от дома людям на содержании часто бывало не столь милосердным, как хотелось бы.

Красный Крест делал все возможное, чтобы ускорить эту процедуру, а Агентство ООН организовало централизованный поиск родственников, публикуя списки имен в газетах и распространяя с помощью теле- и радиовещания. Волонтеры проводили интервью с бывшими узниками, заполняли необходимые бумаги. В конечном итоге репатрироваться смогли от 6 до 7 миллионов, еще 1,5 миллиона эмигрировали – предприятие оказалось колоссальным, продолжительным и далеко не всегда однозначным.

Для тех, кому было поручено организовать репатриацию 40 000 узников Маутхаузена 24 национальностей в места, где они хотели бы жить и что некогда считали своим домом, весь этот процесс превратился в логистический кошмар. Большинство выживших находились в критическом психологическом и физическом состоянии, у них не было ни одежды, ни денег, ни документов. Европа превратилась в плавильный котел. Транспорт был задействован для отправки провизии или доставки на родину отрядов и орудий, теперь же необходимо было доставить сотни тысяч людей в разные уголки мира.

Транспортировки должны были осуществляться бесплатно для самих узников, но предстояло решить, кто оплатит издержки – союзники или страны, принимающие беженцев. В конечном итоге счета поделили поровну.

Возникли и другие сложности – никто не мог подтвердить, что они те, за кого себя выдают. Каждый мужчина, женщина или ребенок, прошедшие через концентрационные, трудовые или лагеря истребления, должны были иметь документ, идентифицирующий их хотя бы кратко, но у большинства было клеймо с номером или, в крайнем случае, они помнили свой номер во время ежедневной переключки на плацу. Документы нацистов сгорели или были спрятаны, поэтому не оставалось никакой возможности узнать, откуда родом эти люди.

Даже с появлением списков в газетах оставались большие сомнения относительно будущего людей, чьи общины были полностью стерты с лица земли. В новостях появлялись сообщения об изгнаниях и убийствах заключенных, вернувшихся в свои родные города. Вдовы и сироты доходили до крайней степени отчаяния, и солдаты всеми возможными способами пытались убедить их эмигрировать в Штаты.

Выжившая Клара Лефова подружилась с 19-летним Максом, солдатом родом из Бруклина (Нью-Йорк), и была соблазнена перспективой эмиграции. Девушка запала Максиму в душу, он приносил ей еду и сигареты, которые стали неким эквивалентом лагерных денег. Когда пришло время ее отъезда, Макс «формально» попрощался и протянул руку. Она потянула свою в ответ, но отпрянула, потому что все еще была больной и грязной. Тогда он сам притянул ее руку и поцеловал. Она никогда не забывала о его доброте: в конечном итоге девушка осела в Америке, а добрый солдат стал частью истории ее семьи, внука Клары назвали Максом в честь заботливого юноши.

Приска с тоской смотрела на воды Дуная и изо всех сил стремилась вернуться с Ханой в родную Братиславу. Она была уверена, что в их квартире ждет Тибор, окруженный своими блокнотами и курительными трубками. В последний раз она видела его сквозь мотки колючей проволоки в Аушвице много месяцев назад, но «мысли только о хорошем» не позволяли ей думать, что он мог погибнуть.

Рахель с сестрами – которым было чуть больше двадцати – хотелось лишь одного. «Наш отец часто повторял, что если нас разделят во время войны, то по ее окончании мы обязательно должны вернуться в Пабьянице. Как только все мы немного окрепли, было принято решение немедленно отправляться туда», – говорит Сала. Рахель надеялась, что если Моник выжил, то он приедет за ней и наконец увидит сына, о существовании которого даже не знает. Она не была уверена, что фабрика все еще принадлежит их семье, но в любом случае они постараются начать новую жизнь.

Анке и маленькой Еве некуда было больше податься, кроме родной Чехословакии, но она находилась в оцепенении и не представляла, что там найдет. «Я прекрасно понимала, что родители и сестры погибли – это чисто дедуктивный вывод, но не была уверена насчет Бернда». Осталось ли что-нибудь принадлежащее ее семье в Тржебеховице-под-Оребем? Может ли она вернуться на фабрику отца или виллу сестры Ружены, или их конфисковали и сожгли? Стоит ли оставаться в Европе, если ничего и никого родного не осталось?

Сомнение поглотило всех. Не осталось ни одной европейской страны, нетронутой войной, беспорядки царили по всему континенту. По мере того, как союзные отряды находили нацистов, появлялось все больше свидетельств их зверств. Тысячи немцев бежали из своих домов и были вынуждены прятаться. Сотни офицеров СС и члены их высшего командования были арестованы, переданы суду и казнены, но еще больше смогли скрыться; среди сбежавших был и унтершарфюрер Фрайберга Рихард «Шара» Бэк, над которым так и не свершилось правосудие.

Генрих Гиммлер, доверенное лицо Гитлера и один из наиболее виновных в Холокосте людей, был пойман 23 мая 1945 года. Рейхсфюрер СС, лично контролировавший концлагеря и посещавший Аушвиц и Маутхаузен, чтобы убедиться в ответственном исполнении «окончательного решения еврейского вопроса», проглотил ампулу с цианистым калием прежде, чем его передали суду.

В июне 1945 года «Ангел смерти» доктор Йозеф Менгеле был пойман американцами, но месяц спустя по ошибке выпущен на свободу. Притворившись фермером и изменив имя, последующую жизнь он провел в бегах, пока не утонул в Бразилии в 1979 году. Жена развелась с ним и забрала сына сразу после войны. Менгеле так и не раскаялся до конца жизни и утверждал, что лишь выполнял приказы сверху. Он так никогда и не узнал, что Приска, Рахель и Анка со своими детьми просочились сквозь его ухоженные пальцы в Аушвице.

Удача, мужество и решительность поддерживали трех молодых матерей на протяжении всей войны, и те же самые качества помогли им выстроить свою жизнь «после». Мир изменился. Остались одни вопросы и ни одного ответа. Где их родные и близкие? Какой будет теперь жизнь? Как отметил один из освобожденных, «физически и морально я был одним сплошным знаком вопроса».

Прежде, чем думать об отъезде домой, каждая из матерей должна была зарегистрировать дату рождения ребенка. Детей следовало записать в городском муниципалитете Маутхаузена с 14 по 17 мая 1945 года. Как только Рахель и Анка были в силах идти, они отправились в город, заплатили формальную пошлину и заполнили необходимые формы. Приска была не в состоянии смотреть в лицо горожанам и попросила мужа своей подруги, Мартина Грегора, сделать это вместо нее.

Каждая мать получила официальное австрийское свидетельство о рождении. Хана, по ошибке записанная как Эдита Ханна Левенбейн, была рождена во Фрайберге 12 апреля 1945 года; в свидетельстве была пометка «перевезена поездом». Но ни слова о том, что роды проходили на грязном столе без медицинской помощи в немецком трудовом лагере, за день до того, как ее вместе с матерью принудительно эвакуировали на поезде. Отцом записан Тибор, матерью – Приска, с пометкой «без фактического адреса», прежде чем девочка была признана резидентом Братиславы.

Марк и Ева были зарегистрированы рожденными в Маутхаузене или «бывшем концентрационном лагере Маутхаузен», с датами рождения 20 и 29 апреля соответственно. У обоих также не было определенного места жительства. Сотрудник регистратуры так и не смог поверить, что Марк родился в угольном вагоне поезда под дождем, где-то в районе Моста. В свидетельстве малышки Евы, рожденной на грязной телеге в тени огромных ворот лагеря, значилось время рождения – 8.30 вечера, – но никаких описаний чудовищных условий рождения.

Вооружившись свидетельствами, карточками на провизию, собственными идентификационными документами и подписанной Красным Крестом бумагой, что они действительно были в концлагере, девушки наконец были готовы к путешествию. Каждой

выдали документ от нового начальства Маутхаузена о том, что они совершенно здоровы. Красный Крест раздавал одежду и головные уборы по возможности всем, но оставались и те, кто все еще донашивал вещи, которые им бросили по прибытии в лагерь много лет назад. Выжившие дрались за свитера с нашивками «Сделано в США». Девушкам оставалось лишь дождаться своего поезда.

Они провели в заключении от восьми месяцев до четырех лет. Каждой это время казалось целой жизнью. Им было от 26 до 29 лет, ни одна не считала себя еврейкой. Девушки изменились до неузнаваемости физически и психологически. Они уже с трудом могли вспомнить свою жизнь до войны, беззаботную и веселую, когда они были молоды и влюблены. «Я превратилась в старуху, хотя вышла из лагеря в 26 лет», – говорит Рахель.

Русские военнопленные, которым удалось пережить все тяготы жизни в Маутхаузене, отправились домой первыми – 16 мая 1945 года, им устроили трогательные проводы. Когда люди собрались на плацу, чтобы попрощаться с ними, русские дали «клятву Маутхаузена», что всегда будут идти по пути свободы, сражаться против межнациональной розни и выступать за национальную и социальную справедливость. «Ворота одного из самых жестоких и кровавых концентрационных лагерей открыты... Мы возвращаемся в свою страну. Освобожденные, благодарите своих освободителей от всего сердца, ведь это стало возможным благодаря их боевому союзу. Да здравствует свобода!»

Американцы и Красный Крест снабдили уезжающих блоками сигарет, туалетными принадлежностями и самой необходимой пищей в дорогу. Наблюдая за удаляющимися на родину русскими, каждый бывший узник позволил себе помечтать о возвращении домой. Где-то далеко от этих стен была их забытая жизнь. Те, кто не попал под колеса нацистской машины истребления, продолжали заниматься своим делом изо дня в день, строили дома, облагораживали города, растили детей и рожали новых. Обычные люди вернутся на работу и постараются забыть войну – как постараются сделать это и бывшие узники.

Семьи и друзья выживших никогда уже не вернутся домой, но всякий рассчитывал, что есть еще на кого положиться. Приска, которой на момент выхода из лагеря было 29 лет, надеялась, что ее школьная подруга Гизка все так же живет в Злате-Моравце и хранит доверенные семейные реликвии. Электропередача и коммуникационные системы по всей Европе были испорчены во время бомбардировок, возможности позвонить подруге не было – да и номера Приска не знала. Перед отъездом она пообещала Эдите, которая помогла ей перенести все невзгоды, поддерживать связь и делиться всем, что происходит в их дальнейшей жизни.

Рахель потеряла множество родных и близких в годы войны, но с ней все еще оставались три ее младшие сестры. Окружающие часто теряли всю семью, не оставалось ни единой родной им души, а у нее были Сала, Эстер и Бала.

С Анкой по-прежнему была ее верная Мицка. За четыре года жизни в условиях гетто и лагерей они почти умерли вместе и с тех пор были связаны на всю жизнь. Были и другие женщины, с которыми установились добрые человеческие отношения – вместе с Анкой они плакали о потере Дана, и они же собрались, когда родилась Ева.

Ни одна из молодых матерей не знала о местонахождении своего мужа – Тибора, Моника и Бернда. Остроумный журналист, добрый хозяин фабрики и красавец-архитектор: трое достойнейших молодых мужчин, амбициозных и целеустремленных, встретили любовь своей жизни и женились перед самым началом событий, потрясших землю и навсегда изменивших судьбу этих людей. Могли ли они выжить? Какова вероятность того, что каждая молодая жена встретит своего возлюбленного, как в сказке, и план нацистов окончательно рухнет? Или, может, все их мечты рассыпались, как песок сквозь пальцы? Был лишь один способ узнать. Нужно собственными глазами увидеть то, что осталось от стран, в которых они провели счастливую юность.

Словакия была освобождена русскими отрядами в апреле 1945 года. Из 90 000 евреев этой страны выжили лишь 20 000. Прибытие Красной армии стало предвестником захвата власти Коммунистической партией тремя годами позже и присоединения к Восточному блоку,

в составе которого страна пробудет еще 40 лет. В первую очередь Словакия изгнала всех немцев и приняла обратно своих граждан. Словацких заключенных переправляли из австрийского порта в Энсе по Дунаю. Меньше чем за неделю Приска с дочерью Ханой проделали путь в 270 километров на восток и прибыли в самое сердце Братиславы, ее любимого родного города. Она высадилась на берег в нескольких минутах ходьбы от их с Тибором квартиры, где их арестовали на Иом-кипур в сентябре 1944 года. Незамужняя Эдита вернулась в свою разрушенную Венгрию и увидела, что осталось от всего, что когда-то было дорого ее сердцу. Женщины продолжали общаться всю последующую жизнь.

Польша изменилась до неузнаваемости. Среди всех стран Европы именно в Польше проживало больше всего евреев, поэтому страна стала эпицентром Холокоста. Она не только больше остальных пострадала от воздушных бомбардировок, но и потеряла миллионы граждан. Советская армия установила свои порядки на территории Польши, немцы вынуждены были бежать. Множество поляков отказались возвращаться на родину и эмигрировали в Германию, находившуюся под контролем Америки. Рахель и ее сестры думали об эмиграции, но не смогли нарушить обещание, данное отцу.

Польское и советское руководство выделило грузовые вагоны для транспортировки выживших Маутхаузена. Вагоны очистили и оставили двери открытыми, чтобы не напоминать бывшим заключенным об ужасах путешествий по лагерям. Рахель с сыном и тремя сестрами расположились на лавках вагона, получив еду и воду. Им предстояло путешествие длиной в 800 километров, в страну, которая уничтожила почти всех своих евреев и пугала весь мир самыми жестокими концлагерями.

Ближе всего добираться до дома было Анке, но для нее это было не обычное возвращение в свою страну. Прага, расположенная в 200 километрах, пережила трехдневную революцию, начавшуюся 5 мая, в день освобождения Маутхаузена. Чешские и русские солдаты свергли правление нацистов за 2 дня до официальной капитуляции и запустили сообщение «Смерть немцам» по всем радиостанциям. Желавшие возмездия горожане вышли на улицы и начали убивать тысячи немецких солдат и гражданских, зачастую очень жестоко. Местная полиция превратила некоторых пойманных членов СС и вермахта в «живые факелы», толпы гнали мужчин, женщин и детей, независимо от позиции этих людей относительно войны. Известных докторов и профессоров калечили, расстреливали и казнили.

Восстание окончилось за день до прибытия Красной армии в Прагу 9 мая и начала массового изгнания с территории Польши и Чехословакии трех миллионов этнических немцев, во время которого было убито еще несколько тысяч человек. Анка была женой немца, что ставило ее в неопределенное положение. Являясь евреем по крови, Бернд терял право на немецкое гражданство согласно Нюрнбергскому соглашению, а значит и его жена немкой не являлась. Но по официальному законодательству он все же оставался гражданином Германии, значит и она тоже. Она никогда не отрекалась от родной страны, но формально Анка потеряла чешское гражданство. В результате она оказывалась без дома и гражданства, вероятно, овдовевшая и с больным ребенком на руках – в ситуации было мало приятного. Кончился май, а значит, она провела в гетто и лагерях уже четыре года, и больше всего на свете она хотела домой.

Чехия страдала от нехватки топлива, поэтому власти не могли отправить свои поезда в Австрию и несколько сотен человек застряли в лагере. Чтобы как-то ускорить процесс, в Прагу отправили выдающегося чешского профессора права Карлова университета Вратислава Бусека, политического заключенного, который пробыл в лагерях пять лет. Через неделю профессор вернулся с новостями о поезде. Он ждал своих граждан на станции в Ческе-Будеевице, чехи украсили его цветами и плакатом «Z rekla Mauthausen – domu» («Из ада Маутхаузена – домой»). Анка с ребенком и терезинскими друзьями отправились туда на автобусах и грузовиках, после чего они пересели на поезд до Праги.

Три новоявленные матери, с крошечными детьми на руках и в чудовищно несоответствующей одежде, были поглощены толпой во время массового исхода из Маутхаузена летом 1945 года. Черно-белые фотографии, снятые американцами, запечатлели

извивающуюся человеческую очередь вниз по холму до самого города. Каждый выживший терпеливо ждал своей очереди, чтобы сесть в грузовик, военный или со знаком Красного Креста, который доставит их в порт, на станцию или пункт сбора. Все они предвкушали светлое будущее, пока их не схватили и не превратили в нищих беженцев.

У освобожденных была последняя возможность насладиться потрясающим видом, где так долго правило зло. Кто из них не бросил последний взгляд на стены места своего заключения и не подумал: «Что бы было со мной, если бы я не совершил страшный, по мнению нацистов, грех – родился от еврейской матери?» Настало время взглянуть в будущее. Кто-то из них заметил: «Теперь мы можем начать жить по-настоящему».

С самого первого своего вздоха, когда их крошечные сердца стали биться синкопой с сердцами матерей, трое новорожденных могли быть уничтожены в любой момент. Тысячи детей не пережили Вторую мировую войну. У миллионов не было на это шансов.

За шесть лет нацисты уничтожили две трети 9,5-миллионного еврейского населения Европы и миллионы неевреев. Из тысячи женщин, загруженных в поезд на Фрайберг, до станции города добралась лишь половина. По чудесному стечению обстоятельств три молодые матери, которые пережили каждый из пересчетов и осмотров нацистами, смогли добраться до последней переклички.

Благодаря отваге, вере и удаче, их дети стали первыми, кому дали в лагерях имена вместо номеров. Бросая вызов самым темным временам того века, они получили право зваться последними людьми, пережившими Холокост.

Для каждого из них 1945 год стал концом того, о чем с болью придется вспоминать до глубокой старости. Но тогда же они получили то, чего не пережить многим последующим поколениям – второй шанс начать жизнь и снова ее полюбить.

Дом

Приска

Первое пассажирское судно, которому открыли путь по Дунаю, покинуло порт Энса и отправилось на восток 19 мая 1945 года, через три недели после освобождения узников Маутхаузена. Судно тяжело и низко шло по реке из-за большого количества пассажиров-беженцев, зажатых на палубе и мечтающих скорее добраться до дома. Среди них была и Приска Левенбейнова.

Путешествие было долгим и сложным, судно – опасно перегружено, но они медленно пробирались к Вене за минно-тральным кораблем, который проверял воду на наличие оставшихся бомб. Дунай попал в руки нацистов после того, как Гитлер признал территорию его бассейна частью юрисдикции Германии. Обстреливая немецкие самолеты, боевая флотилия Черного моря прошла по основным портам Европы и установила их защиту. К концу войны река была заполнена потопленными судами, нагруженными взрывчаткой и бомбами, свободно дрейфующими в водах Дуная. Эти подводные мины представляли большую опасность для судов долгие годы после войны.

Судно совершило вынужденную остановку в Тульне, в 150 километрах от Маутхаузена, потому что во время бомбардировки были разрушены авиационная база, нефтезавод и железнодорожный мост. В связи с разрушением последнего переправа по реке была приостановлена, следовало разобрать завал. На протяжении двух дней судно стояло на западном берегу Тульна, а несчастные пассажиры должны были спать на соломе. Неожиданная остановка пугала нервных заключенных, ведь они находились на родине Гитлера. Некоторые пассажиры требовали высадки на берег. Они отправлялись пешком на запад, чтобы поймать поезд до Вены или дальше, расплачиваясь за билеты американскими сигаретами, которые ценились не меньше золота. 22 мая Приска сошла на Зимней пристани Братиславы и обнаружила, что, хотя город и бомбили, его историческая часть была почти

невредима. Она всем сердцем хотела отправиться домой и узнать, ждет ли ее Тибор, но первоочередной задачей было позаботиться о ребенке. В дороге раскрылись раны, бинты намокли от крови, девочке нужна была медицинская помощь.

Опасаясь, что потребуется консультация именно майора Стейси, Приска бросилась в детский госпиталь на Дуклянской улице, где врач-педиатр Чура, бросив лишь взгляд на недокормленного ребенка, покрытого ранами, заявил, что требуется немедленная госпитализация. Второй раз за несколько недель Хана должна была подвергаться хирургическому вмешательству, следовало вскрыть и заново вычистить каждый нарыв, образованный недостатком витаминов. Снова зашив все раны, доктор передал ребенка в отделение специального ухода.

Приска ждала хороших новостей и молилась о добром здоровье Ханы. «У меня было хорошее предчувствие, потому что она хотела жить – она по-настоящему хотела жить», – говорила она позже. Профессор Чура произнес эти же слова, когда операция была окончена.

Как только все закончилось и Хана была вне опасности, две монахини забрали ее оголодавшую мать на больничную кухню. Жадно озираясь по сторонам, она заметила на печке горшок с чем-то вроде тушеных бобов. Прежде чем кто-то успел опомниться, она схватила сосуд и в один присест опустошила его, а люди наблюдали за ней в «оглушительной тишине».

«Меня никто не остановил, слова мне не сказал. Как же я была голодна!»

Монахини заметили, что Приске также нужна помощь, поэтому предложили место в госпитале, пока ее дочь выздоравливает и набирается сил. Она с благодарностью согласилась и осталась в госпитале на две недели. После небольшого отдыха и убедившись, что Хана спит, Приска наконец смогла отправиться в место, где, по ее мнению, должен ждать Тибор – старая квартира на улице Ворот Фишермана. Она была ошеломлена, когда увидела, что именно этот дом стал одним из немногих разрушенных во всем старом городе. Вокруг нее были руины. Она в отчаянии бродила по развалинам, пока не нашла одну из записных книжек Тибора; его почерк было легко разобрать, хотя книга была в грязи. Приска хранила ее как талисман всю свою жизнь.

В центре Братиславы местная еврейская община установила большие щиты, где предполагалось вывешивать сообщения, чтобы по ним найти близких. Приска оставила там запись, что они с дочерью выжили и ждут по адресу госпиталя. После этого она вернулась к Хане и продолжала ждать Тибора и любого из близких, кто смог пережить войну. Проходили дни и недели, в городе объявилась ее младшая сестра, Аничка, и дядя Гиза Фридман, с которым Аничка нашла приют в Татрах. Их дедушка пережил все нацистские зачистки, но, к сожалению, умер, случайно выпав из окна. Дядя Гиза предложил найти место, где они смогут вместе жить. Со временем Хана полюбила дядю, «Апу», единственную мужскую фигуру в ее жизни, да и Приска воспринимала Гизу как отца, за неимением своего собственного.

Брат Банди прислал письмо из Эрец-Исраэль о том, что у него все хорошо и он живет с женой и падчерицей. Ко всеобщему удивлению, объявился и брат Янко, который все это время мужественно сражался в партизанском отряде. Волосы отросли до плеч – их покинул мальчик, а вернулся взрослый мужчина. Благодаря военному прошлому, ему предоставлялось множество привилегий, в том числе выбор места жительства, и первое, что он сделал, – это передал Приске ключи от четырех огромных квартир, из которых нужно было выбрать. Было совершенно ясно, что все квартиры принадлежали некогда еврейским семьям, которые никогда не вернуться. Приска отказалась жить в «обуви мертвеца» и твердо решила поселиться рядом с прежним местом, чтобы Тибор мог ее найти.

Шли недели, но так и не приходило вестей от ее родителей, Эмануэля и Паулы Роны, добропорядочных владельцев кофейни в Злате-Моравце, депортированных в Аушвиц в июле 1942 года. От друзей семьи она узнала, что ее родители умерли в газовой камере спустя месяц после прибытия в Биркенау. Не вернулась и сестра Боежка, 34-летняя белошвейка, которую Приска пыталась снять с поезда в марте того же года. Годы спустя она узнала, что Боежка избежала газовых камер благодаря своим талантам в рукоделии и была назначена ответственной в швейный цех Аушвица. На протяжении трех лет она шила и латала униформу

СС. Рискаю собственной жизнью, Боежка проявляла милосердие к девушкам, которые работали под ее началом, и смотрела сквозь пальцы, когда они чинили и свою собственную одежду. В декабре 1944 года, за месяц до освобождения лагеря, Боежка бросилась на ограждение под напряжением и покончила с собой; эта новость разбила сердце Приски. Позже выяснились более точные сведения о том, что Боежка заболела тифом, от которого и скончалась. Приска решила верить во вторую версию.

Недели обернулись месяцами, но так и не было слышно ни слова от Тибора. Приска искала его глазами в толпе, но не находила ни следа. Она чувствовала себя в некоем загробном мире, где она не могла двинуться вперед, но не могла и назад, в те времена, когда они были вместе. У нее на руках был больной ребенок, а значит, она не могла работать и приносить деньги. Она не представляла, что будет дальше со страной. Чехословакия была реформирована, президент Йозеф Тисо повешен за содействие нацистам, 80 % еврейского населения истреблены, а будущее под руководством коммунистов выглядело очень неопределенно.

Проведя несколько недель в госпитале, Приска воспользовалась деньгами Красного Креста и своего дяди, чтобы снять комнату рядом со своей старой квартирой, где она могла бы раз в день прогуливаться по улице в надежде, что ее муж ждет рядом. Комнаты были на втором этаже дома обслуги, за трехэтажным зданием на площади Гвездослава. Там было сыро, бегали крысы, но появилась своя спальня, гостиная и кухня, где они установили ванную.

Однажды Приска, толкая перед собой коляску с дочерью, проходила мимо доски объявлений, чтобы узнать, не появилось ли новостей, и встретила господина Жужа, которого знала еще до войны. Он тепло ее поприветствовал и рассказал, что был в лагерях вместе с Тибором. Оба оказались в числе 1 300 узников, которых отправили в лагерь Гливице в 20 километрах от Аушвица, где заключенных эксплуатировали на кирпичном производстве, строительстве и ремонте грузовых поездов для нацистских железных дорог. Господин Жуж сообщил Приске, что ее муж не вернется. «Он не верил, что его жена и ребенок выживут», – сказал он девушке, а ее сознание стало сопротивляться этим новостям. «Он перестал есть и стал слишком слаб, чтобы позаботиться о себе. Тибор часто говорил: “Чего стоит моя жизнь без жены и ребенка?”»

Приска никак не могла разобрать его слова, будто не понимала их значения, и с невидящим взглядом ушла горевать в одиночестве. Как она ни старалась, но так и не смогла отыскать информации о смерти Тибора. В конечном итоге, собрав воедино новости, полученные от других выживших, она узнала все, что ей было нужно. В январе 1945-го, при температуре 20 градусов ниже нуля, 1 300 измученных узников Гливице в робах и деревянных башмаках отправились на «марш смерти» протяженностью 40 километров из своего лагеря до завода Блеххаммер. Их предупредили, что отбившихся от строя ждет расстрел. Они шли по снегу и льду, присоединившись к очереди в 4 000 человек, пробиравшихся к Гросс-Розену, одному из последних действующих лагерей, приблизительно в 200 километрах. Этот «марш смерти» стал одним из самых значительных в истории. Сотни узников в порванных тюремных робах, чей скелет не мог больше выносить таких условий, были расстреляны. Тела убрали с дороги и бросили в кювет, с глаз долой.

«Тибор сдался, – сказал Приске один из переживших тот марш. – Умер от голода в январе 1945-го... Он упал на дорогу и, наверное, там и остался... Скорее всего, его застрелили».

Тибор Левенбейн, журналист с трубкой в зубах, улыбающийся банковский клерк, муж и отец, погиб неизвестно где, на заледеневшей дороге в Силезии, буквально за несколько месяцев до конца войны, в возрасте 29 лет. У Приски не было его тела, чтобы оплакать его или произнести кадиш. Не было ни похорон, ни надгробия, на который клали бы камни, зажигали бы свечи на йорцайт, поминальный день. Не было вообще никакого ритуала, ни еврейского, ни какого-либо другого.

Его вдова так и не оправилась от этой смерти. До конца своих дней она отказывалась снова выходить замуж: «Мой брак был прекрасен. Я осталась одна, потому что больше ни с

кем не могла и не хотела жить, не было на свете похожих на него людей».

Подруга детства Гизка вернула Приске ее семейные реликвии. Среди них были свадебные фотографии, несколько писем Тибора и изображения ее родителей. Там же были любимые серьги и медальон матери, который она носила на золотой цепочке, и карманные часы деда.

Решив посвятить себя науке, Приска наняла местную девочку для ухода за Ханой и вернулась в магистратуру французского и английского языков. Как она и планировала, вскоре она стала учителем в Братиславе, в начальной школе на Карпатской улице. В 1947 году она сменила фамилию, потому что школьный инспектор жаловался: произносятся «Левенбейнова», язык сломать можно. «Одна из моих коллег сообщила инспектору, что я собираюсь менять фамилию на “более словацкую”, так я и поступила». Приске всегда нравилось французское слово l'homme, означающее «человек», и она решила, что Лом с суффиксом «—ова» будет звучать проще. Она еще сильнее обрадовалась, когда узнала, что среди голливудских звезд есть чешский актер по имени Герберт Лом.

Приска растила дочь под именем Ханы Ломовой и крестила ее в евангелистской церкви. Мать прилагала много усилий, чтобы дать дочери отличное образование. «Я была ей и матерью, и подругой, и советчиком. Мы жили друг для друга. Она никогда меня не подводила».

Приска оставалась в Братиславе на протяжении пяти лет, пока не смирилась с мыслью, что Тибор не вернется домой. Ее сестра Аничка снова вышла замуж и прожила в городе до конца своих дней. Брат Янко уехал в «землю обетованную» в 1948 году, чтобы присоединиться к Банди. В 1950-м дядя Гиза убедил Приску уехать с ним на восток Чехословакии, в Пресов, где была построена новая клиника, а его назначили заведующим отделением пульмонологии. Хана была ребенком со слабым здоровьем, страдала от кровотечений из носа, аденоидов и расстройства кишечника, поэтому дядя решил, что ей будет лучше на горном воздухе и с доступом к медицинскому уходу.

Приска стала учителем иностранных языков в Пресове, где, после нескольких лет преподавания английского, французского и немецкого, открыла отделение английского языка и литературы при местном университете и была назначена ведущим специалистом философского факультета. В 1965 году, пока Хана училась в колледже в Братиславе, Гиза – ее любимый дядя Апу – покончил жизнь самоубийством, решив, что у него рак легких. Ему было 65 лет. Приска нашла его в их общем доме, и это совершенно выбило ее из колеи. Неожиданно оставшись одна, она не выдержала и отправилась обратно в Братиславу, чтобы быть со своей дочерью.

Хана впервые обнаружила свои истинные корни в возрасте шести лет, когда кто-то назвал ее «вонючей еврейкой». Она прибежала домой и рассказала матери о случившемся, на что та ответила: «Я покажу тебе фотографии своих родителей, которые были евреями». Хана взглянула на них и сказала: «Хорошо, значит, я хочу быть еврейкой. Теперь можно пойти дальше играть?» С тех пор этот вопрос ее больше не беспокоил. Она никому не говорила о том, что родилась в концентрационном лагере: «Как-то случая не было подходящего».

По мере того, как Хана росла, Приска старалась напоминать ей удивительную историю их семьи, показывала фотографии Тибора и рассказывала о его жизни. У нее сохранилась его записная книжка и коллекция марок, которые он отдал на сохранение одному из друзей. «Я хотела, чтобы она знала, кем был ее отец и через что мы прошли, но воспоминания должны были оставаться светлыми. Хотелось, чтобы она чувствовала родство с отцом и понимала, какой была жизнь в то время... Я все помнила и передала это ей».

Хана описывала мать как «человека вспльщивого», но решительного – если уж она решила, что дочь выживет, то так и будет. Долгие годы Хана надеялась, что ее отец пережил лагерь, и с надеждой всматривалась в лица всех высоких голубоглазых блондинов с усами, которых встречала на своем пути. Лишь в 20 лет она, наконец, приняла правду о его смерти.

Они с матерью поддерживали связь со своей защитницей Эдитой, которая приехала к ним из Вены, когда Хане исполнилось 19 лет. «Я никак не могла перестать ее обнимать!» –

вспоминает Хана. В 1944 году Эдита в качестве мицвы – морального долга, пообещала Тибору, что позаботится о его беременной жене, когда они встретились в поезде. В свою очередь, она также надеялась выжить и однажды встретить мужчину своей жизни. Ее молитвы были услышаны, и после войны она вышла замуж за раввина. Хана вспоминает их встречу: «Ее муж был очень сдержанным, у них было двое детей. Эдита не прекращая говорила о мужестве моей матери».

Приска надеялась найти и другую Эдиту, которая сыграла важную роль в ее жизни, доктора Маутернову, которая помогала при родах на фрайбергской фабрике и позже сбежала с поезда. «Мы расстроились, узнав, что она умерла после войны. Я так и не смогла ее поблагодарить», – говорит Хана. Приска организовала встречу с женщинами, разделившими нелегкий опыт заточения, среди них были Чава Ливни и Магда. Хана должна была с ними познакомиться. Девочка встретила и мужа Магды, актера Грегора, который оформлял ее документы в Маутхаузене. «Выглядишь намного лучше», – сказал ей Грегор. Позже Хана познакомилась с человеком, который работал в редакции газеты вместе с ее отцом. «Ты – дочь Тибора?» – спросил он и начал плакать от нахлынувших теплых воспоминаний о друге.

В 1960 году, когда Хане исполнилось 15 лет, Приска отвезла ее в Горни-Бржизу, чтобы лично поблагодарить всех тех, кто помогал заключенным поезда. Господин Павличек к этому моменту умер, но о нем говорили с теплотой. Они возложили камни на общую могилу 38 заключенных того поезда, которых изначально погребли рядом с железной дорогой, а позже перезахоронили на городском кладбище. От горожан они узнали, что советские солдаты заставили пленных офицеров СС раскапывать могилы узников голыми руками и заново их хоронить. Мальчики Ярослав Ланг и Вацлав Степанек наблюдали за этим действием вместе с остальными жителями. «Нам было приятно это видеть. Это был акт возмездия. Немцы должны были заплатить за содеянное».

Тела перезахоронили с подобающей церемонией, на могиле установили памятник, изображавший умирающего узника, повисшего на колючей проволоке. Скульптором выступил известный чешский художник Матейю, издержки оплатил сам город. В 1949 году люди отправляли письма в муниципалитет с просьбой о вкладе и говорили в нем такими словами: «Мы не знаем их имен, не знаем национальностей, но они погибли под жестоким нацистским каблуком, чтобы мы могли жить».

Визит Приски и Ханы снимали, их фотографии по сей день висят в местном музее и на специальной доске памяти на вокзале, где жил и работал господин Павличек. Позже Приска писала в город, чтобы еще раз отблагодарить его жителей: «Как тогда, так и сейчас я твердо уверена, что без мужества жителей западной Богемии нам бы не удалось выжить. Мы от всего сердца благодарим Горни-Бржизу... за прекрасное время, что провели там. Мы не забываем упоминать о героизме, который проявили местные жители, пока мы находились в заключении».

Приска возила Хану в Маутхаузен на экскурсию, организованную антифашистским движением. Девушка болезненно восприняла это угнетающее зрелище, в особенности фотографии убитых в газовых камерах за день до прибытия ее матери в лагерь. «Я очень тяжело переживала увиденное, а маме, казалось, было вполне сносно. Она болтала с людьми, рассказывала свои истории». Хана смогла вернуться в это место лишь 40 лет спустя, Приска же больше туда не приезжала.

В 1965 году Приска написала письмо жителям Фрайберга, которые приглашали ее в качестве гостя, чтобы почтить память женщин местного трудового лагеря. С благодарностью принимая «теплое приглашение» на мемориальную церемонию, она писала им: «Хана была самым красивым ребенком на свете... круглая головка, светлые волосы, голубые глаза, и все это я собирала в образах детей Фрайберга, которые встречались на нашем ежедневном пути на работы». Она говорила, что между 20-летней девушкой из Фрайберга и ее дочерью будет мало отличий – «в моей жизни она ближайшая подруга, любимая дочь и смысл моей жизни». Они посетили фабрику, но не стали заходить к мрачному мемориалу на городском кладбище с пометкой концлагеря Фрайберг и короткой подписью «Жертвам фашизма».

Кроме тридцати небольших шрамов, оставшихся после операции, которую ей делали в детстве, у Ханы не было серьезных проблем со здоровьем. Из-за клопов, которые преследовали ее в первые недели жизни, у нее развилась аллергическая реакция на укусы насекомых, но основным последствием стало пожизненное «патологическое отвращение» к звукам выстрелов и крикам, которые, как она понимает теперь, она слышала еще находясь в утробе матери. «Когда кто-то грубо начинает со мной говорить, сразу хочется убежать и спрятаться. Ведь и родилась я, прикрывая кулачками уши!»

Хане исполнилось 23 года, она вышла замуж и забеременела. В 1968 году она чувствовала зарождающуюся жизнь внутри себя и с опаской смотрела на студенческие протесты «Пражской весны», когда начали свергать коммунистическое правление. В августе 1968 года, когда Чехословакию наводнили 500 000 солдат Варшавского пакта для свержения правящей партии, она решила навсегда покинуть свою страну. «Из-за пережитого в детстве, как только я увидела танки и услышала выстрелы, то поняла, что не смогу родить ребенка в таких условиях». Она уехала в Израиль, где в декабре родила первого сына, Томаса. В 1972 году она получила степень кандидата наук в области органической химии и 11 лет спустя эмигрировала в страну своих освободителей. Она вышла замуж второй раз (снова за еврея), обзавелась внуками, Джеком и Сашей. Сейчас она живет с третьим мужем, 24-летним терапевтом-нефрологом Марком, неевреем. В данный момент оба они работают в фармацевтической промышленности в Сан-Франциско (Калифорния).

Главным страхом Приски на всю жизнь стали холод и голод. «Она проверяла холодильник и кухонные шкафчики, спрашивая: “Нам точно хватит? А вдруг еда кончится?” К счастью, дома было слишком мало места, чтобы бесконечно набивать шкафы едой». Приска всегда любила поспать: ее кровать и постельные принадлежности стали главным увлечением.

В последние годы жизни Приска говорила: «Я прожила прекрасную жизнь с ребенком... которого родила в концлагере... Моя дочь – настоящее сокровище... Я благодарю Господа, что он подарил мне такого чудесного ребенка, и желаю каждой матери питать такую же любовь к своему чаду, какую испытываю я. Она прекрасная мать и дочь. Обожает своего сына и невероятно добра к людям». Не теряя оптимизма и продолжая думать только о хорошем, Приска добавляет: «Я выжила. Мы выбрались. Я вернула ребенка домой, и это самое главное».

«Моя мать всегда была целеустремленной и сильной. В словацком языке ее любимым словом всегда было “presadit”, которое означает “двигаться вперед, действовать”. На протяжении всей жизни в лагерях она старалась действовать, и основной задачей было выжить самой и подарить жизнь мне», – говорит Хана.

В старости Приска начала страдать провалами в памяти, но жила достаточно долго, чтобы познакомиться и осыпать заботой своего внука Томми. По мере того, как ее состояние ухудшалось, она все чаще умоляла дочь: «Пожалуйста, прости меня», но Хана так никогда и не поняла, за что мать извиняется. Стало ясно, что ее голову заполнили воспоминания.

Сразу после своего 90-го дня рождения в августе 2006 года Приска Левенбейнова была передана в лечебный санаторий. Там за ней ухаживал личный лечащий врач, который каждый день сообщал Хане о состоянии здоровья матери. Три недели спустя Приску госпитализировали с обезвоживанием и прочими медицинскими проблемами. Хана прилетела к матери из Калифорнии и находилась подле нее несколько недель, но должна была отправляться домой, где ее ждала работа. По возвращении в лечебницу, где она проспала около двух недель кряду, Приска тихо умерла во сне 12 октября 2006 года.

Женщина, потерявшая трех детей, мужа Тибора и практически всех родственников в годы войны, посвятила свою жизнь чудо-ребенку, рожденному на грязных досках на заводе СС во время воздушной бомбардировки. В 1996 году, за 10 лет до кончины своей матери, Хана передала расшитые фрайбергскими женщинами комбинезон и чепчик в Музей Холокоста Соединенных Штатов Америки в Вашингтоне. Ее мать хранила эти вещи более 50 лет.

Прах Приски был погребен на кладбище Slávičie údolie (дословн. Соловьиная Долина). Ее могила находится на тенистой аллее в километре от берега Дуная. Теперь она навсегда

окружена красотой.

Рахель

Несмотря на данное отцу обещание отправиться домой в Польшу сразу после войны, сестры Абрамчик вынуждены были ждать выздоровления Салы, что отложило их путешествие до середины июня. «Когда стало ясно, что я иду на поправку, мы решили ехать, как только я смогу стоять на ногах», – вспоминает она.

Невидимая нить тянула сестер домой, но будущее выглядело очень неопределенно. Лишь 300 000 из 3,3 миллионов польских евреев пережили войну, еще 1 500 были убиты во время мятежей в послевоенные годы. Отголоски этих зверств пугали сестер и ставили в еще более незавидное положение. Но и выбора особенно не было. Слишком много беженцев пытались мигрировать, другие направления были для них закрыты. Великобритания, Франция и Канада уже приняли тысячи людей, въезд на территорию Палестины был строго ограничен. Соединенные Штаты приняли 400 000 беженцев, но еще большему количеству пришлось отказать в новой жизни на этом месте. У польских евреев не оставалось альтернатив, а значит, нужно возвращаться в страну, которая к тому моменту превратилась в советскую марионетку.

Рахель в свои 26 лет снова должна была взять на себя роль матери и решить, что будет лучше для ее ребенка и сестер. К окончанию войны Сале было 23, Эстер – 20, а Бале – 19 лет. Шесть лет, которые должны были стать самыми счастливыми в их жизни, девушки провели в лагерях и гетто, и единственными местами для них оставались Пабьянице и Лодзь. Они получили радостные вести от своих друзей в Маутхаузене, что те встречали отца Абрамчика и их брата Берека две недели назад. Они были вместе в Берген-Бельзене, но разделились при эвакуации. Если это было правдой, то родные мужчины тоже отправятся в Пабьянице и будут ждать остальных.

Потрепанные женщины забрались в автобус, с него пересели на грузовой поезд, на котором проделали еще один бесконечный путь, то и дело останавливаясь из-за испорченных железнодорожных путей и отсутствия топлива. Они не узнали Варшаву, изнасилованную восстанием, но времени рассматривать город не было. Девушки пересели в еще один полненный поезд и, в конечном итоге, на трамвай до Пабьянице.

Оказавшись в родном городе, они увидели, как все изменилось. Большинство евреев, которых они знали до войны, были вычеркнуты из истории. Прекрасная квартира родителей и все нажитое было разграблено. В доме жил их бывший сотрудник, который отказался уходить, утверждая, что квартира больше им не принадлежит. Он добавил, что был «избран коммунистической партией, чтобы наблюдать за собственностью от лица властей».

Друзья и соседи, с которыми девочки росли, приложили руку ко всему, что им приглянулось, и элегантный, наполненный цветами дом их детства, который мама Фейга звала «замком», канул в Лету. Не осталось и следа от их картин и китайского фарфора, а в памяти эхом отзывались музыка и смех былых времен. Все, что смогли достать сестры, это семейные ценности, которые были поручены самым доверенным подчиненным, и те их с радостью вернули. Расстроенные бездомные сестры отправились в местный муниципалитет, чтобы им предоставили жилье как беженцам. Их заселили в маленькую квартирку, где они ждали возвращения отца и брата. Проходили недели, пришлось продать семейные реликвии, чтобы выручить денег на жизнь, и надежда угасала. Сала занялась шитьем на продажу, но их маленькая семья начала отчаиваться от осознания потери всего и вся.

Из 12 000 евреев, депортированных из Пабьянице во время войны, осталось лишь 500. Малыш Марк был единственным новорожденным. Каждый раз, когда сестры выходили в город, который некогда был заполнен счастливыми воспоминаниями, их встречали осуждающие взгляды. Неоднократно их заставляли чувствовать себя лишними. Рахель слышала, как женщина сказала в ее адрес: «Жгли их, жгли, а все равно полно осталось».

Как об этом вспоминает Сала: «Наш дом перестал быть таковым. Родной город выглядел враждебно. Он напоминал кладбище, где не найти ни одной знакомой души». Симпатичная

блондинка, некогда столь популярная среди сверстников, не встречала ни одного доброжелательного лица. В смятении она бросилась к своей учительнице изобразительных искусств, чтобы дать ей знать, что она выжила. «Учительница меня очень любила, даже нарисовала мой портрет. Я сказала сестрам: “Она будет так рада меня увидеть! Пойду и расскажу ей все, что с нами произошло”. Но учительница открыла дверь и сказала: “Так ты еще жива? Мне нечего тебе предложить!” – и захлопнула дверь у меня перед носом. Даже не спросив, что произошло. Мне будто дали пощечину».

Спустя месяц с их возвращения на родину сестры получили письмо от своего дяди из Нью-Йорка, который связался с польской администрацией. Ему сообщили, что их брат Берек находится в госпитале в Швеции, куда был отправлен Красным Крестом в связи с потерей глаза и увечьями, полученными в лагерях. «Мы отправили Береку письмо, в ответ он прислал свою фотографию, голова была перебинтована, и ни слова об отце – так мы и догадались, что он не выжил».

Не было вестей и о младшем брате Монике, который мужественно выступил на помощь детям Пабьянице во время ликвидации гетто. Говорили, что он попал в Хелмно. Не было слышно ни слова о матери, Фейге, или малышах Доре и Хенике, которым было по 14. О самой младшей, Манюсе, которой было 12, тоже никаких вестей. Зная условия существования в Аушвице, девушки больше не надеялись когда-либо услышать смех матери, сестер и брата. Оставалось надеяться, что они были вместе до самого конца и не сильно страдали. «Они были так молоды и прекрасны, а жизнь распорядилась подобным образом».

Перед лицом потери родителей и младших детей Бала, с которой Берек всегда был близок, внезапно объявила, что едет в Швецию и будет заботиться о брате. «Я нужна ему», – сказала она. Бала действительно отправилась в госпиталь и ухаживала за ним долгие годы. От нее сестры узнали, при каких обстоятельствах Берек потерял глаз – молодой человек пытался защитить своего отца в лагере Берген-Бельзен, за что был избит надзирателями. «Он долго защищал папу, который уже был очевидно стар и слаб для любой работы, но Береку было приказано не помогать отцу. Несмотря на угрозы, сын продолжал стараться, за что был избит. А отца застрелили за три дня до освобождения лагеря».

Не было новостей и от Моника. Рахель надеялась, что муж ждет ее в Лодзи и налаживает фабричные дела. С огромными трудностями из-за плохого дорожного сообщения в стране она добралась в Лодзь с несколькими друзьями, чтобы узнать, что завод был занят другими людьми. Еврейское население города сократилось с 200 000 до 40 000, большинство из них собирались уезжать или уже эмигрировали. Семья потеряла все.

«Мы поняли, что нельзя оставаться в Польше, – говорит Сала. – Нам там больше делать нечего». Сестры отправились через полуразрушенную Европу в Мюнхен, который находился в юрисдикции Америки. Оттуда они рассчитывали попасть уже куда угодно. В город они прибыли в единственной смене одежды и с одним или двумя чемоданчиками пожитков на всех. До сестер дошел слух, что выжившие из их региона осели в Мюнхене, организовали свою общину и помогают друг другу. Рахель продолжала выспрашивать у людей новости о своем муже, готовясь к самому плохому, но никакой информации не было.

Спустя несколько месяцев она приняла мысль о смерти Моника, хотя так и не узнала подробностей и не видела тела. Долгое время она была уверена, что его отправили в Аушвиц и там отравили, но знакомый ее брата Берека из Лодзи был уверен, что Моника удалось избежать последней депортации из гетто и остаться в городе. В конечном итоге его застрелил «какой-то немец с револьвером». Он умер, так и не узнав, что его жена выжила, а он стал отцом. Моник навсегда погребен в несуществующей могиле, куда не положить камней, не привести их сына.

Смирившись со своей тоской, Рахель решает идти дальше и подарить лучшую жизнь своему ребенку. Она остается в Мюнхене на 4 года. Марк начинает посещать школу, первым его языком становится немецкий. Мать и ее сестры разговаривают на польском, только если не хотят, чтоб он понимал, о чем разговор. 19 марта 1946 года Рахель снова выходит замуж. Ее второй муж, Сол Орвиеский (позже сменивший фамилию на более короткую – Ольский) –

талантливый еврейский ювелир, с которым девушка была знакома еще до войны. Она знала, что он станет прекрасным заботливым отцом для ее сына, но на протяжении долгих лет винила себя, что вышла замуж так рано, и иногда представляла, что будет, если Моник вдруг возникнет на пороге. «Я вышла замуж, потому что была одинокой женщиной с ребенком, которому нужен отец».

Солу в момент женитьбы на Рахель было 40 лет, он происходил из строгой ортодоксальной семьи в Пабьянице, и до войны у него были жена и сын. Немецкий солдат вырвал ребенка из его рук, и мужчина так до конца жизни и не смог простить себе, что не оказал большего сопротивления. Кроме племянника Генрике и двух братьев, живущих в Америке, у него не осталось родственников; жену и сына убили, военные годы он провел в трудовом лагере, перебирая конфискованные вещи евреев. На момент освобождения он весил не больше 30 килограмм, все зубы выпали, здоровье совершенно испортилось.

Именно Сол помог деньгами сестрам Абрамчик и своей собственной семье в послевоенные годы. Он работал вместе с немецким химиком, который старался усовершенствовать процесс переработки европейских золотых слитков в слитки американского стандарта, подписал контракт с американской компанией и поставлял золото из Германии. Рахель с сестрами помогали вести дело, а американцы, в свою очередь, были рады работать с жертвами Холокоста вместо немецких дельцов. Платили в долларах, потому что марки обесценились, а окружающий город восставал из руин. Они принимали у себя и беженцев из Пабьянице.

Через три года после свадьбы Рахель и Сол получили официальное разрешение на переезд в Израиль. Рахель была сионисткой еще с подросткового возраста, ей удалось убедить мужа, что им нужно переезжать именно туда. Первым же судном из Марселя они добрались до «земли обетованной», поселились в Петах-Тикве, недалеко от Тель-Авива, и прожили там 10 лет. Сол не смог заниматься ювелирным делом и пошел работать на сталелитейное производство.

Во время войны Рахель потеряла все свадебные фотографии и снимки Моника. В Израиле она встретила его бывшую возлюбленную, у которой оставался один небольшой снимок со студенческих времен. Рахель убедила женщину отдать ей фотографию, которую она хранила до конца жизни и впоследствии передала своему сыну.

Рахель поклялась защищать Марка до конца своих дней, поэтому отказывалась заводить с Солом детей, испугавшись, что муж будет любить их больше ее чудо-ребенка. Позже, несмотря на то, что они не говорили по-английски, Рахель снова заставила семью переехать, на этот раз – в Америку, чтобы Марк избежал службы в Армии Израиля. Сол вернулся к ювелирному и часовому делу, но пережил серию сердечных приступов и умер в 1967 году, в возрасте 61 года. Рахель как заведенная работала, чтобы поддерживать дело и обеспечивать сына.

Тем временем в Мюнхене ее сестра Эстер вышла замуж за Абе Фримана, друга Берека со времен детства в Пабьянице. Абе также провел четыре года в Аушвице, на его руке навсегда осталось клеймо с номером. Обратившись в организацию помощи евреям в Мюнхене, пара переехала в Америку, в город Нэшвилл. В офисе им говорили, что Нэшвилл «совсем недалеко» от Нью-Йорка. Когда они прибыли на место, оказалось, что Нэшвилла «нет на карте», но пара была рада новой жизни в стране своих освободителей. У них родились две дочери, Ширли и Фай, и пятеро внуков. Эстер умерла в 2003 году.

Сала впервые встретила своего будущего мужа Генрике (Генри) еще во времена, когда все они жили в гетто Пабьянице. Он был племянником Сола Ольского, второго мужа Рахель. Сала и Генри были вместе и в лодзинском гетто, но из Аушвица его перевезли в Маутхаузен, а оттуда – в дочерний лагерь Эбензе, в котором была почти самая высокая смертность среди всех концлагерей. Там он переболел тифом, но выжил. После войны Сала долго искала возлюбленного. «Я всегда знала, что мы будем вместе... Он вернулся и спустя восемь недель спросил: “Ты выйдешь за меня?” Я согласилась, и мы прожили вместе 64 счастливых года». У пары появилась возможность переехать в Америку, где жил дядя Генри, подготовивший

необходимые документы. Молодожены отправились в Мюнхенскую вечернюю школу, чтобы подучить английский до переезда. Некоторое время они прожили в Чикаго, но позже переехали в Нэшвилл, чтобы быть ближе к Эстер и Абе. Сала сменила имя на более американское, Салли; у них с Генри появились две дочери, Рут и Дебора, а позже и трое внуков.

Бала оставалась в Швеции, где вышла замуж за польского еврея Якоба Федера, родила двоих сыновей, Давида и Микаэля, а они подарили ей четверых внуков. Бала умерла от рака груди в 1986 году и никогда не говорила с сыновьями о пережитом в военное время. Ее дети переехали в Израиль сразу после ее смерти.

Берек покинул Швецию в 1956 году, перебрался в Соединенные Штаты и работал в сфере обеспечения питания в Сан-Франциско. Он женился на девушке, также пережившей Холокост, Поле Ниренберг, у них появилось двое детей – Лиф и Стивен; последний по сей день работает нейрохирургом в Нэшвилле и растит четырех детей. Берек впервые встретил «чудо-ребенка» Рахель, Марка, когда тому исполнилось 16 лет; они стали добрыми друзьями. У сестер Абрамчик, переживших войну, было девять детей и двадцать внуков. Они считали, что это «счастливый конец».

Как и большинство выживших, сестры пытались стереть воспоминания о своем чудовищном прошлом и редко говорили о войне, потому что было «слишком тяжело». Во времена, когда разговорная терапия только появилась на свет, тысячи людей страдали от комплекса вины за то, что они выжили, а все остальные умерли. Кто-то пытался забыться работой и алкоголем, посвятить себя семье или покончить жизнь самоубийством. Выжившая Эстер Бауэр говорит, что «первые 20 лет мы не могли об этом говорить, следующие 20 лет никто не хотел слушать. И только на следующие 20 люди начали задавать вопросы».

Вместо этого каждый в глубине собственной души выжигал воспоминания. Люди из всех сил боролись со вспышками памяти, спровоцированными бытовыми мелочами. Поводом мог стать отбойный молоток, отражение проезжающей машины, высокая бетонная стена или грузовой поезд, разговор на немецком или запах жженных волос, куча одежды или лай собаки. Один из выживших пережил нервный срыв, когда парикмахер включил машинку для стрижки волос. У кого-то развилась паранойя о постоянном присутствии блох и клопов. У других случались панические атаки в загруженных поездах метро. Вместе с тем они потеряли и чувство меры.

Но каким-то образом все держались на плаву – как и в лагерях. «Было достаточно того, что каждый из нас знал об этом, но пришла пора отпустить прошлое», – говорит Сала. В 2010 году, после долгих уговоров, она с племянником Марком и остальными членами семьи отправилась в Луисвилл (Кентукки) на встречу оставшихся солдат 11-й дивизии – «Громовержцев», которые освободили Маутхаузен. Среди 400 приглашенных был 81 ветеран войны и несколько выживших. Состоялась трогательная церемония в музее Паттона, во время которой молодые солдаты из Форт-Нокса отдавали дань памяти погибшим, а во время праздничного ужина устроили танцы под музыку 40-х годов. Марк говорит, что событие было для всех очень эмоциональным, а его тетя, которая прежде не посещала подобных церемоний, была «глубоко тронута». Тем вечером Салли встретила нескольких знакомых ветеранов: «Выжить в тех условиях было чистым везением. Значит, мы везучие. Мы вернулись. Больше ничего и говорить не стоит».

Рахель соглашается с ней. «Это было похоже на лотерею – ты либо выиграл, либо проиграл, – сказала она однажды сыну. – Мы были брошены на произвол людей, которые одно мгновение добры к тебе, а в следующее – уже невыразимо жестоки. Некоторые хвалятся тем, что они умнее или сильнее других, и поэтому выжили, но ведь намного больше сильных и умных погибло. Все дело в удаче».

Несмотря на разговоры о том, что прошлое нужно отпустить, к 30 годам Рахель поседела и потеряла почти все зубы. Дантист решил, что ребенок забрал из ее организма весь кальций. Течение лет не успокаивало картины памяти, поэтому большую часть жизни Рахель, как и Сол, страдала от бессонницы. Марк часто слышал, как они кричат во сне или бродят по дому ночь

напролет.

Он знал о месте своего рождения с тех самых пор, как «научился говорить», но в Израиле он был окружен детьми других выживших, поэтому социализация проходила спокойно. Родители отказывались от немецких товаров, немецких автомобилей. Когда Марка спрашивали, что он будет делать, когда вырастет, он отвечал «я убью столько немцев, сколько смогу». Рахель ругала его за подобные высказывания: «Мы все потеряли. Но если потеряем и человечность, в том будет только наша вина». В последние годы своей жизни она заметила, что поколение, виновное в произошедшем в Европе, исчезло.

Когда Марк спрашивал о войне, она отвечала: «Нечего рассказывать. Это был кошмар. Пришлось научиться себя защищать. Если чувствуешь, что надо уходить – уходи». После этого она горевала: «Ты не сможешь представить, насколько там было плохо, поэтому не стоит и начинать». А несколько недель спустя она журила сына: «Почему ты никогда не спрашиваешь меня о войне?» Она никогда не ездила снова в гетто и лагеря, не читала книги и не смотрела фильмы про Холокост, кроме одного – «Списка Шиндлера», который назвала неплохим.

Марк с раннего детства страдал от множества аллергических реакций, в том числе на пыльцу, и астмы. Мальчик не знал, что Сол не его настоящий отец, пока в 14 лет не нашел собственное свидетельство о рождении, но с матерью никогда этого не обсуждал. «Мама наполнилась решимостью, когда я родился, и она пообещала защищать меня во что бы то ни стало... А отец, наверное, погиб на войне». Свою мать он называл «целеустремленной» и «зацикленным трудоголиком», она принуждала его получать самое лучшее образование и становиться серьезным человеком, но и Сол был «чудесным отцом». Оба родителя были счастливы, когда сын стал уважаемым врачом. Марк женился на нееврейке, Мэри, в 1969 году. У них появилось 4 детей и 4 внуков. Члены семьи часто ездят друг к другу в Висконсин и Аризону.

Как и Анка, да и большинство девушек того поколения, Рахель была большой поклонницей «Унесенных ветром» – эту книгу она полюбила еще в Польше – и после войны часто цитировала слова Скарлетт О'Хара: «Бог свидетель, им меня не победить. Я переживу все, а когда это закончится, никогда не буду голодать». Она была уверена, что никогда больше не попадет в ситуацию, которую не контролирует или в которой не сможет накормить свою семью. Она строго следила, чтобы оба ее мужчины были сыты, и выполняла всю работу по дому самостоятельно, даже после 14-часовых смен, потому что это была ее прерогатива.

Когда она смотрела со своим внуком Чарли на сцены мучений главных героев во времена гражданской войны в «Унесенных ветром», то сказала: «Они думают, что это – плохо?» Позже она посещала вместе с Чарли музей Ядва-Шем в Иерусалиме, где ответила на большее количество вопросов, чем когда-либо отвечала своему сыну.

До конца своей жизни Рахель страдала от серьезных заболеваний – диабета, повышенного кровяного давления и проблем с сердцем. У нее начались проблемы с нервными окончаниями в ногах, она оглохла, кости размягчились от остеопороза и покрылись трещинами. Она негодовала на свое состояние: «Я приказываю ногам идти, а они не слушаются!» Марк вспоминает, что в свои 80 с небольшим мать была «слабой и уставшей, после всех тех лет, когда приходилось бороться за жизнь... Ей сложно было наслаждаться жизнью, она ждала ее конца. Свой 84-й день рождения она отмечала со всей семьей, в канун нового 2002 года, и вплоть до этого момента добровольно работала в местном госпитале. В течение двух месяцев она должна была отправиться на операцию диафрагмы, но она просила подождать, пока ее сестры Эстер и Сала уедут на Гавайи, “чтобы не суетились”».

Марк прилетел из Нэшвилла, чтобы навестить мать, и застал сердечный приступ, который начался сразу после операции. «Она успела лишь открыть глаза и взглянуть на меня», – вспоминает он. Рахель Ольская скончалась 19 февраля 2003 года.

В возрасте 56 лет, после длительных попыток смириться с историей своего рождения, Марк стал сиротой. Его непреклонная мать, которая едва не умерла 60 годами ранее, но столько успела вытерпеть за свою жизнь – включая смерть двух мужей, – всегда

приуменьшала значение того, через что они с Марком прошли. «Ты раздуваешь из мухи слона», – повторяла она сыну.

Рахель похоронена на тихом еврейском кладбище в Теннесси, под сенью цветов кизила.

Анка

На протяжении трех недель Анка и Ева отдыхали и набирались сил в лазарете Маутхаузена и, наконец, были готовы отправляться домой. Новоявленная мать приняла твердое решение вернуться в Прагу, поэтому им выдали детскую одежду и подарки от солдат и окружающих доброжелателей.

Собрав новенькие документы, теперь без пометки «J», Анка и Ева добрались на автобусе до Ческе-Будеевице, где 20 мая 1945 пересели на украшенный цветами чехословацкий поезд, со светлой грустью распрощавшись со своими спасителями.

Как и у двух других матерей, путешествие Анки было долгим и мучительным из-за постоянных остановок. На многих станциях не было рабочих, но они кишели отчаявшимися людьми, которые набивались в вагоны и забирались на крышу. Наконец, несчастные заключенные Маутхаузена достигли пражской станции Уилсона. Анка хорошо знала это место – много раз она приезжала на эту станцию к тете и именно здесь сошла с поезда, когда прибыла в Прагу, чтобы изучать в университете право. Все это казалось очень далеким прошлым.

Прибытие на вокзал полуразрушенной послереволюционной Праги было, пожалуй, одним из самых тяжелых переживаний Анки. «Годами я старалась идти лишь вперед, продолжать сражаться, не отвлекаться на раздумья. Все это время у меня и мысли не возникало, что после войны не останется ничего родного... ни родителей, ни сестер... не было никого и ничего близкого». По ее словам, наступил «момент чудовищного осознания... самый страшный за всю войну».

Помимо разрушений, нанесенных городу революцией, некоторые его части попали под ковровые бомбардировки американских самолетов, которые перепутали Прагу с Дрезденом во время февральских рейдов. Многие районы были оставлены без света и прочих коммуникаций. Обессиленная и пораженная Анка не имела при себе денег, и единственным планом стало навестить днем квартиру тети Ольги. Вопреки всякой логике девушка была уверена, что ее тетя выжила, потому что была замужем за неевреем. Но до рассвета Анка с друзьями вынуждены были сидеть в темноте вокзала в ожидании управляющих из Красного Креста, которые договорились о заселении беженцев в отель «Граф» возле станции.

Наутро, с Евой на руках, Анка ускользнула от остальных и села на трамвай. Она была среди первых выживших, вернувшихся в Прагу, поэтому ее внешний вид вызывал у окружающих любопытство. Ужасающие картинки узников распространялись по телевидению и в газетах, но люди по-прежнему были шокированы видом тощей матери с неравномерно отросшими волосами и в свисающей с ее костей мешковатой старой одежде, выданной в Маутхаузене. Горожане испытывали жалость и старались всучить ей чешские кроны.

«Мне нужно только на трамвай», – настаивала она и не взяла больше, чем требовалось. При дневном свете город выглядел почти прежним, но дезориентированной Анке казалось, что не осталось ничего знакомого. Пробираясь в квартиру на втором этаже дома по улице Шнирчова, недалеко от выставочных залов Праги, Анка нашла у двери хлеб и соль – традиционное приветствие в Чехии. Девушка постучала в дверь, дождавшись 10 утра, и ей сразу открыла ее двоюродная сестра, Ольга Сронкова. Она, ее муж Иван и двое детей слышали, что Анка выжила, и ждали ее возвращения. «Мы не блохастые!» – успела сказать девушка, прежде чем все начали обниматься. Впервые за все эти годы Анка заплакала. На самом же деле, конечно, и у нее, и у Евы паразиты разгуливали по всему телу, но никого это не волновало, все были счастливы.

«Мы можем пожить у вас пару дней?» – попросила Анка. В итоге в их квартире она с дочерью провела три с половиной года, а Ольга и вся ее семья помогли молодой матери начать новую жизнь.

«Они были ангельски добры. Ведь квартира была маленькая, в ней подрастали двое детей, но они все же приняли нас».

Первые дни в Праге Анка в основном ела и спала. Она никак не могла привыкнуть к мысли, что теперь у нее достаточно еды, а по ночам вставала, чтобы вдоволь напиться воды. Казалось, она может бесконечно есть хлеб, и иногда даже вставала по ночам, чтобы помочь Ольге испечь новый, если давали электричество.

Когда выяснилось, что Анка и Ева все же принесли в дом блох и обе страдают от чесотки, их на несколько дней поместили в госпиталь для лечения инсектицидными лосьонами и антибиотиками. Ольга часто навещала сестру и была с ней терпелива. Постепенно Ольга начала отвечать на вопросы о том, что произошло в отсутствие Анки. Ольга и ее сестра Хана – обе замужем за неевреями – избегали ареста вплоть до последнего полугодия войны, но были заключены в Терезине. Мужья отправились в разные лагеря Чехословакии, но все выжили.

Она также сказала, что больше никто из членов их семей не выходил на связь. Не было ни слова от родителей Анки, Станислава и Иды, от несчастной Ружены и ее очаровательного сына Петра, ни от улыбчивой Здены и ее мужа Герберта. Ольга показала Анке открытку, которую Здена прислала из Биркенау, с кодовым словом «хлеб» – последнюю смелую попытку дать понять, что их морят голодом. Здена, живая, очаровательная девушка, так любившая своего мужа и саму жизнь, угасла, подобно свече.

Ольга ничего не слышала о родителях Анки и в последний раз видела их в Терезине. Не было ни слова о Бернде. В соответствующей организации женщины зарегистрировали всех своих пропавших родственников. Проходили дни и недели, но новостей так и не было, и, скорее всего, они остались единственными выжившими из всей огромной семьи.

Ко всем прочим невзгодам, как только Анка приехала в Прагу, у нее кончилось грудное молоко. «Тело будто сказал: “Хватит!”», когда осознало, что теперь можно найти другую еду. Ирония заключается в том, что отец Петра отправил нам из Англии огромную банку сухого молока Ostermilk, но мама отвела меня к педиатру, который назвал молоко “мусором”, и пришлось все выбрасывать», – вспоминает Ева.

А между тем каждая попытка накормить Еву кончалась криками боли и разочарованием. Молока больше не было, грудь болела. Врач сказал, что ребенка нужно «кормить, кормить и еще раз кормить», а значит у Анки не было выбора, кроме как делать это насильно. Ева могла лишь сосать грудь до этого момента, а теперь ее нужно было долго и мучительно кормить супом с ложки, который она то и дело выплевывала. Это время было тяжелым для всех обитателей дома.

Безусловно, у Анки были и другие заботы. Ее чешское гражданство аннулировалось из-за брака с немцем, которых в тот момент высылали из страны, и молодая мать оказалась в опасности, несмотря на то, что была еврейкой. Каждый день они с Евой ходили по разнообразным государственным инстанциям с целью реанимировать потерянное гражданство.

Ни от Бернда, ни от родни никаких новостей не было, хотя девушка расспрашивала всех, кто мог иметь к ним отношение. Она отказывалась терять надежду и твердо стояла на том, что сейчас ее муж, вероятно, на пути домой. Постепенно Анка узнавала о судьбах своей родни от бывших узников. Вся ее семья, включая племянника и зятя, попала в чешский лагерь, организованный для обмана делегации Красного Креста. Отец семейства Станислав, чьи очки были разбиты, а дух сломлен, умер в лагере от пневмонии в считанные недели. Как только был расформирован семейный лагерь, сестер Ружену и Здену, вместе с мужем последней, отправили в газовые камеры. Племянника Анки, Петра, стражи лагеря подвергли сексуальному насилию, прежде чем отравить. Жизнерадостная пышногрудая мать Анки, Ида, некогда управлявшая бухгалтерией фабрики и развлекавшая клиенток, потеряла рассудок и, вероятнее всего, была отправлена в газовую камеру. «Человек, который рассказал мне о матери, скорее всего, пожалел меня, но если все это правда – тем лучше».

Анка переваривала всю полученную информацию и, углубившись в свои мысли, столкнулась на улице с мужчиной. «Совершенно случайно я встретила его на пражской улице

На Прикопе... Не помню, куда я шла... Мы были знакомы еще до войны, но я и не думала, что он был в одном лагере с Берндом. Он был рад меня видеть и сразу же спросил: «Ты уже знаешь? Не жди мужа обратно. Его застрелили прямо перед освобождением лагеря». И я была бесконечно благодарна, что он не ходил вокруг да около, а сказал все сразу и прямо. Мне не пришлось ждать».

Анка выяснила, что вскоре после заключения в Аушвиц-II – Биркенау, Бернд отправился в трудовой лагерь для работы на военном заводе Бисмаркхутте, в Хожув-Баторы (Силезия). Лагерь располагался неподалеку от сталелитейного завода Бисмарка под управлением компании Berghutte. В заключении содержались около 200 узников еврейского происхождения, в чьи обязанности входило производство деталей орудий и боеприпасов. Бернд пережил суровую зиму, но 18 января 1945 года всех заключенных эвакуировали в Гливице, вынудив пройти 30 километров по глубоким снежным сугробам. Возможно, в том же строю шел и муж Приски, Тибор, но этого уже не узнать.

Все, кто падал или спотыкался во время «марша смерти», получали пулю в затылок и были оставлены на дороге. Такова была и судьба Тибора. Тех, кто выжил, едва можно было назвать «живыми». Заключенных посадили в грузовые вагоны и отправили в лагеря Дора-Миттельбау или Бухенвальд. Именно во время этой последней посадки Бернд был убит одним из офицеров СС. Даже много месяцев спустя Анка так и не смогла узнать, что произошло с его телом, вероятно, брошенным посреди степи. Девушка не знала, было ли тело впоследствии похоронено, а значит и не было могилы, где можно отдать дань уважения погибшему.

Совершенно непостижима была идея того, что он погиб, немного не дотянув до конца войны – и это после пяти лет, проведенных в лагерях. Спустя несколько дней после его смерти войска Красной армии прибыли в Гливице, а значит он был бы освобожден и воссоединился бы со своей женой.

Эта новость практически сломила Анку даже после всего того, что ей пришлось пережить ранее. Сердце окаменело, но времени впасть в отчаяние не было. Она оплакивала многих, но важнее всего была Ева. С огромным трудом ей удалось встать на ноги и идти дальше: «У меня не было времени страдать. Меня спрашивали, как я это пережила, но я неизменно отвечаю, что времени переживать у меня не было, я строила жизнь заново. Этого было более чем достаточно, потому что каждый день я не знала, где взять денег». Были и другие печальные новости. Горничная, которой Анка отдала перед заключением ценные вещи на хранение, призналась, что продала зеленые шелковые занавески, а фотографии Бернда сожгла, потому что боялась расправы в случае их обнаружения. «Я думала, что не сдержусь и убью ее, – вспоминает Анка. – Именно эти вещи нужны были мне по-настоящему». Для всех, кто вернулся из лагерей, материальные блага практически ничего не значили, но важна была именно память. Личные воспоминания о своих любимых и близких стали важнее всего остального на свете, а горничная сообщает Анке, что эти воспоминания навсегда утеряны. Но девушка была настойчива и отправилась в ателье к их свадебному фотографу-еврею. Сам фотограф погиб, но его архивы остались нетронутыми; Анка смогла получить негативы и снова отпечатать снимки.

Но важнее всего по-прежнему оставалась Ева. «Я думала о дочери и только этим и продолжала жить... Лишь она всегда оставалась моей и со мной. Каждая мать любит свое чадо, но у нас с дочерью будто сохранилась пуповина... Если я хотела для нее лучшей жизни, то должна была постараться. Нужно было обеспечить девочку всем необходимым, морально и физически».

Летом после окончания войны Ольга с семьей отправилась в отпуск, а Анка решила навестить Тржебеховице-под-Оребем, посмотреть, что осталось от семейного дома и предприятия. Она знала, что имущество реквизируют. С дочерью на руках она отправилась на вокзал Вильсона и села на первый же поезд до города, в котором прошли лучшие годы ее жизни. «Денег у меня не было, работать я не могла – маленькая дочь постоянно нуждалась во мне. Я решила, что раз уж я последняя из своей семьи, если фабрика еще работает, пусть и под управлением коммунистов, я объясню, что у меня маленький ребенок, а они чем-нибудь

помогут».

Анка приближалась к фабрике, и ее охватывали горькие воспоминания о солнечном детстве, когда они всей семьей обедали на террасе, как она могла часами лежать в саду и читать книги. Высокая кирпичная труба, которая, как всегда боялась Анка, может упасть на них и убить, теперь напоминала о других зловещих печах. Девушка с трудом передвигала ноги, проходя мимо.

Анка поговорила с коммунистическим руководством компании, и, к ее удивлению, они пообещали начислять ей ежемесячно небольшую пенсию. «Сумма была ничтожная, но уже лучше, чем ничего». Вилла ее сестры также была реквизирована, ее занимал один из рабочих – убежденный коммунист, – но Анке с дочерью выделили небольшую комнату, без доступа к ванной и кухне и почти без мебели. «Со мной обошлись, как с собакой».

Впервые за долгое время Анка смогла насладиться отсутствием людей и чистым воздухом, но в скором времени ее начало угнетать одиночество. Ее то и дело настигали голоса погибших родственников. Ее мечта о возвращении в отчий дом, исполненный смехом, теплом, красотой и объятиями родных рук, навсегда превратилась в кошмар, от которого негде скрыться. Она поняла, что попала в очередной лагерь, практически такой же жестокий, как и предыдущие.

Находясь в своей маленькой тюрьме, она не имела права сорвать ни одного крошечного помидора, растущего в их огромном огороде, где в детстве она часто резвилась. Хуже того, однажды она взяла с собой Еву на прогулку в коляске, которую ей пожертвовали, и при виде нее одна из чешских старух грубо гаркнула: «Ребенок-то от нациста, должно быть». После этих слов Анка расплакалась и убежала. «Чехи очень плохо относились ко мне, это задевало. Я же росла среди этих людей. От немцев я ничего другого не ждала, но чехи и эта шайка коммунистов заставили меня думать, что лучше было умереть еще в лагере. Это просто отвратительно».

Но были и неожиданные проявления доброты. Когда друзья семьи услышали, что Анка выжила, то стали один за другим приходить, чтобы выразить свои соболезнования. Анка не знала, что Станислав и Ида отдали свое лучшее серебро и фарфор, ковры и украшения на хранение этим людям, а они, в свою очередь, мужественно берегли их всю войну. Анка была невероятно тронута вернувшимися к ней вещами и воспоминаниями и от всего сердца благодарила людей за их честность. Вернули практически все. Однако, несмотря на эти моменты радости, «дом» уже не был прежним. Когда Ольга узнала, где и в каких условиях живет Анка, то настояла, чтобы они с дочерью возвращались в Прагу. Вскоре их навестил друг зятя, Тома Маутнера, и привез продукты и одежду из Англии. Друга звали Карель Бергман, на родине он делал парики и сеточки для волос. Анка знала Кареля еще до войны, но они вместе с Томом отправились в Англию, где Карель работал переводчиком при командовании авиации.

Анка находилась в невыносимой ситуации, у нее не было ни собственного жилья, ни денег. Она понимала, что не может вечно оставаться на попечении Ольги и должна начинать строить свою жизнь. Карель проявлял к ней некоторый интерес, но на то, чтобы оформить отношения, ушло три года. «Я отдавала себе отчет в том, что он – человек, который в первую очередь станет хорошим отцом для Евы. И если я когда-либо была в чем-то права, то именно в этом». Пара обвенчалась, но жениться не позволяло ее затянувшееся ожидание восстановления чешского гражданства.

Почти каждый день Анка приходила с Евой на руках в муниципалитет и просила рассмотреть ее дело. Она оставляла коляску с ребенком снаружи, а когда возвращалась – обнаруживала столпившихся взрослых, сюсюкающих с ее прекрасной дочерью. Вскоре Анка поняла, что руководству будет выгодно отказать ей документах, потому что если она не является гражданкой Чехии, то и делиться унаследованной фабрикой с ней не нужно. Один из председателей, с которым она общалась практически постоянно, спустя три года тяжб спросил ее: «Да ты по-чешски вообще говоришь?», хотя все это время именно на чешском языке они и общались.

Как только Анка убедила местное руководство, что она чешка по праву, 20 февраля 1948 года, в возрасте 30 лет, она стала госпожой Карель Бергмановой. Новый муж был на 15 лет старше нее. В 1939 году он покинул Протекторат и отправился в Великобританию, чтобы присоединиться к британским ВВС, но был слишком стар, чтобы стать пилотом, и вместо этого устроился переводчиком. Свадьба их состоялась в день коммунистического путча, после которого в Чехословакии установился новый политический строй.

Как только молодожены получили официальное разрешение покинуть страну, они собрали свои немногочисленные пожитки и сели на поезд, проходящий через Германию в Голландию. В их планах было присоединиться к чешским беженцам в Монреале, в Канаде. Прибыв в Голландию, они коротко пообщались со слепым отцом Бернда, Луисом, пережившим войну, и были направлены в Уэльс, где Кареля ждала работа на фабрике кожгалантереи. Спустя пять лет он купил фабрику, и пара осталась жить в этой местности. С первых же дней Анка полюбила свою новую жизнь в квартирке на Кафедральной улице в Кардиффе, где ее обволакивало ощущение спокойствия и свободы. «Условия были хуже среднего уровня, комнаты грязные и обшарпанные, но я никогда в жизни не была так счастлива. В кармане не было ни пенни, даже не помню, как я справлялась. Меня подбадривала мысль о матери, которая была бы рада узнать, что дела мои налаживаются».

В особенности Анку радовала возможность снова окунуться в мир кино. Каждый раз, когда Ева была в детском саду или школе, ее мать отправлялась в кино. «Меня не волновало, что именно идет. Хорош был сам факт того, что я могу туда пойти».

Ева росла слабым недокормленным ребенком и в 22 месяца все еще не могла ходить. Анка ходила от одного педиатра к другому и в глубине души боялась, что дочь страдает от серьезного заболевания. Не давал покоя прогресс дочери одной из подруг: девочка опережала Еву в развитии месяцев на шесть. Вскоре, однако, Ева начала набирать силу и быстро «наверстала упущенное». В школу она пошла, не зная ни единого слова на местном языке, но к пятому классу говорила свободно и начала получать награды и побеждать на олимпиадах.

Здоровье ее поправилось, аппетит был нормальным; особенно девочке нравились чешские блюда, которые с удовольствием готовила ее мать – многие из рецептов Анка почерпнула во время разговоров в бараках.

Главным утробным страхом Евы стал звук пневматической дрели. Анка была вынуждена просить рабочих, чтобы они прекратили сверлить, или закрывать уши дочери, чтобы та успокоилась. Мать сделала вывод, что эти звуки напугали Еву, еще когда Анка работала на заводе Фрайберга.

Еве рассказывали историю ее семьи с младенчества, но только в возрасте четырех лет она узнала, что Карель – не ее биологический отец. На кухонной двери висела сумка с продуктами, которую подарили ее матери в Праге, с инициалами АН – Анка Натанова.

Из воспоминаний Анки: «Мы сидели на кухне, когда она спросила: “Мама, что значит А.Н., если ты – А.Б.?” Я поняла, что настало время рассказать правду. “Ты помнишь, что я рассказывала о войне?” Дочь кивнула. “Так вот, твой отец погиб на этой войне, Натан – это его фамилия. Потом я вышла замуж за твоего папочку, и с тех пор я Бергман. У тебя два папы!”» Ева отправилась играть с детьми в саду, и через некоторое время я услышала ее голос: “У меня два папочки, а у вас – один!” В этот момент я поняла, что ее никто не обидит».

Позже Ева узнала и многое другое. Она не скрывала от людей, что родилась в концлагере, но не придавала этому большого значения. Некоторое время спустя она прочла «Дневник Анны Франк» и осознала ужас того, о чем она говорила все эти годы. Иногда она мечтала о том, что ее первый папа выжил и однажды вернется к ним, но такие фантазии были редкостью, потому что второго папу она любила всей душой.

Анка предложила Карелю завести еще одного ребенка, но он отказался, и вместо этого оформил документы на удочерение Евы. «Мама всю свою жизнь посвятила тому, чтобы я чувствовала себя любимой. Карель рано меня удочерил, и никогда в жизни я не хотела другого отца», – говорит Ева.

Карель редко говорил (если вообще говорил) о своих погибших родных, хотя война

лишила его матери, сестры-близнеца и ее сына, наряду с множеством других родственников. Анка, напротив, стала одержима войной, прочла все книги и просмотрела все фильмы про Холокост. После премьеры «Списка Шиндлера» она говорила, что сцены лагеря сняты «практически безупречно». Особенно ее тронула сцена, в которой евреи толпятся в закрытых грузовых вагонах. Вокруг поезда стояли нацисты и смеялись над протянутыми к ним руками и мольбами заключенных. Шиндлер начал поливать вагоны из шланга, что казалось очередным актом жестокости, но на самом деле – проявлением милосердия.

Ее полки были заставлены книгами о Холокосте, хранились фотографии доктора Менгеле. Она, как Приска и Рахель, описывала доктора, который проводил селекцию в те последние недели 1944 года, как нехарактерно вежливого, улыбчивого, в перчатках и со щелью между резцами. Среди книг на полках встречалось много биографий различных высокопоставленных нацистов, что искренне удивляло окружающих. Когда знакомые спрашивали, зачем ей это, Анна неизменно отвечала: «Я все еще пытаюсь понять – почему?» Она тщательно изучала списки погибших в Терезине и Аушвице, чтобы выяснить, как и когда погибли ее знакомые.

По окончании правления коммунистической партии в 1989 году Анке вернули права собственности на семейную фабрику в Тржебеховице. «Я немедленно продала ее – и очень невыгодно продала. Я не знала ничего о ведении фабричных дел и не хотела с этим связываться». Чувство вины долго мучило ее, часто в голове она слышала голос отца: «Сначала ее отобрали нацисты, потом коммунисты, а ты продала по собственной воле. Как ты могла?»

Никогда больше Анка не приезжала в Аушвиц и не связывалась с немцами. Как и Рахель, она не позволяла ничему немецкому проникнуть в свой дом; она негодовала при новости о строительстве тоннеля под Ла-Маншем, аргументируя тем, что «немцы придут». Многие годы спустя, когда на заводе Кареля было введено новое оборудование, он пригласил немецкого инженера для обучения своих сотрудников. Карель позвал немца на ужин в свой дом. Он спросил откуда гость родом, тот ответил: «Фрайберг, в Саксонии», после чего Анка вышла из комнаты и больше ни словом с ним не перемолвилась.

Каждый раз, когда Анка с Евой отправлялись из Кардиффа в Лондон, они проезжали мимо сталелитейного завода в Ньюпорте, чьи огромные печные трубы извергали дым, а по стенам плясали отблески огня. Анка всегда отворачивалась. В последующие годы она страдала от синдрома Меньера – нарушения функций внутреннего уха. Врач объяснил ей, что подобная проблема встречается у работников заводов, шахтеров и эстрадных певцов из-за высокого уровня шума. Врач не представлял, как эта проблема появилась у Анки, пока она ему не объяснила.

В 1968 году, в возрасте 33 лет, Ева вышла замуж за Малкольма Кларка, профессора права в Кембриджском университете. У них появилось двое сыновей, Тим и Ник, и трое внуков – Матильда, Имоджен и Тео. Анка застала рождение всех этих детей и безмерно их любила. «Мама была счастлива. Она никак не могла поверить, что она выжила, что я выжила, что появились на свет дети и внуки. Настоящее чудо!»

Когда Анка познакомилась со свекром Евы, Кеннетом Кларком, выяснилось, что он был в составе пилотов истребителей во времена войны. Он показал ей свой бортовой журнал, в котором значилось, что 13 февраля 1945 года, в 17.40, когда она с множеством других узников была в лагере Фрайберг, он бомбардировал Дрезден на «Ланкастере», прежде чем вернуться на базу в 10.10. Его глаза наполнились слезами: «Ведь я мог вас обеих убить!» Анка улыбнулась и успокоила его: «Кеннет, но ведь не убил!»

В 60-е годы Ева с мужем жили в Сингапуре, откуда она написала матери письмо с просьбой изложить все воспоминания о войне в письменном виде. Ева хотела, чтобы эти воспоминания однажды прочли ее дети. Анка согласилась. Именно из этих мемуаров Карель впервые узнал всю правду о жизни жены в военные годы и был глубоко тронут этой историей.

Несколько лет спустя Анка и Ева отправились в Терезин. Мать хотела показать место, где она некогда жила и чуть не умерла. Когда Ева возвращалась в Терезин уже одна, ей было

грустно и радостно видеть на мемориальной доске имя Дана, своего брата, смерть которого сделала возможной ее жизнь.

Хана, двоюродная сестра Анки, пережившая войну благодаря браку с неевреем, издала книгу стихотворений и рисунков детей Терезина под названием «Я не видел больше бабочек» – эта строка принадлежит молодому Павлу Фридману, погибшему в гетто. Хана стала куратором Еврейского музея Праги и сыграла важную роль в ведении архивов с фамилиями погибших, куда она включила Бернда и остальных 15 членов семьи Анки; их фамилии по сей день находятся на мемориальной доске в Пинкасовой синагоге.

Ева всю жизнь была занята в образовательной сфере. Приняв решение уйти на пенсию, она решила путешествовать по стране с Образовательным фондом Холокоста и рассказывать на открытых уроках разных школ историю своей матери. Ее работа вдохновила Кембриджскую танцевальную труппу на создание балета «История Анки», впервые поставленного на Эдинбургском фестивале Фриндж. Ева несколько раз бывала в Аушвице с группами студентов, и, проходя мимо помещения душевой, каждый раз глазами искала под ногами мамино обручальное кольцо с аметистом.

На свой 40-й день рождения в 1985 году Ева отвезла Малкольма и сыновей в Маутхаузен. Бывший концентрационный лагерь превратился в красивейший мемориал, куда бесплатно допускаются посетители со всего мира. В 1985 году на его территорию бесплатно пускали лишь бывших узников, а когда Ева попыталась убедить сторожа впустить ее, он лишь рассмеялся ей в лицо, ведь она была слишком молода, после чего она не смогла сдержать слез.

Анка навсегда осталась убежденным атеистом: «Никто не может ответить на конкретный вопрос – где Он? Никто не может ответить, почему Он заставил нас пройти через это? Если мне было суждено пройти через эти испытания, то хорошо, что именно в молодости, когда я была сильна морально и физически. Я попыталась освободиться от этого и рассказала свою историю Еве, пока та была еще совсем маленькой... Мы выжили, с дочерью все хорошо, она здорова, а для меня (именно для меня, но не остальной семьи) все кончилось благополучно. Ева стала залогом моего существования. Ради нее я продолжала идти вперед и сохранять ясность ума».

Карель умер от сердечного приступа в 1983 году в возрасте 81 года. Во время его кремации Анка увидела черный дым, поднимающийся из трубы, и заплакала: «Почему я должна смотреть на это?» Прах был развеян в его родном городе в Чехии, недалеко от памятника, посвященного узникам концлагерей и всем, кто вступил в союзные войска для борьбы с нацизмом. После его похорон Анка попросила Еву кремировать и ее, несмотря на то, что это противоречит еврейской традиции. «Зато умру, как вся остальная семья!» – шутила Анка.

Последние три года жизни Анка провела с Евой и ее мужем в Кембридже. До своих 96 лет Анка была в ясном уме и твердой памяти и старалась хорошо выглядеть. Даже в свои последние дни женщина, которая завивала ресницы, отправляясь к мужу в гетто, накладывала макияж перед встречей с внуками. Она была признательна дочери за ее деятельность в разговорах с учащимися о Холокосте и одобряла написание этой книги. «Чем больше людей узнает о произошедшем, тем меньше вероятность, что это повторится. Надеюсь, эта история докажет людям, что никогда больше такого случаться не должно».

Ева была полностью согласна: «Важно помнить о миллионах погибших людей. Особенно о тех из них, которые остались одни на белом свете, и больше о них помнить некому. Наша задача – рассказать всем живым об этих людях и не допустить, чтобы подобное повторилось».

Анка Натан-Бергман скончалась 17 июля 2013 года, рядом с ней находилась ее любимая дочь Ева. В соответствии с ее желанием прах был развеян на том же месте, где и прах мужа – на еврейском кладбище Држевики в Чехии.

После 65 лет, проведенных в Великобритании, которой она восхищалась, но где чувствовала себя лишней, беженкой, Анка наконец вернулась на родину, которую всем сердцем любила.

Воссоединение

«“Громовержцы” нас спасли, они же нас объединили», – утверждает Хана Бергер Моран, гражданка страны своих освободителей. В 2003 году дочь Приски приняла решение отыскать врачей, которые спасли ее жизнь в Маутхаузене 58 лет назад.

«Мама тогда жила в Братиславе, и я захотела найти Пита, чтобы мы могли встретиться и поблагодарить его». В ходе поиска она обнаружила сайт Ассоциации ветеранов 11-й бронетанковой дивизии США и узнала, что вскоре состоится их конвенция в Иллинойсе. Хана отправила им письмо, которое позже опубликовали на официальном сайте и в периодическом издании Ассоциации.

Разъяснив обстоятельства своего рождения, она писала: «Во время освобождения Маутхаузена мне было три недели от роду. Мама рассказывала, что на танках были нарисованы белые звезды, а солдаты – поразительно молоды. Она вспоминала звуки мелодии «Roll Out the Barrel»... Оперировавшие меня хирурги не верили, что я выживу, если не создать необходимые для выздоровления условия. Они убеждали мать отправиться с ними в Штаты. Она отказалась последовать их совету, потому что непременно должна была ждать возвращения мужа в Братиславе. Я бы хотела узнать имена хирургов, или хирурга, которые помогли нам, и связаться со всеми, кто был при освобождении лагеря... От всего сердца благодарю каждого солдата, принимавшего участие в освобождении Маутхаузена».

Хана, описывая себя новорожденную как «недокормленного червячка», считает, что никогда не была главным героем этой истории: «Это все мама, она восхитительна». Письмо Ханы нашло отклик, но лишь спустя некоторое время. В начале 2005 года она получила сообщение от мужчины, который в 19 лет был среди освобожденных узников лагеря Эбензе. С тех пор он стал представителем США в Международном комитете Маутхаузена. Макс Родригез Гарсия увидел письмо Ханы и предложил ей отправиться в Маутхаузен на 60-ю годовщину освобождения, которую, как Макс надеялся, посетит 82-летний Лирой Питерсон.

В мае 2005 года Хана с мужем Марком отправилась в Австрию из Сан-Франциско, а Пит с сыном Брайаном – из Чикаго. В холле отеля Wolfinger в Линце собралось множество освободителей со своими семьями, некоторые освобожденные и их дети. Каждому не терпелось поделиться новостями с людьми, которых они не видели долгие годы. В оживленный обеденный зал вошла группа людей в бело-желтых бейсболках – “Громовержцы”. Один из них выглядел старше остальных. Хана сразу же почувствовала, что это и есть Пит. Она молча присела рядом с ним, пока он вел оживленную беседу, и ждала. Зал внезапно наполнила тишина, а Макс Гарсия не смог сдержать слез и прикрыл лицо ладонями.

Несколько мгновений спустя Пит почувствовал присутствие Ханы. Он осекся, повернулся к ней, и глаза его наполнились слезами. Он прошептал «Хана».

Они обнялись, не в силах вымолвить ни слова.

«Я думал, она меня задушит в объятиях», – говорит Пит.

С момента их последней встречи прошло 60 лет, Хана не могла ее помнить, но благодарно сжимала руку врача, который уговорил старшего офицера оперировать ее в тех условиях, хотя вокруг была масса людей, нуждавшихся в помощи не меньше нее. Этот момент и Пит и Хана считали одним из самых трогательных в жизни. То и дело стирая набегающие слезы, Хана сказала Питу, что любит его и от всего сердца благодарит за дарованную ей жизнь. Она показала несколько шрамов, которые навсегда остались на ее коже после операции.

Пит тоже глубоко переживал их воссоединение. Спустя несколько недель после освобождения Маутхаузена он принялся записывать воспоминания, прилагая к ним фотографии. Уже тогда он сознавал важность показаний очевидцев.

Присутствие в лагере взяло свое. В интервью историку Майклу Хиршу в 2008 году Пит рассказывал: «У меня был нервный срыв. Я слишком долго бодрствовал... мне был необходим отдых... У меня кровоточили нос и уши, я мучился от бессонницы. Офицер дал мне 2 дня отпуска. Но я до сих пор борюсь... Психологическое состояние оставляет желать лучшего... Каждую ночь я рассчитываю хорошо выспаться, но стоит мне закрыть глаза, как появляются

тела... горы мертвых тел и обгладывающие их крысы. Я ходил на приемы к психиатрам, но они лишь разводят руками. С годами становится только хуже. Наверное, с ними я и сойду в могилу».

Хана расспрашивала о майоре Стэйси, но к этому моменту он уже умер. Попытки связаться с его семьей еще раз доказали, что майор, как и многие другие в составе отрядов денацификации, мало рассказывал о пережитом в военные годы. Не упоминал он и о ребенке, которого спас.

В ходе беседы Пит сделал предположение, с чем может быть связан вопрос Приски к дочери: «Ты меня простишь?» Он считал, что мать извиняется за то время, когда вынуждена была дважды выпустить ребенка из рук – сначала отдать дочь надзирательнице, а потом врачам – и не знала, вернут ли ее обратно. «Пит рассказывал, что мама была очень “вежлива” и понимала, что врачи хотят помочь: “Я был поражен, когда она отдала тебя нам. Ведь она не знала, вернешься ли ты к ней. Но все же доверила мне спасти твою жизнь и вернуть обратно”. Наверное, за это она и чувствовала себя виноватой».

Хана с нежностью звала своего спасителя «папочка Пит», и еще несколько лет они часто созванивались и переписывались. В одном из первых писем, полученных Ханой от него в 2005 году, Пит рассказывал о своем путешествии по Европе: «Из всего произошедшего наша с тобой встреча после 60 лет разлуки стала одним из самых счастливых моментов в моей жизни. Я часто задавался вопросом – все ли я сделал верно? Я молился о тебе и твоём здоровье. Моя работа полевого врача подошла к концу, но я по-прежнему думал о том, правильно ли я назначил лечение, всем ли помог. Я искренне пытался забыть обо всем, что со мной произошло, и жить дальше, но, признаться честно, ребенок, рожденный в Маутхаузене, не выходил у меня из головы».

К сожалению, Приска была слишком слаба, чтобы лететь в Америку на встречу к Питу. Год спустя она умерла. Хана поддерживала связь с Питом и навещала его в Чикаго незадолго до его смерти, в 2010 году, когда ему исполнилось 88 лет. Некоторое время спустя Хану назначили почетным членом Ассоциации 11-й бронетанковой дивизии. У Пита осталось 4 сыновей, 13 внуков и 10 правнуков.

После всех ужасов войны Лирой Петерсон вспоминал спасение ребенка как самое важное событие тех лет.

Одна дверь для Ханы закрылась, но открылась новая. В 2008 году Ева Кларк, 63-летняя дочь Анки (которой на тот момент исполнилось 90), нашла веб-сайт Ассоциации 11-й бронетанковой дивизии и решила связаться с ними. 20 мая она отправила им электронное письмо, в котором благодарила освободителей от себя и своей матери: «Я родилась в Маутхаузене 29 апреля 1945 года. Моя мать, Анка Бергман, рассказывала, что американские солдаты делали множество фотографий, но до сих пор я не смогла их обнаружить. Мы были бы признательны получить любую информацию о наших с мамой снимках. Мы – часть истории “Громовержцев”».

На другом конце Атлантики Хана заметила это письмо и не поверила своим глазам. Еще один ребенок? Рожденный в Маутхаузене? До освобождения? К тому моменту уже был выпущен список узников Фрайберга, в нем значились беременные женщины, среди которых была и одна надзирательница, но не было никаких сведений о том, что другие матери и дети выжили. (Несколько лет спустя она выяснила, что в Маутхаузене, уже после освобождения, родился мальчик Роберт, названный в честь акушера, который помог ему появиться на свет. Ребенок прожил всего несколько недель, его мать Герти Комперт, двоюродная сестра выжившей Лизы Миковой, тоже скончалась).

Хана откликнулась на письмо Евы, и двое «детей», живших в 6 000 километров друг от друга, наконец познакомились. Ева не могла поверить, что на свете был еще один человек, чья мать прошла через те же мучения. Она нашла письмо Евы от 2003 года и была поражена схожести пережитого. Приска и Анка были двумя заключенными среди тысяч других, они не знали о существовании друг друга, но каждая смогла чудом выжить и подарить жизнь ребенку.

После длительного обмена письмами между женщинами и австрийским руководством, превратившим в 1960-х концлагерь Маутхаузен в великолепный мемориал, Хана и Ева согласились принять участие в праздновании 65-й годовщины освобождения в 2010 году. Эта встреча стала последней, на которой присутствовали американские ветераны-очевидцы – их оставалось все меньше и меньше. Учитывая состояние здоровья освободителей Маутхаузена спустя 65 лет, празднование в 2010 году планировали посетить главы государства и всецело посвятить праздник американским героям. На веб-сайте Ассоциации были опубликованы детали встречи, в том числе анонсировали посещение праздника Ханой и Евой. В тот момент открылась следующая дверь.

На другом конце Америки, в Нью-Йорке, молодой человек искал подробности освобождения своего отца из лагеря и нашел афишу 65-й годовщины освобождения Маутхаузена. Чарли Ольский, 32-х лет, был младшим сыном Марка и Марии. Чарли работал рекламным представителем кинопроката Манхэттена и решил всерьез заняться историей своей семьи. Ему удалось узнать от бабушки намного больше, чем остальным членам семьи. Именно он посетил с ней музей Яд ва-Шем. При виде афиши Чарли решил сделать отцу сюрприз на день рождения.

«Чарли заявил мне: “Я еду на 65-ю годовщину освобождения Маутхаузена, и ты отправишься со мной”. Я не был там с самого 1945 года, хотя проезжал в 30 километрах от него, когда был в Дахау. Несколько раз я спрашивал маму, не желает ли она поехать с нами, но она неизменно отвечала, что попасть туда еще раз она хочет меньше всего на свете. Это был дьявольский, кошмарный, чудовищный лагерь. Но больше всего угнетало, что снаружи его забора расстилался самый красивый на свете пейзаж».

Чарли, не поставив отца в известность, организовал их поездку и встречу с Ханой и Евой вплоть до мелочей. За несколько дней до их отъезда в Австрию Чарли, по совету своей матери, предвидевшей реакцию Марка на этот сюрприз, открыл отцу секрет.

«Сын сказал: “Тебе следует кое-что знать”. Он рассказал о двух других детях, рожденных в лагере, что он связался с ними и в Маутхаузене мы сможем встретиться. Я стоял как оглушенный. Мама слышала, что в лагере были другие дети, но никогда их не видела и, пожалуй, до конца в это не верила. Я как врач понимал, что для ребенка вероятность пережить подобные условия ничтожно мала. Последующие дни я переваривал эту информацию».

В самолете на пути в Австрию Чарли и Марк обсуждали выживших «детей» и представляли, как они могут выглядеть. «Первой мыслью было, что они двое совершенно непохожих друг на друга людей, с совершенно разными историями, и не имеющие со мной ничего общего, кроме года рождения. Я пообещал себе не строить ложных представлений. Я успокаивал себя, что они, вероятно, милые люди, но я бы не захотел себе таких соседей».

Представители Ассоциации встретили выживших «детей» в Линце и помогли заселиться в гостиницу. Церемония должна была начаться следующим утром. Через несколько часов после прибытия все трое выживших встретились в кафе на исторической городской площади, на которую у Гитлера некогда были серьезные планы; все заметно нервничали.

Ева с Малкольмом приехали раньше других, заняли места за столиком и ждали остальных. За ними пришла Хана с мужем, следом – Марк с Чарли.

«Мы только поздоровались, и тут же нахлынули эмоции – смех и слезы одновременно, – вспоминает Ева. – Невероятное событие. Мы нашли друг друга и наконец встретились. Между нами была эмоциональная связь, мы сразу же открылись друг другу».

Выжившие полдня просидели в кафе, а Чарли снимал их беседу на пленку. Мужья Евы и Ханы ушли, чтобы дети Маутхаузена могли ничего не стесняться и поговорить о своих матерях, вспомнить рассказы о своем появлении на свет. Они расстались лишь на пару часов и снова встретились в ресторане во время ужина, где продолжали болтать, словно старые друзья.

Из воспоминаний Марка о встрече: «Как только мы встретились, я понял, что они милые, красивые, добрые и нежные. Когда мы начали общаться, я подумал: какие же интересные личности! Это не совпадение. У всех нас такая разная и интересная жизнь, а я себя чувствую

как дома! Я бы хотел, чтобы мы подружились. Сложно объяснить это чувство, но я понял, что мы теперь вместе – дружба возникла сразу же. Все равно что встретить родных. Было обидно, что война раскидала всех по свету и мы не встречались до того момента».

Каждый из них рос единственным ребенком в семье, а встреча подарила им прежде незнакомое ощущение родства, которое они сохранят навсегда. По словам Марка, «удивительно встретить людей, с которыми у вас общая история. Ведь миллионы других умерли страшной смертью. А мы выжили. У меня было ощущение, что нас разделили при рождении, а теперь мы снова вместе. Одна семья».

«Мы встретились случайно, но теперь уже поддерживаем постоянную связь и каждый чувствует это единение. Я счастлива возможности звать их своими братом и сестрой», – говорит Хана. Иногда она подшучивает над ними – она родилась раньше остальных (12 апреля 1945), а значит нужно выказывать ей больше уважения. Марк утверждает, что уважение должны выказывать ему, потому что он единственный мужчина, а Ева шутит, что она, по сравнению с ними, совсем молоденькая. «Наши матери – удивительно сильные женщины, и мы им за это всегда будем благодарны».

На следующий день они отправились в Маутхаузен, где ощутили на себе весь груз истории. Из них только Ева до этого посещала лагерь, и поэтому испытывала наибольшее волнение при виде закрытых ворот, у которых она родилась. Бараков, в которые поселили матерей с новорожденными Ханой и Марком, больше не было, но остался умопомрачительный пейзаж, который заключенные наблюдали 65 лет назад.

Тела, погребенные на футбольном поле, были перезахоронены на кладбище в центре лагеря. На месте бывших блоков с бараками теперь произрастал ухоженный сад, среди деревьев возвышались гранитные монументы, в камне которых высечена каждая из пострадавших наций.

Трое «детей» вместе вошли в бывшее помещение газовой камеры. Рассматривая стены белого кафеля и возвышающиеся черные дымоходы, они потеряли дар речи. По расчетам нацистов, именно в этом помещении трое детей должны были испустить дух, прижимаясь к груди своих полуживых матерей. Но у судьбы оказались другие планы. Вернувшись домой, потеряв отца, каждый из них считал, что он – единственный переживший подобный ад на земле, но они ошиблись.

Спустя год после визита в Маутхаузен брат и сестры встретились снова. На этот раз в Англии. Они отправились в Кембридж в январе 2011 года, чтобы принять участие в Дне памяти жертв Холокоста в Гилдхолле. Тогда Марк и Хана познакомились с Анкой. Ей исполнилось 93 года, здоровье было слабым, но характер и живой, пылкий ум нисколько не менялись. Анка была растрогана этим знакомством и тепло приняла выживших детей. «Я была бесконечно рада встретить Анку. Жаль, что им не пришлось познакомиться с моей мамой. Анка сказала, что я и ее дочь тоже, мы и вправду чувствовали себя одной семьей», – вспоминает Хана. Марк испытывал похожие эмоции: «Ни с чем не сравнимое ощущение. Анка была столь живой, активной и светлой. А какое у нее чувство юмора!»

Лишь два года спустя трое детей встретились снова – в Маутхаузене, 8 мая 2013 года, на открытии новой выставки, где в качестве экспоната выставлялась реплика комбинезона и чепчика Ханы, так как оригиналы оставались в музее Холокоста в Вашингтоне. Анке исполнилось 96 лет, она была слишком слаба, чтобы отправиться вместе с детьми в Австрию, а через два месяца умерла. На ее похоронах в Кембридже устроили прямую трансляцию через Интернет, чтобы ее внуки в Австралии могли стать частью этой церемонии. Хана и Марк тоже следили за той трансляцией и смогли в последний раз выразить свое уважение последней выжившей матери.

Три восхитительные женщины, три матери нашли в себе силы пережить немыслимое и передать эту храбрость и решительность своим детям. Их дети подарили жизнь следующим двум поколениям, которые своей жизнью бросают вызов неудавшемуся плану Гитлера по истреблению целого народа.

Души их матерей и миллионов других погибших требуют, чтобы эту историю

передавали из уст в уста, от родителей к детям. «Каждый из нас старается прожить жизнь наиболее честно и справедливо, чтобы жертва не была напрасной. Мы помним о тех, кто ушел, и каждый день оправдываем их молитвы».

Дети Приски, Рахель и Анки продолжали поддерживать связь и помнить друг о друге, но не смогли встретиться на мемориальном собрании во Фрайберге в начале 2015 года. Мероприятие под названием «Мы – здесь» включало в себя сбор бывших и нынешних горожан Фрайберга, а также бывших узников и их семей. На местном фестивале выступающие представляли свои литературные, музыкальные и художественные произведения, посвященные Холокосту. Между Фрайбергом и его израильским городом-побратимом Нес-Циона организовали курс обучения по обмену для школьников и студентов.

В 300 километрах от Фрайберга выжившие дети вновь встретились в Маутхаузене на праздновании 70-летия Победы в мае 2015 года. Трое 70-летних сирот, взявшись за руки, вошли в ворота лагеря, который должен был стать их могилой, несмотря на то, что нацистская тирания уже билась в предсмертной агонии. Дети прошли по следам трех матерей, которым удалось не только пережить все невообразимые ужасы войны, но и победить смерть ради жизни будущих поколений.

Послесловие

Три женщины, находящиеся в центре повествования, потеряли более двадцати родственников по вине Гитлера и его приспешников. Некогда тесный клубок семейных связей был распущен, дедушки и бабушки, тети и дяди, сестры и братья главных героинь стерты с лица земли.

Образы описанных родных и близких являют лишь крошечную часть миллионов людей, погибших от рук самовольных вершителей судьбы.

Имена многих навсегда вычеркнуты из истории. Никто из них не отошел в мир иной без страдания, на их могильную плиту не положить камня, не воздать почестей. Некуда идти, чтобы вспомнить их некогда счастливые лица. Остались лишь образы...

Мужья и отцы:

Тибор Левенбейн (1914–1945)
Моник Фридман (1916–1945)
Бернд Натан (1904–1945)

Родители:

Эмануэль Рона (1884–1944)
Паула Ронова (1889–1944)
Шайя Абрамчик (1870–1944)
Фейга Абрамчик (1898–1944)
Станислав Каудер (1870–1944)
Ида Каудерова (1882–1944)
Сельма Натанова (1880–1944)
Ита Фридман (1899–1944)

Братья и сестры:

Боежка Ронова (1910–1944)
Моник Абрамчик (1923–1943)
Хеник Абрамчик (1931–1944)
Дорка Абрамчик (1931–1944)
Давид Фридман (годы жизни неизвестны)
Авнер Фридман (годы жизни неизвестны)
Аника «Манюся» Абрамчик (1933–1944)
Здена Исидорова (1904–1944)
Герберт Исидор (1916–1944)
Ружена Маутнерова (1906–1944)

Дети:

Петр Маутнер (1935–1944)
Дан Натан (февраль – апрель 1944)

«Слава о вас никогда не сотрется из памяти века».

Публий Вергилий Марон

Библиография и источники

Интервью автора с выжившими жертвами Холокоста: Хана Бергер Моран, Марк Ольский, Ева Кларк, Салли Уолкоф, Герти Мельтцер, Эстер Бауэр, Лиза Микова, Вернер Райх, Макс Р. Гарсия, Броня Сноу.

Интервью автора с семьями жертв Холокоста: Чарльз Ольский, Ширли Спейер, Яна Циммер, Брайан К. Питерсон, Жан Горе, Ларри Косик, Стефани Салливан, Джули К. Розенберг, Давид Федер, Мики Федер, Джон Тиджил.

Исследовательские визиты автора в Краков, Аушвиц I и II, Лодзь, Пабьянице, Хелмно, Прагу, Терезин, Горни-Бржизу, Тржебеховице-под-Оребем, Злате-Моравце, Градец-Кралове, Древигов, Братиславу, Середь, Фрайберг, Линц, Мост, Пльзень, Ческе-Будеевице, концентрационный лагерь Маутхаузен.

Архивы документов и фотографий историка Майкла Дусинга, интервью автора с Корнелией Ганерт (Фрайбергский отдел по вопросам культуры)

Интервью автора с Паскалем Цзиборра, факультет Истории, Философии и Теологии, Университет Билефельда, Германия.

Интервью автора с заместителем мэра города Горни-Бржиза Зденеком Прохазкой, его дочерью Микаэлой, историком Боженной Роевой, интервью с горожанами Ярославом Лангом и Вацлавом Степаником, Чехия.

Интервью автора с Дитой Валентовой, Тржебеховице-под-Оребем, Чехия.

Интервью автора с Мартином Уинстоуном, Национальный центр Холокоста, Ноттингемшир, Великобритания.

Интервью автора с акушером Эбби Давидсон, Лондон

Неопубликованные воспоминания Анки Бергман, написанные для дочери Евы Кларк, 2009.

Неопубликованные воспоминания Клары Лефовой, написанные для дочери Яны Циммер, 2000.

Неопубликованные воспоминания Приски Ломовой для Союза борцов с фашизмом и нацистским вторжением за свободу и независимость, 1990.

Неопубликованные письма Тибора Левенбейн его жене Приске, 1941.

Интервью Франца Раппорта (Университет Суонси) с Анкой Бергман, Уэльс, 2007.

Неопубликованные письма выживших узников, официальные документы, станционный журнал учета, Музей Горни-Бржизы, Чехия.

Документы и фотографии Мемориального музея Аушвиц, Польша. Интервью автора с сотрудниками музея: архивариус Войцех Плоса, глава исследовательского отдела Петр Сеткевич, экскурсовод Анна Рен.

Документы и фотографии архива Еврейского музея в Праге, Чехия. Интервью автора с сотрудниками архива: Юлия Женсовская, Радана Рутова.

Архив свидетельств очевидцев

Lomova, Priska, Interview 15134. Web 2014. Visual History Archive. USC Shoah Foundation (sfi.usc.edu)

Rachel Olsky, Interview 15161. Web 2014. Visual History Archive. USC Shoah Foundation (sfi.usc.edu)

Bergman, Anna, Interview 28239. Web 2013 Visual History Archive. USC Shoah Foundation (sfi.usc.edu)

Wolkoff, Sally, Interview 12886. Web 2014. Visual History Archive. USC Shoah Foundation (sfi.usc.edu)

Meltzer, Gerty, Interview 1686. Web 2014. Visual History Archive. USC Shoah Foundation (sfi.usc.edu)

Freeman, Abraham, Interview 16384. Web 2014. Visual History Archive. USC Shoah

Foundation (sfi.usc.edu)

Filmed interview with Anka Bergman by Jean Laurent Grey and Solomon J. Salat for the Mauthausen Memorial

The Baby Born in a Concentration Camp, BBC documentary, producer Emily Davis, 2011

Defiant Requiem: Voices of Resistance PBS documentary director Doug Schultz, 2012

Nazi Propaganda Film About Theresienstadt/Terezin. Film ID 2310, Steve Spielberg Film & Video Archive

Liberation of Mauthausen, (and KZ Gusen I, II & III) by Former Staff Sgt. Albert J. Kosiek. Published in: Thunderbolt, the 11th Armoured Division Association, Vol. 8, No. 7, May-June 1955, with permission of his son Larry Kosiek

Interview with Priska Lomova by editor Eva Richterova in Bojovnik newspaper, part of the Svaz Protifasistických Bojovníků, 1980

Interview with Anka Bergman by Helga Amesberger for the Mauthausen Survivors Documentation Project, 2003.

Литература

A Time to Speak, Helen Lewis, The Black staff Press, 1992

Against All Hope: Resistance in the Nazi Concentration Camps 1938–1945, Hermann Langbein

All Hell Let Loose, The World at War 1939-45, Max Hastings, Harper Press, 2011

Anus Mundi, 1500 Days in Auschwitz/Birkenau, Wieslaw Kielar, Times Books, 1972

Bomber Command, Max Hastings, Pan, 1979

Defying Hitler, Sebastian Haffner, Weidenfeld & Nicholson, 2002

Doctor 117641, A Holocaust Memoir, Louis J Michels MD, Yale University, 1989

Dresden, Frederick Taylor, Bloomsbury, 2004

Five Chimneys, Olga Lengyel, Academy Chicago, 1947

Forgotten Voices of the Holocaust, Lyn Smith, Avebury Press 2005

Fragments, Transcribing the Holocaust. Francis Rapport with Anka Bergman, Terry Farago and Edith Salter, Hafan Books, 2013

Helga's Diary, Helga Weiss, Penguin, 2013

Holocaust Poetry, Hilda Schiff, St, Martin's Griffin, 1995

Holocaust, The Nazi persecution and murder of the Jews, Peter Longerich, Oxford University Press, 2010

I Escaped from Auschwitz, Rudolf Vrba, Robson Books Ltd, 2006

I Never Saw Another Butterfly, Shoken Books, 1993

In the Shadow of Death: Living Outside the Gates of Mauthausen, Gordon J. Horwitz, The Free Press, 1990

KZ Freiberg, Pascal Cziborra, Lorbeer Verlag, 2008

Kunst Und Kultur Im Konzentrationslager Mauthausen 1938–1945, Die Austeller, 2013

Landscapes of the Metropolis of Death, Otto Dov Kulka, Penguin, 2014

Landscapes of Memory, Ruth Kluger, Bloomsbury, 2003

L'homme barbele, Beatrice Fontanel, Grasset&Fasquelle, 2009

Lodz Ghetto Album, by Thomas Weber, Martin Parr, Timothy Prus, Chris Boot, 2005

Mauthausen, The History of a Death Camp, Evelyn Le Chene, Methuen, 1971

Mengele, Gerald L Posner & John Ware, First Cooper Square Press, 2000

Never Again, A History of the Holocaust, Martin Gilbert, Harper Collins, 2000

Pearls of Childhood, Vera Gissing, Pan Books, 1988

People in Auschwitz, Hermann Langbein, The University of North Carolina Press, 2004

Poetry of the Second World War, An International Anthology, edited by Desmond Graham, Pimlico, 1998

Prague in Danger: The Years of German Occupation, 1939-45, Peter Demetz, Farrar, Straus

and Giroux, 2009

Railways and the Holocaust: The Trains that Shamed the World, Robin Jones, Mortons Media, 2013

Shoah, Claude Lanzmann, Da Capo Press, 1995

Singing for Survival: Songs of the Lodz Ghetto, 1940-45, Gila Flam St. Georgen-Gusen-Mauthausen. Concentration Camp Mauthausen Reconsidered. BoD, 2008

Survival, Holocaust Survivors Tell Their Story, Quill, 2003

Survival, produced by the Holocaust Centre Survival in Auschwitz, Primo Levi, Touchstone, 1996

The Cap or the Price of a Life, Roman Frister, Weidenfeld & Nicholson, 1999

The Chronicle of the Lodz Ghetto, 1941-44, edited by Lucjan Dobroszycki, Yale University Press, 1987

The Concentration Camp Mauthausen 1938-1945, New Academic Press, 2013

The Diary of Dawid Sierakowiak: Five Notebooks from the Lodz Ghetto, edited by Alan Adelson, Bloomsbury, 1997

The Emperor of Lies, Steve Sem-Sandberg, Farrar, Straus and Giroux, 2011

The German Trauma, Experiences and Reflections 1938-2000, Gitta Sereny, Penguin, 2000

The Holocaust: A History of the Jews of Europe During the Second World War, Martin Gilbert, Holt Paperbacks, 1987

The Holocaust Sites of Europe: An Historical Guide, Martin Winstone, I.B. Tauris, 2014

The Last Album: Eyes from the Ashes of Auschwitz-Birkenau, Ann Weiss, W. W. Norton & Co, 2001

The Last Goodbye, Edith Hofman, Memoirs Publishing, 2012

The Liberators, America's Witnesses to the Holocaust, Michael Hirsh, Bantam Books 2010

The Righteous, Martin Gilbert, Doubleday, 2002

The Terezin Diary of Gonda Redlich, edited by Saul S. Friedman, University Press of Kentucky, 2008

The Terezin Ghetto, Ludmilla Chladkova, Památník Terezín, 2005

The Tin Ring, Zdenka Fantlova, Northumbria Press, 2010

The Trains of the Holocaust, Hedi Engchelberg, Engpublishing, 2014

The Visible Part, Photographs of Mauthausen concentration camp, Mandelbaum, Vienna, 2005

To the Bitter End, The Diaries of Victor Klemperer, Trafalgar Square, 1999

Triumph of Hope, Ruth Elias, Wiley & Sons, 1998

Wir Waren Zum Tode Bestimmt, Michael Dusing, Forum Verlag Leipzig, 2002

Witnesses to the Holocaust, Martin Berenbaum, Harper Collins, 1997

Прочие источники

Мемориал и музей Аушвиц II-Биркенау – (<http://en.auschwitz.org>)

Терезинский мемориал (<http://www.pamatnik-terezin.cz>)

Мемориал концлагеря Флоссенбюрг – (www.gedenkstaetteflossenbuerg.de)

Мемориальный музей Маутхаузена – (<http://www.mauthausenmemorial.at/>)

Мемориальный музей Холокоста Соединенных Штатов Америки (<http://www.ushmm.org>)

Яд ва-Шем (<http://www.yadvashem.org>)

Еврейская виртуальная библиотека – (www.jewishvirtuallibrary.org)

Фонд памяти жертв рабского труда в Аушвице – (www.fcsla.org)

Центр Януша Корчака (www.korczak.com)

Музей еврейского наследия (www.jewishgen.org)

Информационный портал европейских мест поминовения (www.memorialmuseums.com)

11-я бронетанковая Дивизия (www.11tharmoreddivision.com)

Еврейский музей Праги (www.jewishmuseum.cz)
 Образовательный фонд Холокоста (www.het.org.uk)
 Национальный Центр и Музей Холокоста (www.holocaustcentre.net)
 Образовательный ресурс Холокост Чехия (<http://www2.holocaust.cz/en/main>)
 Имперский военный музей (www.iwm.org.uk)

Благодарность

В ситуациях, когда описываемое событие ушло далеко в прошлое и почти не осталось свидетелей, мы, историки и авторы, многим обязаны тем людям, которые предпочли записать свои воспоминания, а также тем, кто постарался эти воспоминания упорядочить, прежде чем станет слишком поздно. Я не исключение; я обязана в равной степени людям, которые пережили тот невероятный опыт, и историкам, которые этих людей отыскивали. Без них эта книга не увидела бы свет.

С огромным уважением и благодарностью я подчеркиваю мужество и жизнестойкость Приски, Рахель и Анки – трех матерей, чья воля к жизни стала центральной идеей книги. К сожалению, я не успела встретиться с ними, но, проведя столько времени с их воспоминаниями, я чувствую себя так, будто знала их лично. К огромной радости, у меня был неограниченный доступ к свидетельствам, которыми располагали их семьи, устным и письменным мемуарам, множеству записей, документов и писем, которые они прежде давали и другим исследователям. От каждого их письма и слова исходит вера и надежда.

Большая часть моего исследования была бы невысказана без помощи и поддержки со стороны троих «детей» – Ханы, Марка и Евы, – которые, я с гордостью заявляю, признали меня своей сестрой. Их доброта, терпение и щедрость помогли заполнить все пробелы и сделать эту книгу богаче и полнее. От себя лишь надеюсь, что смогла достойно рассказать невероятные истории их рождения и жизни. Я благодарна членам их семей, которые также внесли огромный вклад своими свидетельствами: Мэри и Чарли Ольские, Ширли Спейер, Марк Моран, Джули З. Розенберг, Давид и Мики Федер, профессор Малкольм А. Кларк.

Историю трех детей, рожденных во время Холокоста, я узнала в 2013 году, и первым из «детей» была Ева Кларк. Тогда я думала, что она, вероятно, была единственной, чья мать прошла подобный путь во время Холокоста. Ева рассказала мне об остальных, Хане и Марке, и о том, как они стали братьями по духу. В тот момент я поняла, что обязана объединить эти три рассказа в одну большую историю, охватывающую целый век. Так и появились «Рожденные выжить».

Во время путешествия по всем восьми странам меня сопровождало огромное количество частных лиц и организаций, включая выживших, членов их семей, коллег-писателей, чиновников и преданных своему делу работников архивов. Все они были невероятно искренни и открыты. Особую благодарность выражаю Салли Уолкоф (Теннесси), Герти Мельтцер (урожденной Тауссиг) (Аризона), Лизе Миковой (Прага), Эстер Бауэр (Йонкерс), Максу Р. Гарсия (Сан-Франциско), Вернеру Райху (Нью-Йорк), Броне Сноу (Суррей). Каждый из них делился со мной сокровенными, личными воспоминаниями. Я обязана Яне Циммер (Чикаго) за неоценимый вклад в виде записей ее матери, Клары Лефовой; Брайану К. Питерсону за воспоминания его отца Лироя «Пита» Питерсона; Ларри Косику за мемуары отца, сержанта Альберта Косика, Жан Горе за воспоминания и записи ее отца, майора Гарольда Дж. Стэйси. Благодарю Стефани Салливан за доступ к фотографиям, сделанным ее отцом, Полом Солднером, освободителем Маутхаузена; спасибо моего доброму другу Джону Тиджиру за воспоминания его семьи, проживавшей в Лодзи, Трешлинке и России.

Выражаю благодарность команде Мемориального музея Маутхаузена при поддержке австрийского Министерства внутренних дел. Руководство министерства разрешило проводить презентацию книги в том самом месте, где наши герои, матери и дети, были освобождены в мае 1945 года, где они были «рождены заново». Благодарю за поддержку Барбару Глюк и

Томаса Загльмейера, который не только сопровождал меня во время первого визита в лагерь, но и делился своими собственными воспоминаниями о выживших. Его образовательной команде, не жалея времени и сил, помогали Кристиан Анжере и Хельга Амесбергер (Архив выживших заключенных Маутхаузена). Также от всей души благодарю профессора Альберта Лихтблау (Университет Зальцбурга) за помощь и поддержку. Большой вклад в работу над книгой внесли Стефан Мэтьюс, Йохен Велнер, Дорис Варлич и Ренат Пашингер (Мемориальный центр Вены). Роберт Ворберг был самым преданным историком из всех, с кем мне приходилось работать; вместе с коллегой, Кристианом Дюрром, они любезно согласились проверить все факты (особенно связанные с Маутхаузенем), когда книга была закончена. В Мюнхене мне помогал Ульрих Фриц из Баварского мемориального фонда.

Во Фрайберге мне посчастливилось встретить человека, который неустанно хранил все исторические свидетельства, связанные с девушками-заключенными. Доктор Майкл Дусинг восстановил и собрал документы выживших узников и написал ряд книг на эту тему. По сей день он проводит мероприятия, посвященные памяти погибших, и добился установки мемориального постамента в память обо всех живших и погибших во время нацистского режима. В его стремлении не дать городу забыть о существовавшем здесь трудовом лагере доктору Дусингу помогала Корнелия Ганерт (Департамент культуры Фрайберга). Их обоих я благодарю за всю предоставленную информацию и за выходные, посвященные моему сопровождению по местности. Благодарю доктора Питера Шульца за исследование, проведенное по моей просьбе.

Мое первое путешествие в музей Аушвица должно было стать чудовищно эмоциональным, но исключительный экскурсовод Анна Рен, благодаря своей сдержанности, помогла сгладить углы. Благодарю за терпение и уделенное время Войцеха Плоса, главу архива, и Петра Сеткевича, главу исследовательского отдела, ответивших на все мои вопросы и предоставивших фотографии. Благодарю за помощь и поддержку Алисию Биалеку. Мое путешествие в Польшу кажется невысказанным без великолепного провожатого, водителя, переводчика и гида Лукаша Яроша.

Спасибо Юлии Женсовской и Радане Рутовой из Еврейского музея Праги. Благодарю Анету Плжакову из Терезинского Института инициатив, а также Томаса Федеровича, специалиста по историческим артефактам, и Еву Немцову из департамента документации и делопроизводства.

Особое место стоит отвести благодарности жителям Горни-Бржизы. Мэр города Зденек Прохазка и его дочь Микаэла оказали мне столь же теплый прием, как и их предшественники – узникам концлагерей. Я многим обязана местному историку, Божене Роевой, и трогательным свидетельствам Ярослова Ланга и Вацлава Степанека, которыми они раньше ни с кем не делились.

Я в долгу перед Дитой Валентовой, нынешним владельцем фабрики в Тржебеховице-под-Оребем, которая позволила мне собственными глазами взглянуть на место, где росла Анка. Я благодарю Еву Рихтерову из Словакии за большое и интересное интервью, которое она брала у Приски. Профессор Франц Раппорт любезно предоставил мне документы о состоянии здоровья Анки Бергман, хранящиеся в Университете Суонси, Уэльс. Огромную благодарность выражаю продюсеру Эмили Дэвис и всей команде BBC за сюжет о ребенке, рожденном в концлагере, благодаря которому я смогла увидеть Анку. Кембриджская танцевальная труппа поставила замечательный балет по истории Анки, который нам с Евой посчастливилось наблюдать на Эдинбургском фестивале Фриндж – хотя мы обе не смогли сдержать слез.

Я преклоняюсь перед трудами сотрудников Фонда Шоа, которым удалось сохранить свидетельства множества заключенных, чьи голоса не были бы услышаны. Благодарю всех тех, кто тщательно записывал воспоминания узников для будущих поколений. Хочу отметить поддержку куратора Криспин Брукс, менеджера по работе с общественностью Дуга Болмана, инспектора Джорджиану Гомез и Институт визуальной истории и образования при Университете Южной Каролины. В Великобритании мне оказал большую поддержку Рассел

Брук, консультант Бедфордской библиотеки Лондонского университета, обеспечивший мне доступ к закрытым документам Фонда Шоа.

Я благодарна сотрудникам великолепного Национального центра и музея Холокоста в Ноттингемшире, Англия – Джеймсу Коксу, главе отдела по связям с общественностью, Мартину Уинстоуну, моему коллеге-писателю, который помогал с редактурой первых черновиков рукописи. Благодарю Маати Френкельсон из фотоархива Яд ва-Шем и Франческу Розес из музея истории Каталонии.

Я благодарна Фреду МакКормику, специалисту по связям с общественностью University Press (Кентукки), за возможность использовать выдержки из дневников Гонды Редлих. Спасибо Дэну О'Брайану, редактору веб-сайта 11-й бронетанковой дивизии, а также всем выжившим «Громовержцам» и их семьям. Большое спасибо моим коллегам-писателям Майклу Хиршу и Кэну Бреку, любезно предоставившим мне контактные данные освободителей Маутхаузена.

Великолепная акушерка Эбби Давидсон давала мне бесценные консультации о процессе рождения ребенка и подробно рассказывала об условиях ухода за истощенными матерями и их новорожденными. Я должна несколько бутылок пива своему другу Майклу Бреллоксу за переводы с немецкого и бутылку Montrachet Анне Грэй за переводы с французского.

Мне невероятно повезло с издательской командой Little, Brown&Co. в Лондоне, от всего сердца благодарю их главу Адама Стрэнджа, чей энтузиазм не ослабевал с того самого момента, когда я зачитала ему первые страницы рукописи и на его глаза навернулись слезы. Я надеюсь, нам удалось сделать книгу, которую он хотел увидеть. Благодарю Урсулу Макензи, исполнительного директора Little, Brown&Co., за нашу слаженную работу, редактора Рианона Смита, выпускающего редактора Стива Гоува и специалистов по рекламе и продажам Викторину Гильдер, Зою Худ и Чарли Кинга.

Благодарю своих добрых друзей из правового отдела – Энди Хайн, Кэйт Гибберт и Хелену Дори, – которые держали меня за руку во время многочисленных переговоров и заключений контрактов. По минному полю законодательства меня провел несравненный дуэт – Сара Бертон и Кэйт Пул из Общества писателей Лондона. Благодарю всех зарубежных редакторов и издателей, выразивших доверие моей книге на Лондонской книжной ярмарке в 2014 году, и всех литературных агентов и переводчиков, художников-оформителей, специалистов по маркетингу и продажам, проделавших огромную работу, чтобы тысячи людей узнали эту невероятную историю. Отдельная благодарность моему польскому издателю, Соне Драга, с которой мы познакомились в музее Аушвица. Спасибо Джойске де Вийс из Книжного Дома Нидерландов, Ане Бензенхофер из RBA Libros, (Испания); Клаудии Кочиа из Edizioni Piemme SpA (Италия); Генрику Карлссону из Massolit ForlagsgruppeAB (Швеция); Кирстен Фасмер из Rosinante & Co., (Дания); Николаю Науменко из АСТ (Россия); Маркусу Стрекеру и Мауро Палермо из Globo Editora; Фредерику Поле из Presse de la Cite (Франция).

Благодарю Клэр Уочтел, моего редактора в Harper Collins US, которая также является дочерью выживших узников концлагерей, и ее коллегу Ханну Вуд. Выражаю огромное почтение Мэри Энн Томпсон, талантливому литературному агенту, без помощи которой книга бы не вышла. Благодарю Люси Фергюсон, мою музу от издательского дела и надежного соратника, убеждавшую меня, что я на верном пути. Благодарю Карли Кук, перед чьими редакторскими способностями я снимаю шляпу. Отдельное спасибо за то, что именно она делала первоначальную вычитку рукописи, прежде чем ее увидели остальные.

Интенсивность работы над книгой изо дня в день поддерживала моя подруга Клэр Аррон. Ее сила, храбрость и чувство юмора побеждали любые сомнения и вдохновляли меня. Мы вместе проживали годы работы.

Наконец, хочу от всего сердца поблагодарить Криса, своего мужа и лучшего друга – человека с великолепным смехом, большими умелыми руками и огромным сердцем. Множество раз я на месяцы погружалась в работу, но он не только не жаловался, но вжился и сам в эту историю, сопровождал и поддерживал меня, обеспечивал бесконечными чайниками

с чаем и экстренными джин-тониками. Прости за ночные кошмары.

Венди Холден